

Глава 1

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГОЛОВЫ

Жил-был на свете юноша по имени Жоан. Обитал он в деревеньке Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы, удивительной деревеньке, приютившейся на опушке заповедника Диковинных Созданий. И хотя до этой чащи всяческих ужасов было не больше пятисот шагов, но проникнуть в нее никто не решался. И не только потому, что заповедник окружала стена немыслимой высоты. Стена стеной, но дело заключалось еще и в том, что жители деревеньки — несчастные плаксы, которые проливали слезы с утра до вечера,— боялись даже собственной тени. И где уж им было думать о битвах с чудовищами, о семи головах, или с пятирукими великанами, или с драконами, у которых, — страшно такое и вымолвить, — пища проходила в брюхо через две глотки!

Ведь сизмальства привыкли эти слюнтяи плакать да причитать; день и ночь сидели они в своих жалких хижинах, а за окнами с неумолимым упорством лил дождь, словно у туч были глаза на мокром месте, и тысячи плакучих ив (любые-дороги эти ивы были всем слезоглотовцам) роняли слезы со своих печальных ресниц. И все слезоглотовцы шмыгали носом,— само собой разумеется, где сырость, там и насморк,— и с наслаждением слушали облаченных в траур певцов, которые, терзая свои жалобные скрипки, неустанно пели погребальные песни.

И только один Жоан, наперекор всем своим землякам, не унывал и не плакал. Был он весел и отважен, а поэтому и прозвали его слезоглотовцы Жоаном Смелчаком.

Однажды, по горло сытый всем этим нытьем и безысходной нищетой, от которой леденели дома и покрывались плесенью люди, Жоан сказал своей матери:

— Мама! Не могу я так жить. Пойду перелезу через стену.

Мать, которая, соблюдая местные обычаи, денно и нощно оплакивала свою вдовью долю, разразилась воплями:

— Ох, не ходи, не ходи туда, сынок! Знай, светик мой, этот проклятый лес кишмя кишит людоедами — волшебниками людоедами, и они пьют человеческую кровь. Да, сынок, так-таки и пьют ее, злодеи, пьют прямо из черепов... Не ходи туда, не ходи!— И, надрывая свое бедное сердце, она причитала на все лады, то и дело приговаривая: — Ох, чую я, не видать мне больше милого сыночка!

Но материнские мольбы не остановили Жоана Смелчака, и на следующее утро он покинул деревеньку Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы. Украдкой добрался он до стены, которая окружала лес. А на этой стене была надпись:

**ТЕМ, КТО БЕЗ СТРАХА БРОДИТ ПО ЖИЗНИ,
ВХОД ВОСПРЕЩЕН.**

Не стал, однако, Жоан Смелчак вчитываться в эти строки. Уцепившись за какую-то лозу, вскарабкался он на гребень стены; и странное дело — по какой причине неизвестно, но незримые стражники подсадили Жоана, и он быстро взлез на стену. Главное было взобраться, дальше все пошло куда проще. Снова явилась на помощь спасительная лоза, и, нащупывая ногами скользкие, покрытые мхом выступы, Жоан Смелчак спустился с высокой стены.

Озираясь по сторонам (кто знает, какие чудища скрывались в этой чаще и какие загадки могли здесь подстергать чужака), Жоан вошел в лес.

Сперва ничего особенного он там не увидел. Лес был как лес, правда, уж очень густой казалась листва. Солнце с большим трудом пробивалось через нее, и на мягком ковре из лишайников и мхов, на подгнивших грибных шляпках и сухом валежнике редко-редко вспыхивали золотистые блики.

Лишь спустя добрые четверть часа, когда глаза Жоана привыкли к полумгле, ему открылось поистине необычайное зрелище: деревья лениво потягивались, птицы же не пели, а шумно зевали, разинув клювы. Цветы принакали к земле и, положив разноцветные головки на травяные подушки, наполняли воздух тонким ароматом. А ручьи зевотно бормотали, неторопливо струясь в зеленых берегах. Внезапно Жоана Смелчака ододела тяжкая сонная одурь, — ноги и руки оцепенели, свинцом налились веки. И, желая сбросить с себя эту одурь, он во весь голос бросил дерзкий вызов дремлющему лесу:

— Эй вы, лесные жители, откликнитесь! Или здесь нет никого? Ни фей, ни гномов, ни фавнов? Ну, скажите на милость, стоило ли перелезть через стену, чтобы очутиться в этом сонном царстве?!

Долго, долго шел он в полудреме. То катил перед собой камень, то пинал ногой кусты: надо же было каким-то образом отогнать сон. В конце концов, Жоан вышел на широкую и светлую поляну; такую светлую, что зажмурил он глаза, — уж очень неожиданно яркое солнце сменило лесную мглу.

А когда снова открыл их, то убедился, что от поляны в глубь леса идут две дороги, да, да, именно две, совсем как в сказках, и он иронически улыбнулся, понимая, что иначе и быть не должно. Одна, широкая, асфальтированная, шла через заросли цветущего миндаля, другая, каменистая, была в щетине колючек и вся заросла крапивой и чертополохом.

«Ну вот, — подумал Жоан. — Перед тобой два пути - Добра и Зла, — выбирай любой, хотя такого не бывает на свете, чтоб Зло и Добро шагали по разным дорогам. И теперь сказка будет не в сказку, если не появится настоящая фея... Фея-защитница, фея с волшебной палочкой, такой же, как те жезлы, которыми колдуют на перекрестках полицейские. Да! Пусть явится фея — без нее ни шагу дальше!»

И он, не скрывая усмешки, крикнул:

— Эй, фея лесов! Явись ко мне, дорогая, явись, радость души моей!

И вдруг из лесной чащи вышло удивительное создание; казалось издали, что это юная и прекрасная девица. Ее белокурые волосы спускались до пояса, а на лбу сияли три серебряные звезды. В правой руке она держала волшебную палочку, в левой — веретено. А туника была украшена изумрудами и рубинами, и щеголяла она в платиновых туфельках, — именно в таком убранстве и положено феям являться на волшебные балы.

Сперва Жоан онемел от восхищения. Но когда фея подошла ближе, улыбку сменила недоверчивая гримаса.

— Ты фея Двух Дорог! — с недоумением спросил он. — А ну-ка, предъяви паспорт.

— Неужели ты мне не веришь? — пропищала фея (если только и в самом деле это была фея) тоненьким, явно измененным голоском. Так пищат из-под масок ряженные на карнавалах и маскарадах. И добавила, чтобы уклониться от дальнейших расспросов: — Да, я Неизбежная фея, фея, без которой не обходится ни одна сказка.

— Ладно, ладно, — снисходительно улыбаясь, успокоил ее Жоан.

Он с трудом сдерживал смех. И было над чем посмеяться. Право, уж очень эта фея похожа была... Ну да, разумеется, никакая это не фея, а мужчина в женской одежде. На рисовую пудру этот тип не поскупился, да разве скроешь темную щетину на подбородке, да и поступь у него твердая и решительная. А, кроме того, никак не давались ему ужимки, свойственные только женщинам, а ужимок этих в них, по меньшей мере, тысяча и одна. Взять хотя бы манеру накручивать локоны на пальцы.

И, не желая обидеть фею, Жоан Смельчак все же расхохотался.

— Что поделаешь, сын мой, иного выхода не было, — смущенно пролепетала фея, путаясь в своем длинном подоле. — Когда к нам, в канцелярию Третьего волшебного отделения, позвонили и вызвали дежурную фею на перекресток Двух Дорог, на месте, как на грех, оказался только я — я там посыльным работаю — да престарелая фея, злюка, каких свет не видывал. Ее ревматизм одолел, пошевелиться не может, да и стаж у нее, наверное, пятьдесят тысяч лет, если не больше, а работала она, слов нет, безупречно. Ей, бедняжке, давно пора на капитальный ремонт. И тут я возьми да и предложи этот маскарад: надо же спасти престиж нашего Отделения. Попробуй не пошли фею на перекресток Двух Дорог — и Главный волшебник задаст нам перцу, он у нас шутить не любит. Попробуй не выполни его приказа, и он тебя так пропесочит, что только держись. Нет уж, думаю, дай-ка оденусь я феей. Потому и пришел сюда... Но не думай, пожалуйста, что в колдовстве я новичок. Как бы не так! Мне ничего не стоит одним щелчком превратить тебя в мышь. И в лягушонка тоже... Хочешь, покажу?..

— Нет, нет, спасибо, — прервал его Жоан. — Я тебе и так верю. Одного не могу взять в толк: ты такой дока по части всяческого волшебства, а в женщину почему-то не превратился и сюда пришел в этом дурацком парике с кудрями?

— Да вся беда в том, что согласно первому параграфу Тайной Конституции Мира, изменению поддается лишь видимость, внешний вид живых существ, а естество их, сущность, остается неизменной. В частности, пол. Для меня плевое дело обратить тебя в кота, — что, испугался? — а вот в кошку не могу.

— Хорошо, хватит меня страшить, — не выдержал Жоан. — Раз уж ты взял на себя роль феи, то и води себя как следует и посоветуй: по какой дороге мне пойти? По асфальтированной или по каменистой?

— Видишь ли, дружок... Хорошая дорога ведет к счастью, а плохая к несчастью, — пояснил посыльный, засунув веретено под мышку и поправив парик, чтобы лучше замаскировать плешь.

— Ну что ж! Конечно, я выберу хорошую дорогу: любой бы сделал так на моем месте, — решил Жоан Смельчак, не очень, однако, доверяя этой обманчивой простоте. — Только безумец или глупец избрал бы дурную дорогу.

И он уже двинулся было по дороге, обсаженной миндальными деревьями, как вдруг мнимая фея остановила его властным движением руки:

— Постой! Я должен предупредить охрану дороги Счастья. Формальность... но ее- надо соблюсти... Подожди минутку.

Он извлек из кармана серебряный микрофон, и что-то сказал на языке фей охраннику, который, судя по всему, скрывался где-то поблизости.

— Готово! — воскликнул посыльный, закончив разговор. — За тобой выслали машину. Прощай и будь счастлив! — И, уже не пытаясь больше скрыть плешь и подоткнув за пояс подол туники, верзла рысцей помчался к лесу.

А перед Жоаном как из-под земли вырос золотой автомобиль, без водителя и без пассажиров. Две стальные руки осторожно приподняли юношу и усадили его на мягкое сиденье.

Дверь автоматически захлопнулась, и машина тронулась в путь. Она летела со скоростью восемьсот километров в час и во мгновение ока домчала Жоана к беломраморному замку. Это был огромный куб без окон. Лишь в одном месте в фасадной стене была прорезана маленькая дверца. На каменной плите у порога лежали плаха, топор и тяжелая золотая цепь.

— Что это значит? — в недоумении спросил Жоан Смельчак у волшебного автомобиля.

Но машина молча высадила его на дорогу, махнула на прощание механическими лапами и сразу же исчезла.

В тот же миг из дверцы куба выглянуло отвратительное существо. Человек? Пожалуй, что и так. Но почему-то у этого чудища голова была отрублена, оба глаза примостились на груди, а рот с красными мясистыми губами — на животе. И губы сложились в улыбку, когда это создание сладчайшим голосом воззвало к Жоану:

— Да пребудет с тобой тупость и покой во веки веков! Ты готов к операции?

— К какой операции? — не без испуга спросил Жоан.

Человек без головы, не выпуская из своей надбрюшной пасти сигарету, с чиновничьим равнодушием сказал:

— Никому не дозволяется следовать асфальтированной дорогой, ведущей к полному счастью, пока он не выполнит наших требований, — их всего два. Во-первых, ты должен по доброму согласию допустить, чтобы тебе отрубили голову, — дабы ты больше ни о чем не думал и не имел собственных мыслей; да и негде будет тебе заводить вшей и всякие опасные идеи. Второе и последнее требование: пусть наложат на твои ноги и руки золотые кандалы.

Жоан Смельчак мгновенно ошетинился:

— Нет, нет! Ни за что на свете! Сразу видно, что головы у тебя нет!

— Зато после этого пустякового хирургического вмешательства, — невозмутимо продолжал урод, — ты сможешь провести всю свою жизнь в праздности и довольстве. Все будет к твоим услугам, и притом бесплатно. Ведь мы, безголовые живем, не зная ни забот, ни хлопот.

Но Жоан упрямо стоял на своем:

— Нет, нет! Ни за что на свете! Лучше уж я пойду другой дорогой.

— Глупец! — пробормотал безголовый стражник, и из его очей хлынули горькие слезы. — Тебе же будет лучше. Голодать больше не придется, не надо будет жить в вечном страхе и тревоге...

— Ну, знаешь!.. Лучше уж голодать, чем ходить без головы. Ты даже не представляешь, как она мне нужна.

— Чепуха! Ничуть она тебе не нужна, — возразил безголовый и, чтобы сломить упорство Жоана, привел новый, совсем уж идиотский довод: — По крайней мере, не придется дважды в месяц ходить к парикмахеру.

Но, заметив, какое лицо сделалось при этом у Жоана, он, желая урезонить юношу, сказал:

— Есть еще один выход. В параграфе сотом статьи четыре тысячи пятьсот семьдесят девять Правил внутреннего распорядка сказано, что в силу эстетических требований все наши дипломатические представители за границей (что поделаешь, такова уж их профессия) пользуются особой привилегией: этим счастливым — тут, видишь ли, случай особый — хирурги не отсекают голову, а лишь вытягивают из нее через соломинку мозги. Так что если поглядеть со стороны, то голова у них как голова. Чтобы англичане, например, видели... Да куда же ты? Пстой! Не уходи! Подумай хорошенько! На худой конец потребуй, чтобы тебе чем-нибудь заменили голову. Скажем, арбузом или футбольным мячом, хотя это, по-моему, не очень ладно. А вот что ты скажешь о теннисном мяче? По-моему, он очень идет статным и элегантным особам... Да куда же ты? Не торопись! Послушай!!

Но Жоан Смелъчак был уже далеко... Он шел быстро и уверенно, с гордостью ощущая на плечах свою голову. И, придя, наконец, снова на светлую поляну, он, не раздумывая, выбрал дорогу, поросшую чертополохом и угрюмыми кустарниками. И бросил при этом вызов всему лесному сонмищу:

— Знаю, вы будете меня преследовать, вы выколете мне глаза, отрежете уши, превратите в ящерицу, летучую мышь, в паука, во что угодно! Но клянусь, никогда в жизни не стану я счастливым на ваш манер. Не стану, потому что не хочу этого.

И Жоан двинулся по крутой и тернистой дороге Несчастий. И он твердо решил отныне и впредь скрывать свой страх, ибо в этом и состоит истинная храбрость. Человеческая храбрость настоящего Человека.

Глава 2

ДЕСЯТИРУКОЕ ДЕРЕВО

Прошел Жоан Смелъчак совсем немного и вдруг с удивлением заметил, что камни, которыми была усеяна дорога Несчастий, ничуть не похожи на обычные безобидные булыжники. У здешних камней были пасти; в которых щелкали могучие челюсти с острыми зубами. А зубы эти были побольше у больших камней и поменьше у малых. Самые крупные камни, — впрочем, это уже были не камни, а целые утесы, — щерились клыками, которыми не погнушался бы добрый слон, и эти клыки в любую минуту готовы были вцепиться в ногу зазевавшемуся путнику. Обыкновенные булыжники без устали что-то грызли своими мышиными зубками, и когда им удавалось цапнуть Жоана Смелъчака за пятки, они с наслаждением облизывали толстые, замшелые губы, забрызганные кровью.

Не час и не два шел Жоан Смелъчак по кусающейся дороге, испытывая фантастические муки. Но ни на йоту не утратил он своего веселого мужества.

— Кусайтесь, кусайтесь себе на здоровье, — с презрительной усмешкой твердил он, подавляя стоны, чтобы никто не догадался, как ему больно. — Лучше без ног остаться, чем без головы.

И с такой твердостью переносил он эти муки, что камни, наконец, перестали кусаться: время, отведенное уставом для испытания, истекло.

— Уф! — Стало сразу легче, никто уже не терзал Жоана Смелъчака, и он с тяжелым вздохом уселся под вековым дубом на придорожный валун. Улыбаясь, он погрозил камню:

— Смотри, малыш, не вздумай кусаться!

В восторге от своей победы, Жоан расположился под сенью старого дерева. Он обмыл окровавленные ноги в протекавшем поблизости ручейке и кое-как привел в порядок изодранные башмаки.

Однако мирная передышка была недолгой. Только-только собрался Жоан отправиться в путь, как в шею ему впились пять жестких, холодных пальцев и тесно сдавили гортань.

Пылая гневом, Жоан стал яростно отбиваться; во что бы то ни стало, надо было вырваться из цепких пальцев этой чудовищной нечеловеческой руки. Но она все сильнее сжимала его горло.

— Отпусти меня! Отпусти!

Чем отчаяннее сопротивлялся Жоан, тем крепче впивались в него безжалостные пальцы. И тогда он решил изменить тактику.

Жоан перестал бороться, он неподвижно повис в воздухе, полагая, что непротivление смирит ярость руки душительницы. Так и случилось. Пальцы ослабли, и Жоан Смелъчак, раскачиваясь над землей, смог наконец разглядеть своего мучителя. А им оказался тот самый дуб, под которым сидел Жоан. Было у дуба десять стволов, и стволы эти были похожи на человеческие руки, и у каждого имелось пять кривых, когтистых ветвей. И — цап... Оно сгребло Жоана в охапку, и бедняга взлетел к небесам. Раз два три... семь... двадцать... Дуб подбрасывал Жоана под облака с ловкостью жонглера, и все соседние деревья аплодировали фокуснику. Радостно шумела листва, отзываясь на порывы ветра. Ну а придорожные камни, так те просто лопались от смеха. Даже мрачный утес — был он похож на

дряхлого старца и беззубой пастью сосал глиняную трубку — не удержался и взвизгнул от удовольствия.

Окончив этот цирковой номер, дуб спустил Жоана на землю и дал ему передышку, все еще, однако, угрожая своей жертве всемидесятью стволами.

Как только разогнулись когти, юноша проделал два-три упражнения лечебной гимнастики, потер затылок и запел, расправив плечи; голос его звучал отважно и весело, но, право же, чувствовал он себя скверно, не очень-то ему хотелось петь.

— Так ты еще смеешь петь? — заскрипел дуб. — Какого дьявола ты так развеселился, безумец?

— А я пою потому, что чувствую себя счастливым, сеньор Дуб, тут уж ничего не поделаешь! — дерзко ответил Жоан Смелчак. — Напрасно вы считаете, что мое счастье или несчастье зависит сейчас от вас, от ваших прихотей и капризов, приказов и отказов.

— Ах, вот как! Хорошо, мы сейчас посмотрим, так это или не так, — с издевкой проскрипело дерево. — Стоит мне выпустить из моих десяти стволов пальцы-присоски, и они высосут из тебя всю кровь до последней капли... Или возьму да и обернусь плеткой-десятихвосткой — да спущу с тебя шкуру... Тут-то ты у меня запоешь по-другому... Но нет. Лучше я поиграю тобой в футбол вместо мяча. То-то будет потеха.

И чудовище опять схватило Жоана, размахнулось и швырнуло его ближайшему дереву, а то, в свою очередь, запустило им в соседа. И пошло, и поехало...

Много километров пролетел юноша в воздухе; его перебрасывали, словно мяч; игра эта вызвала восторг и у камней, и у захлебывающихся от хохота деревьев-футболистов.

Муки Жоана прекратились только после того, как невидимый судья-ветерок скомандовал:

— Ладно на сегодня хватит. Бросьте мяч, и марш в душ!

Деревья мигом исполнили этот приказ. Они швырнули Жоана и принялись торопливо стаскивать лубяные майки и трусы, наслаждаясь теплым дождем, который щедрые тучи излили на долину Доброго Здравия.

Тем временем бедный Жоан Смелчак, совершенно сонный, да при этом еще измочаленный до самых костей, растянулся прямо на земле и закрыл глаза. Засыпая в колющей постели из репейника и чертополоха, он проворчал: «Право же, я становлюсь истинным факиром!!»

Сон освежил Жоана, но, пробудившись, он ощутил такой зверский голод, что готов был перерыть всю землю и штурмовать облака.

Подняв глаза к небу, он заметил белую голубку, которая насмешливо проворковала:

— Ты что на меня уставился?! Слюнки текут? Славный бы суп из меня получился, не правда ли? Я вижу, у тебя губа не дура. Только близок локоть, да не укусишь. — И птичка засмеялась.

Смешно стало и Жоану, но виду он не подал; озираясь по сторонам голодными глазами, наш герой жадно высматривал какую-либо поживу, и удалось ему наконец приметить на противоположном берегу озера Зеленой Тины сад с мандариновыми и апельсиновыми деревьями; издали казалось, что сад этот очень велик.

Озеро было нешироким, а голод мучил Жоана невыносимо. Поэтому, ни минуты не колеблясь, он разделся, укрепил узелок с одеждой на голове и осторожно вошел в зеленую тинистую воду, не сомневаясь, что без труда достигнет желанного сада.

Однако случилось невероятное: хотя Жоан плыл быстро и энергично и берег, казалось, был уже совсем близко, расстояние до него не уменьшалось: озеро растягивалось! Надеясь добраться до твердой земли, он плыл из последних сил. Но кругом была вода, одна только вода. Берег удалялся!

— Вот чудеса! Выходит, я попал в резиновое озеро?! — задыхаясь, пробормотал Жоан Смелчак.

Не отступать ни при каких обстоятельствах — таково было неизменное правило Жоана, и он решил выдержать и это испытание. Берега почти скрылись из виду, а юноша все плыл и плыл. Он безгранично верил в себя, в силу своих рук и был убежден, что воля приведет к победе...

— Эй, бесова душа! Заплачь же наконец! — подстрекнула его волна, выплевывая из своей пасти пену.

Возмутилась какая-то рыбка и тихо булькнула:

— Ну, на что это похоже? Так не годится. Ты не даешь мне и моим подружкам мирно подремать в тишине, ты взбаламутил всю воду. Иди же наконец ко дну, несчастный!

Чайка, то и дело садясь на воду, вкрадчиво уговаривала Жоана:

— Плыви обратно! Заплачь! Зарыдай! Моли о пощаде! Ведь ты идешь по дороге Несчастий. Так почему ты прикидываешься счастливым и почему у тебя такой вид, как будто на твою долю достался великий выигрыш?

Мудрая сова — голова ее увенчана была митрой, а глаза застилала пелена: поэтому дном и ночью летала она в непроглядной тьме, — шепнула Жоану:

— Хочешь полакомиться апельсинчиком? Так послушай моего совета, разыграй комедию. Притворись, что ужасно страдаешь. Будь лицемером. Солги. Выпроси апельсин, Христа ради, как милостыню. Ну, не будь же глупцом, поплачь хоть капельку!

Но Жоан Смелчак решительно отверг этот совет и, собравшись с духом, запел во весь голос. И его голос, звонкий и мужественный, смирил ярость вод. Волны улеглись, их ропот смолк. И как сигнал к отбою пронесся над озером легкий вздох ветра, сменившего гнев на милость. Два-три взмаха, и Жоан Смелчак достиг берега и вступил в апельсиновый сад, обремененный золотистыми плодами.

Вполне понятно, что Жоан словно одержимый со всех ног кинулся к ближайшему дереву, желая сразу же сорвать с него десяток-другой плодов. Но внезапно, как по мановению волшебной палочки, апельсины съежились, стали величиной с горошину, взмыли вверх и — крак! — лопнули с оглушительным треском.

Задетый за живое и опасаясь новых неожиданных сюрпризов, Жоан Смелчак подкрался к другому дереву. На этот раз апельсины не улетели. Они превратились в позолоченные кукольные головки и показали ему язык.

— Препятствие была остроумнее,— заметил Жоан. И направился к мандариновому дереву, втайне надеясь сорвать какой-нибудь зазевавшийся мандарин. Но как бы не так! Завидя его, плоды посыпались с веток, точно резиновые мячи, и разлетелись в разные стороны.

Тогда, решившись в последний раз попытаться счастья, Жоан Смелчак на цыпочках пробрался к четвертому дереву. Увы! Будто сговорившись, апельсины и мандарины расправили крошечные голубые крылья и преспокойно взвились под облака. Забыв на мгновение про свой голод, Жоан во все глаза глядел на это поразительное зрелище, на эти крылатые золотые шары. В восторге он воздел руки к небу и воскликнул:

— Поздравляю тебя, злой волшебник! Поздравляю и от всего сердца благодарю за эти незабываемые минуты, самые яркие и прекрасные в моей жизни! Благодарю тебя! Но послушай теперь, что я тебе скажу. Оставь меня в покое. Прекрати свои выходки! Довольно! Неужели ты еще не понял, — для меня счастье как раз в том и заключается, что я упорно преодолеваю все преграды, которые ты воздвигаешь на моем пути. Терзай других. Слышишь! Терзай других!

Жоан Смелчак умолк и тут же почувствовал, что тело его деревенеет и кровь застывает в жилах. Пожелал он повернуться, и не смог. Пожелал опустить руки — не тут-то было! Пожелал переступить с ноги на ногу — как бы не так! Казалось, какие-то таинственные корни прикрепили его к земле.

Но когда какая-то шустрая птица стала вить на Жоановой голове гнездо, юноша с ужасом убедился, что стал деревом.

Глава 3

ХРУСТАЛЬНЫЙ ХОЛМ

«Хуже всего то, что я не могу двинуться с места», — размышлял Жоан Смелчак, обреченный, точно паралитик, на полную немоту и неподвижность; он и пальцем не в состоянии был пошевелить без помощи волшебного ветра. Да к тому же стоял он совсем голый, и ничто не защищало его от солнца и от дождя.

— Не понимаю, почему деревья и кусты не носят одежды. Надеть бы им брюки, пиджак, рубашку с высоким воротничком и галстук, крахмальную манишку, — рассуждал он, чтобы хоть как-то скоротать томительные зимние вечера. — Кто осмелится утверждать, что дубу не к лицу был бы плащ, такой, как носят в Алентежо, а буку не пошла бы шапка из козьего меха? Или каштанам шерстяная куртка? А сосны, торжественные, величавые сосны, я и представить их себе не могу без фрака и траурного крепа на цилиндре. А я? Вот несчастье!.. — И, горестно вздохнув, он заключил: — Ладно, пусть дадут мне непромокаемый плащ, он все же предохранит меня от простуды.

Но не только это стояние нагишом вызывало недовольство у Жоана. Каждый день преподносил ему горькие неожиданности.

Однажды утром в черном зеркале пруда он поймал свое отражение и убедился, что волосы его стали очень похожи на зеленую листву, и разрастались они без всякого удержу.

— Хорошо бы к парикмахеру сходить, — мечтательно прошелестел Жоан. — С эдакой поэтической шевелюрой людям и на глаза показаться стыдно.

Но еще мерзостнее стало Жоану, когда одолел его нестерпимый зуд, от которого он едва не сошел с ума.

«Наверное, я подхватил корь. Или оспу...» — думал Жоан Смелчак, впадая в отчаяние, ибо никак не удавалось ему почесаться.

А на следующий день все его тело, руки, ноги, голова, губы и нос покрылись бесчисленными язвами. Ничего не поделаешь, придется молча страдать, ведь по соседству не было дерева-лекаря, которое промыло бы его раны и наложило бы на них пластырь из коры, смоченной горячим соком.

И когда эта проказа донимала Жоана особенно крепко, мимо него прошли двое влюбленных.

— Посмотри, какое прелестное дерево! Все в цвету... И как чудесно пахнет!

Жоан Смелчак едва не задохнулся от бешенства:

— Нет, вы полюбуйте только на этих глупцов! Им и дела нет до чужого горя. Они еще восторгаются моими болячками. Все в цвету, говорите? Вам бы вот такое цветение. Объявись у вас сотня таких злющих нарывов, вы завели бы иные песенки.

Но влюбленные — какое им дело было до страданий Жоана-дерева — расположились в тени его ветвей и, услаждая друг друга словами, не предназначенными для чужих ушей и томимые страстью, клялись в вечной любви, и, чтобы увековечить эти клятвы, милая пара вырезала на голених Жоана Смелчака два сердца пронзенные стрелой.

— Только мне этой татуировки еще не хватало! — негодовал Жоан Смелчак, истекая соком, который, точно кровь, струился из свежих порезов. — Увидят меня птицы с такими метками и засмеют вконец. Ну и мерзавцы эти влюбленные!

И, поддавшись искушению, он воззвал к ветру на особом, древесном языке, который людям был непонятен:

— Сеньор Ветер, будьте добры — сорвите с меня ветку, которая потолще, и я разможжу головы этим бесстыдникам.

Но сеньор Ветер, пролетая на своем невидимом самолете, даже не обернулся в его сторону. И Жоан Смелычак так и остался у входа в сад, голый и одинокий, с воздетыми к небу руками, а тело его было сплошь усеяно кровавыми язвами, которые люди почему-то называют цветами.

Как-то раз, на той же неделе, Жоан Смелычак увидел, как из соседнего леса вприпрыжку выбежала девочка. Кожа у нее была белая, точно снег, глаза зеленые, с золотыми искорками, а волосы цвета меда. Она ходила по ежевику и теперь возвращалась с полной корзинкой.

— Какое чудесное дерево! Такое мне и нужно для качелей!— обрадовалась она.

И, легкая, точно птичка, она мигом вскарабкалась на Жоана Смелычака и привязала к его рукам веревки. И вот качели готовы: вверх — вниз, вверх — вниз, вверх — вниз; сердце у девочки всякий раз замирало от страха, но она улыбалась, и Жоана радовали ее губы, черные от ежевичного сока. Сначала «дерево-поневоле» возмущалось этой забавой. Веревки все больше и больше впивались в тело и натирали кожу. Но мало-помалу Жоан Смелычак привык к тоненькой девочке с волосами цвета меда и нежным личиком и так привязался к ней, что если она не приходила, он сох от тоски. Не раз Жоан просил прохожих воробья:

Поговори с ней от моего имени. Пожелай ей доброго утра. Скажи, что зеленая шляпа ей очень к лицу.

Но проказник воробей не передавал Жоановых комплиментов; он лишь ехидно посмеивался и часто непристойным образом пачкал зеленую шляпку девочки с волосами цвета меда.

С наступлением осени малютка исчезла, и Жоан Смелычак до того опечалился, что стал терять свои волосы-листья.

И теперь он стоял печальный и лысый. И, убедившись, что не суждено ему провести, где и как живет эта девочка с волосами цвета меда, Жоан Смелычак принялся оплакивать ее, а слезы ему давала всякий раз утренняя роса.

Однажды перед ним нежданно-негаданно предстал широкоплечий и ясноглазый старик в красном колпаке. За поясом у него был топор. Он долго осматривал дерево и, наконец, громко сказал:

— Нет сомнения. Это он, Жоан Смелычак.

Юноша хотел было подтвердить, что так оно и есть, что он и в самом деле Жоан Смелычак, но поди-ка поговори, когда тебя не колышет ветерок.

— Бедняга! Да ты и слова-то вымолвить не можешь. Только на языке цветов - их аромат нам внятен - мы можем объясняться с тобой. Погоди немного, я тебе сделаю рот.

И во мгновение ока острым топором старик прорубил в коре огромный рот с губами, деснами, языком, зубами - словом, всем, что необходимо.

— Ну вот. Теперь говори, сколько душе угодно.

Жоан затрепетал от радости - наконец-то оковы молчания сброшены. Его лубяные губы с трудом зашевелились, и он пробормотал деревянным голосом:

— Да. Я действительно Жоан Смелычак. Меня заколдовал злой волшебник.

— Это я отлично знаю, дружок. И думается мне, что он не собирается вернуть тебе прежний облик.

— Неужели я навсегда здесь останусь?— ужаснулся Жоан.

— Навсегда... Если только... — Старик явно колебался.

— Если только что?! - с тревогой переспросил Жоан.

— Если только ты не вступишь со мной в сговор...- решил сказать старик.

— Ну, разумеется! Конечно, я согласен! Ты еще спрашиваешь! - заверил его Жоан самым убедительным тоном, какой только допускал его новый деревянный голос. И замолк, ожидая, что скажет старик в красном колпаке.

— Жоан, ты знаешь, кто я?

— Откуда мне знать, Старичок Красный Колпачок?

— Я отец девочки с волосами цвета меда.

— Правда?! Ну как она там? Что с ней? - заволновался Жоан Смелычак: ему не терпелось узнать, что случилось с его любимицей, - ведь всю весну и все лето была она единственной отрадой.

— Она лежит в постели ей очень плохо. Пришел ее черед идти во дворец на Хрустальном холме, в этот проклятый дворец, а туда

*если только попадешь,
путь обратно не найдешь,*

— печально заключил старик, и на глазах у него выступили слезы. Он пояснил Жоану:

— Все люди, как тебе известно, рано или поздно попадают в этот дворец. Но моя дочурка так молода и прекрасна, я и представить себе не могу, что потеряю ее навсегда.

— Да, это ужасно... Однако скажи, что я могу для нее сделать? Как помочь, как избавить ее от беды? — взволнованно спросил Жоан Смелчок, роняя на землю, будто слезы, сухие листья - ведь деревья тоже плачут.

— Поменяйся с ней судьбой и ступай вместо нее во дворец на Хрустальном холме, - предложил старик в красном колпаке.

Жоан смелчок, ни минуты не раздумывая, согласился:

— Я к твоим услугам, старичок, и готов сделать все, что тебе угодно. Понятия не имею чем я смогу тебе помочь, но я согласен на все, лишь бы вырваться из этого плена, в который меня заживо, стоямя похоронили. Я снова хочу стать человеком, я хочу есть, пить, двигаться, вытворять все, что мне взбредет на ум, понимаешь? Рассчитывай на меня, я выполню все, что ты прикажешь.

— Спасибо тебе, Жоан Смелчок, большое спасибо, - обрадовался старик, и от радости еще яснее стали его ясные глаза. - А теперь, если не возражаешь, давай-ка мы тебя расколдуем.

— Погоди! — остановил его Жоан. — А кто живет во дворце на Хрустальном холме?

— Белое чудовище.

*На него хоть раз кто взглянет,
сердце биться перестанет,*

— предупредил отец девочки с волосами цвета меда.

— Ну что ж. Сначала вызволи меня из этой беды, а там будет видно.

И Жоан Смелчок приготовился стойко перенести неизбежные муки расколдования. А начались они с того, что старик вбил в его искусственный рот большой клин и уничтожил зубы, язык, десны и губы. Затем он нанес по стволу несколько ударов своим топором, и раскроил чудо-дерево сверху донизу.

И вскоре близ фруктового сада поднялась большая поленница. Старик раздобыл где-то телегу и сонную клячу, погрузил дрова и тронулся в путь.

Дома он приказал работнику перетаскать дрова на кухню, а сам, присев на корточки у очага, развел в камине сильный огонь и, чтобы жар не пропадал даром, поставил на решетку железный лист с сырыми каштанами.

И долго-долго сгорали в камине один за другим куски нашего героя, и старик заботливо следил, как бы не выпала из пламени какая-нибудь головешка — почка, селезенка, печень, сердце, кишки или желудок Жоана. И пока Жоан Смелчок корчился в языках пламени, старичок, сияя от радости, грел руки над очагом и мурлыкал под нос магическое заклинание:

*Тра-ля-ля, тра-ле-ле,
ты беги, дымок, в трубе.*

Первое время Жоан Смелчок невыносимо страдал, особенно примысли, что на нем поджаривали каштаны. Но внезапно его охватило новое, неизведанное чувство полной свободы, какой-то удивительной легкости... И тут он все понял. Плоть дерева, сгорая, рассыпалась в пепел, но истинным телом Жоана Смелчка был дым, который поднимался над кучей дров. По мере того как этот белый дым выходил из трубы на свежий воздух, он затвердевал, и клубы его принимали очертания человеческого тела.

Таким образом, пока жарились каштаны, Жоан Смелчок становился человеком. Когда Жоан Смелчок обрел свое тело, он попытался соскользнуть с крыши на землю. Но ничего у него не вышло. И, приняв на себя тяжелое бремя быть человеком, он ощутил и все человеческие потребности. Захотелось ему поспать и отдохнуть в уединении. И, растянувшись на крыше, Жоан уснул крепчайшим сном...

Пробудился он на рассвете, по привычке ощутил дурной вкус во рту, зевнул, протер глаза и вдруг увидел странное существо. Вместо туловища был у этого создания алюминиевый шар с выемкой сверху, шею оно заимствовало у шелковичного червя, голову имело треугольную, вместо ног — колеса и вместо хвоста — пропеллер.

— Садись на меня, и в путь-дорогу, — проверещала диковинная птица. Она видела, что Жоан напуган ее видом, но не обращала на это ни малейшего внимания.

— Куда лететь? — удивился он.

— Как куда? На Хрустальный холм. Куда же еще?!

Тут только Жоан Смелчак вспомнил про свой уговор со стариком и не стал тратить время на расспросы. Он поудобнее уселся на спине у алюминиевой птицы и — была не была — пустился в путь-дорогу.

Чудо-птица завертела пропеллером, расправила крылья из гофрированного цинка и понеслась вперед со скоростью света.

Долго они летели над городами, лесами, полями, горами, морями, ледниками, снежными равнинами — одним словом, над всей землей, — и, наконец осторожно приземлились у подошвы Хрустального холма, а холм этот ослепительно сиял в солнечных лучах. На вершине стояло удивительное здание. То был дворец редкостной белизны, без окон и дверей.

— Здесь живет Белое чудовище, — кивнула алюминиевая птица в сторону дворца.

— А как же туда проникнуть? — спросил Жоан. — Сдается мне, что взобраться на этот Хрустальный холм и войти в дом без дверей дело нелегкое.

— Что и говорить, на первый взгляд кажется, что это трудно, — не без иронии ответила птица. — Но ты увидишь, попасть туда легче легкого.

Жоана Смелчака эта загадка очень заинтересовала, но он раздумывал над ней недолго и затем потребовал у странного металлического существа карманное зеркальце. Диковинное существо топнуло оземь колесом, и тотчас в кармане у Жоана Смелчака оказалось такое зеркало.

— А теперь убирайся прочь с моих глаз! крикнул он.

Металлическое создание подчинилось, и Жоан Смелчак вступил на скользкий откос Хрустального холма. Он решил взобраться на его вершину, хотя попытка эта и казалась безнадежной.

Но — вот сюрприз! — едва Жоан коснулся гладкой поверхности откоса, как его понесло с быстротой камня, подброшенного ввысь рукой великана. И после этого головокружительного взлета Жоан очутился перед главным фасадом дворца без окон и дверей.

В то же мгновение из щели в крыше высунулась огромная рука, белая и гибкая она изогнулась, схватила Жоана за пояс, втащила во дворец и поставила его в самом центре необъятного и безлюдного амфитеатра с беломраморными ступенями. Воздух напоен был светлой музыкой, и казалось, ее рождала тишина. Смущенный и взволнованный, Жоан оглянулся по сторонам. На скамьях никого не было. Перед ним были широкие двери, и, когда Жоан к ним приблизился, они растворились, словно их распахнули руки волшебников. Открылся вход в длинный и узкий коридор, и Жоан Смелчак, зная, что сюда он пришел, чтобы заменить девочку с волосами цвета меда, отправился на поиски хозяина дворца. Но тщетно! По крайней мере, полчаса бродил он по дворцу как потерянный, переходя из зала в зал, из комнаты в комнату, из коридора в коридор, но так никого и не встретил. Ни одной живой души. Никого, решительно никого. Жоан Смелчак готов был уже отказаться от поисков, как вдруг на стене во внутреннем дворике неожиданно увидел надпись:

СВЯЩЕННАЯ КОНЮШНЯ

Любопытства ради Жоан открыл дверь и увидел просторное помещение с платиновыми стенами и хрустальным полом. В дальнем углу могучий вороной конь жевал в серебряных яслях золотистую траву. Над ним на бронзовом гвозде висела огромная коса с длинной рукояткой. Кому принадлежал этот великолепный конь с волнистой гривой цвета черного пламени? Быть может, самому Белому чудовищу? Но что за Белое чудовище? Быть может, сам князь тьмы, вознесенный в белый дворец из преисподней?

Внезапно чей-то голос прервал его размышления:

— Что ты здесь делаешь?

Он сразу же вспомнил слова старика в красном колпаке:

*На него хоть раз кто взглянет,
сердце биться перестанет —*

и, не оборачиваясь, ответил:

— Я Жоан Смелчак и пришел вместо девочки с волосами цвета меда.

А сам потихоньку вытащил из кармана зеркальце, чтобы разглядеть хозяина дворца. Удивительно! Его страхи не оправдались. Напротив, в зеркальце Жоан увидел прекрасного и стройного греческого бога в венке из фиалок.

— Но ведь ты не Белое чудовище?! - с изумлением пробормотал он.

— Конечно, нет,— улыбнулся бог. - Я вовсе на него не похож. Чудовище освободилось от своей кожи, своих мускулов и своей крови. От него остался один лишь скелет, выкрашенный белилами. Оно очень заботится о своей внешности и поэтому пудрит череп рисовой пудрой.

— А я могу с ним поговорить?— спросил Жоан.

— Нет. Его сейчас нет дома. Оно на охоте.

— А как его зовут?

— А разве ты не знаешь? Это ее превосходительство дона Смерть.

Жоан Смелчак весь съезжился от страха.

— Как? Смерть?! Значит, я во дворце Смерти?!

Бледный как полотно, он стал прикидывать, как бы выбраться из дворца прежде, чем Смерть вернется с охоты.

— Почему же она отправилась на охоту без лошади и без косы? — спросил он у бога, а тем временем в голове у него зародился план побега.

— Без лошади и без косы?.. Да что ты! Теперь она в них больше не нуждается. Она предпочитает черный самолет с пулеметом-призраком.

— А ты тоже здесь живешь?

— О нет. Я пришел в гости. Захожу сюда время от времени, чтобы осушить с донной Смертью череп-другой чаю. Так я говорю, мой старый конь? — И, поглаживая жесткую гриву вороного, он сказал: — Бедняга! Истосковался ты по солнцу, по свежему ветру! Давно тебя не выводили из конюшни!

Внезапно Жоан Смелчак изловчился и одним махом вскочил на коня. Правой рукой он схватил косу, а левой вцепился в холку скакуна.

— Прочь с дороги!— закричал он.

Но бог и не думал его удерживать. Напротив, он даже посочувствовал Жоану.

— Беги, беги же скорее, пока не явилась дона Смерть.

— Да кто же ты?— только и успел вымолвить Жоан.

Но конь совершил грандиозный прыжок, пробил крышу и взвился в поднебесье, и Жоан Смелчак так и не услышал ответа. До его слуха донеслось какое-то неясное слово, то ли «любовь», то ли «боль», толком он не разобрал.

А между тем конь уже спустился с Хрустального холма и галопом помчался по бескрайнему полю, засеянному пшеницей. Жнецы, объятые ужасом, голосили:

— Вот она — Смерть на черном коне! Вот она Смерть! Чей настал черед, кого она унесет с собой? И Жоан Смелчак косой Белого чудовища сжал всю пшеницу. Таков был его ответ этим людям.

Глава 4

КРЫЛАТЫЙ ГРАММОФОН

Радостный гул пронесся по равнине. Из множества глоток вырвался крик:

—Смерть нам помогла! Смерть нам помогла!

Однако конь разъярился, сбросил Жоана и дважды ударил оземь копытом. С грохотом разверзлась земля, вспыхнуло черное пламя, и скакун исчез в преисподней. Несколько жнецов тут же кинулись на помощь потерявшему сознание Жоану. Они перенесли его на постоянный двор, вылили ему на голову ведро воды, раздели и уложили в постель.

Когда Жоан Смелчак пришел в себя, он вскрикнул от удивления: у суетившихся вокруг него крестьян не было пальцев — их заменяли металлические лезвия.

—Что у вас вместо пальцев?— спросил он, превозмогая головокружение и боль от ушибов.

Хозяйка постоянного двора, кривая на левый глаз старушка, примялась объяснять ему причину этого необычного явления. При этом она чистила грушу остро отточенным указательным пальцем (на лезвиях остальных пальцев-ножей виднелись следы ржавчины).

Вот что узнал Жоан.

Давным-давно, в незапамятные времена, эта равнина, — а она тянется до гряды Ветра Забияки, — принадлежала Обжоре-Семиглоту. Был он ужасно жесток, и под страхом плети люди трудились по шестнадцать часов в сутки, чтобы набить его ненасытное брюхо. А вместо платы давал он им по краюхе хлеба, так что бедняги едва держались на ногах, и жили они в диком и дотоле неслыханном рабстве. Вдобавок, Святые Сыщики каждую ночь отбирали по сто человек, вскрывали им жилы и кровью своих жертв удобряли поля; ненасытной утробе Семиглота требовалось много хлеба, масла и вина.

Гнет и беззакония переполнили чашу терпения, и неизбежный бунт наконец разразился. Обжора-Семиглот был изгнан. Крестьяне захватили всю равнину и стали ее возделывать для себя. Но не было мира и изобилия, мечта людей не осуществилась. Новые несчастья обрушились на их головы. На этот раз беда шла от потомков Обжоры-Семиглота: они ни за что не желали поступиться своими наследственными правами на тиранию. Эти исчадия Семиглота больше века отвоевывали утраченную империю (и пытаются это делать сейчас), а поэтому и крестьянам приходилось все время жить в готовности к бою. И так уж вышло, что пока люди боролись с этими выродками, непонятно почему у них стали рождаться дети — один сегодня, другой завтра — с пальцами-лезвиями. А такие пальцы нужны были, чтобы отбиваться от врага, ибо хоть и оскудел он и осталось у него всего три глотки вместо семи, но он ничем не гнушался и пускался на всевозможные хитрости, чтобы покорить своих бывших рабов.

— Знаешь, до чего додумались теперь эти сыроядцы? — заключила хозяйка. - Они принимают обличия призраков, втираются в наши души и убивают нас изнутри. Ох, до чего ж нам трудно защищаться от этих разбойников!

И, заботливо укутав Жоана одеялом (он улыбнулся, заметив, что подслеповатая старушка с черной повязкой на глазу насадила на пальцы картофелины, чтобы его не поранить), хозяйка попрощалась с ним и вышла из комнаты. Усталость взяла свое, и хотя сердце Жоана разрывалось от тоски по матери и очень хотел он вернуться к слезоглотовцам, все же беглец из дворца Смерти задремал мирно и спокойно.

Но до чего же был испуган Жоан, не знающий страха, когда, пробудившись, увидел у своего изголовья диковинное создание, которое, видимо, проникло в комнату ночью через открытое окно. А создание это было (трудно вообразить нечто подобное) Крылатым граммофоном. Одним из тех старинных граммофонов, которые представляли собой квадратный деревянный ящик, отделанный кожей, с ручкой на боку.

Но у этого ящика была пара крыльев, точно таких, как у попугая, и пустопорожняя птичья голова, говорившая человеческим голосом.

— Какого дьявола это чудище сюда пожаловало? — спросил Жоан Смельчак, поспешно одеваясь.

Вдруг крышка ящика приоткрылась, диск завертелся, иголка заскользила по пластинке, и Граммофон заговорил:

— Если хочешь вернуться в деревеньку Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы, то садись на меня, и поехали!

Однако Жоан Смельчак, уплетавший ломоть хлеба с медом, который хозяйка заботливо оставила ему на ночном столике, отверг столь неудобный способ передвижения:

— Подумать только! Прислать за мной граммофон! Да еще с крыльями! Черт знает что такое! Разве у главного волшебника — или кто там у вас этим хозяйством ведает — не нашлось для меня на худой конец хоть самолета?

Граммофон сменил пластинку и прогнусавил:

— Чем ты недоволен? Я одно из волшебных изделий новейшего образца. Есть еще Телефон-Заика, Намордник для Ртов-невидимок, Пишущая машинка для Малограмотных привидений, Корсет для Тучных призраков, Чудо-утюг, ну и прочие разные разности.

Жоан Смельчак пожал плечами:

— А мне-то какое дело до всего этого! Жаль только бедных старушек. Каково теперь им придется, коли их попросят рассказать сказку «О жаровне с петушиным гребнем»? — И, решившись еще на одно приключение, сказал: — Ладно уж... Останови пластинку и захлопни крышку, я сяду.

Однако Граммофон почему-то заколебался:

— Видишь ли, Жоан Смельчак, хотел бы я кое о чем тебя попросить...

— Говори, я слушаю.

— Если, разумеется тебя это не очень затруднит, давай по пути в Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы навестим мои родные места.

— Твои родные места? А разве у тебя есть родина? - удивился Жоан Смелычак, сознавая, что приличия ради ему следует удивиться.

— Да, есть. У меня там отец с матерью и два брата, грудные Граммофончики, — любезно пояснил Граммофон.

— В жизни не слышал про такие места, — признался Жоан и тут же прикусил язык, устыдясь своего невежества. Но спустя мгновение глаза у него загорелись, и он спросил:

— А что это за город? Есть ли в нем мужчины, женщины, рестораны, гостиницы, парикмахерские?..

— Ну, а как же... Все есть. Только у людей там вместо головы пластинка, а вместо тела — ящик-резонатор, и держится он на двух попугаевых лапках — попугай в нашей стране птица священная. А женщины у нас носят юбки, и на заводных ручках у них шелковые бантики.

— И они говорят?

— Конечно! Трещат, как граммофоны. Вздумается им поболтать, покрутят ручку, вставят в мембрану иглу — и пошла-поехала...

— И самим, верно, забавно, — смеясь сказал Жоан Смелычак.

— Полетим со мной, увидишь, — подзадорил его Граммофон. Подпрыгивая от радости, Граммофон захлопнул рот (простите, крышку).

А затем, почуяв на себе всадника, кокетливо расправил крылья, просунулся в окно и элегантно взлетел в небеса.

Вскоре путники приземлились в удивительном месте с механическим пейзажем и музыкальной атмосферой. На деревьях, вернее, на железных шестах, которые почему-то здесь называли деревьями, вместо листьев были крохотные пластинки. На них записан был шорох листвы, волнуемой ветром. Распевали на ветках на манер соловьев и дроздов всяческие пластинки. Под сенью этого странного леса везде цвели цветы, и особенно бросались в глаза колокольчики или, вернее, малютки Граммофончики, различных размеров, форм и окраски. Повсюду свистели блоки, приводные ремни, пейзаж оживляли восковые валики, заводные ручки и блестящие металлические диски...

Дома в городе выглядели как огромные ящики, обитые кожей, и отделаны они были по-разному, в зависимости от достатка и вкуса владельцев и жильцов. Только бедные кварталы, где обитали в огромных хранилищах заигранные и вышедшие из моды пластинки, нарушали общий, монотонный стиль города.

Но больше всего потрясли Жоана Смелычака жители механического края, неутомимые болтуны, у которых вместо голов и в самом деле были пластинки, вместо тела — деревянный ящик на тоненьких птичьих лапах, вместо пальцев — мембраны.

— Почему же ты не такой, как все? спросил юноша у своего проводника. — Откуда у тебя взялись крылья?

— Ах, Жоан! Лучше не спрашивай! Крылья эти — сущее наказание. С тех пор как матушка увидела меня в таком состоянии, она заводит только пластинку с горькими причитаниями.

Жоан не устоял перед соблазном поближе познакомиться с бытом этих нелюдей. И, наострив уши, он остановился на самом оживленном перекрестке. Как раз в это время некий господин в соломенной шляпе, надвинутой за неимением головы на пластинку, и в рубашке с отложным воротничком повстречался с приятелем, одетым точно таким же образом.

— Как поживаешь? Как дела?

— Спасибо, все в порядке. Ну, а ты?

— Великолепно. Прекрасная нынче погода, не правда ли?

— Чудесная. Отличный день!

— Боюсь, завтра будет дождь.

— Возможно... Но сегодня душновато. Жара нестерпимая.

И так далее и тому подобное.

Обменявшись этими глубокомысленными замечаниями, друзья вежливо пожали друг другу руки и разошлись, вытирая с пластинок пыль и пот модными фланелевыми тряпочками.

Вслед на ними на площадь выбежала разряженная дама, с густо напудренной заводной ручкой. Она едва не столкнулась с подружкой, которая мчалась ей навстречу. Обе громко расхохотались, а затем принялись чесать свои языки-иголки.

— Привет, милочка! Я тебя сто лет не видала!

— Какое на тебе платьице, ну просто прелесть!

— Знаешь, сейчас опять входят в моду ручные нашивки на мембране.

— Ах, уж эти мне служанки! Управы на них нет, совсем обнаглели! Они меня с ума сведут.

— Не говори, дорогая! Беда с ними, и только!

И так далее и тому подобное.

Завершив беседу на столь же интеллектуальные темы, они сняли иголки, закрыли крышки и расстались, посылая друг другу бесчисленные воздушные поцелуи.

За полчаса Жоан Смелчак по горло насытился разговорами о погоде, модах и служанках; слова неизменно были одни и те же, остроты одинаково избитые.

«Большинство людей уже разучилось думать,— размышлял юноша.— Только, говорят, заведут пружину, приладят на нужную бороздку иглу, пустят в ход пластинку... И так всегда, на один и тот же лад».

Но, не желая делать чересчур поспешные выводы, Жоан решил побродить по городу и проверить свои наблюдения.

— Подожди, я скоро вернусь, — предупредил он своего проводника и отправился в путь.

Однако везде, куда он совал свой нос, бормотали пластинки, одни только пластинки.

С высоты трибун ораторы оглушали огромные толпы призывами

— Душа Расы вечна! Наш народ — величайший в целом свете!

В университетских аудиториях профессора на своих кафедральных престолах торжественно заводили (в который раз!) одну и ту же пластинку, а студенты, чтобы не заснуть, ловили мух, у которых к лапкам были привязаны крохотные пластинки-жужжалки.

В книжных лавках литераторы обращались к продавцам:

— Покажите, пожалуйста, последние пластинки, присланные из Парижа.

— У нас есть Ультрарациональный иррационализм в соусе из голубой печали.

— Отлично!

— И еще можем предложить Инфраиррациональный рационализм в соусе из розовой надежды.

— Великолепно!

— Еще есть пластинки новейшей школы Письма По Слуху. Новая эстетическая норма! Писать надо с закрытыми глазами, тогда до вас доходит кипение призрачных звуков в мире, безмолвном и бесплотном.

— Чудесно!

И писатели покидали магазины, унося под мышкой готовые духовные изделия. Всякие, в том числе и гениальные...

На улицах тупой иглой по истертой пластинке канючили нищие Граммофоны:

— Подайте, Христа ради! Подайте, Христа ради!

Старые друзья, встречаясь в кафе или у входа в кино, повторяли заношенные фразы:

— Выглядишь ты великолепно...

Никому и в голову не приходило выбросить старую пластинку и заменить ее новой. Все говорили и говорили, говорили часами, говорили без отдыха, без конца, а когда завод подходил к концу, то обращались к первому встречному с такой просьбой:

— Покорнейше прошу вас, покрутите разок-другой мою ручку.

— Что за вопрос, сеньор, с большим удовольствием!

Учтивый прохожий заводил пружину, незнакомец благодарил, и оба Граммофона тут же вытягивались в беседу:

— Ну и жарко сегодня, не правда ли?

— Дышать нечем... Но завтра, наверное, будет дождь.

— Вряд ли. Небо такое ясное.

И так далее и тому подобное.

И, завершив этот приятный разговор, собеседники мирно расходились.

— Скорей прощайся с родными,— и в дорогу!— взвыл Жоан, разыскав Крылатый Граммофон.

— Уже?!

— Немедленно! Ни минуты не потеряю в этом городе, где только и слышишь заигранные пластинки. С ума можно сойти!

В ответ Граммофон поставил иглу на ободок пластинки (на этом ободке записан был бодрый смех) и расхохотался.

— Чего ты заливаешься?— обиделся Жоан.

— Просто так. Влезай ко мне на спину — и поехали.

— Разве ты не хочешь навестить свою семью?

— У меня нет семьи,— откровенно признался Граммофон.

— Но ты же сам говорил...

— Это все враки, все выдуманно Волшебной канцелярией. У меня нет ни папы, ни мамы, ни братишек Граммофончиков, нет и не было. Да неужели ты не видишь, что этого города нет на свете? Что он не более как мираж, придуманный, чтобы сбить тебя с толку.

— Но зачем? С какой целью?

— А я откуда знаю!.. Может быть, феи хотели тебя чему-то научить. Они ведь тоже как заведенные: только и знают, что всем читают мораль.

Жоан Смелычак задумчиво обзирал город, ему хотелось запечатлеть в памяти эти жалкие создания, которые без конца пережевывают одни и те же мысли и говорят одни и те же слова.

— А ведь это все похоже,— сказал он,— на наш мир, если взглянуть на него через рентгеновскую камеру... Ну, полетели!

Однако прежде чем оседлать Граммофон, Жоан с беспокойством посмотрел на небо.

— Кажется, собирается дождик...

— Нет... Что ты... На небе ни облачка,— возразил Граммофон вполне серьезно.

— Ты прав... Но парит сильно... Не миновать грозы...

И так далее и тому подобное.

Поговорив добрых четверть часа о погоде, Жоан Смелычак со всеми предосторожностями уселся на крышку Граммофона, и тот, плавно взмахнув крыльями, устремился в голубой простор.

Глава 5

ПАЛОЧКА-ПОЖИРАЛОЧКА

Темной ночью Крылатый Граммофон тихо спланировал, посадил Жоана в пустыне и исчез, бесследно растворившись в черном безмолвии.

Оказавшись в пустыне, Жоан Смелычак, ужасно усталый и едва живой от голода, лег на спину и проговорил:

— Что ж, одно только мне теперь остается: найти светящийся во тьме огонек. Ведь, ей-богу же, именно так поступают в подобных обстоятельствах все сказочные герои. Итак, добудем этот огонек.

Он слегка приподнялся, локтями уперся в песок и принялся сверлить глазами непроглядную мглу. Напрасно! Огонька не было и в помине.

— Нет, подумать только,— с досадой пробурчал он.— Эти пустоголовые феи забыли мне дать путеводный огонек. Что же мне, горемычному, теперь делать в этой крошечной тьме?

Вконец измученный, Жоан Смелычак снова улегся на землю; оставалось лишь одно — терпеливо дожидаться восхода. И чтобы с удобством скоротать ночь, он решил устроить себе песчаное ложе. Собственно говоря, даже не ложе, а убежище от ветра с песчаной подушкой.

Жоан Смелычак принялся за работу; и сразу же нащупал какой-то длинный и тонкий предмет. Он осторожно обследовал его и убедился, что перед ним деревянная палочка, к которой бечевкой привязано письмо в конверте. «Ну ясно,— подумал он,— это мне депеша от фей».

— Но вот беда, темно, хоть глаз выколи, как же мне прочесть письмо?! Хотя бы луна показалась...

Не успел он высказать это скромное желание, как из-за туч выплыла огромная луна и осветила всю пустыню. Это была не обычная луна, а луна искусственная, и появилась она только потому, что ее свет понадобился Жоану. Пустыне, однако, она придавала трепетное очарование, заливая ее волнистую поверхность своим бледным светом. Жоан извлек из конверта письмо и с жадностью прочитал его:

«Мой дорогой Жоан Смелычак! Здесь тебя ждет гибель, поэтому отправляйся в путь. Пустыню можешь пересечь в любом направлении — все дороги волшебным образом сходятся в одном месте, в оазисе Зеленого Блаженства. Однако не рассчитывай на нашу помощь. Выкручивайся как знаешь. Мы посылаем тебе нашу волшебную палочку, это уже кое-что! Поднеси ее к любой части тела и пожелай чего хочешь. Желание твое исполнится ценой утраты данной части. Понятно?

С волшебным приветом

Президент Международного Синдиката фей и Академии Прикладной и Черной Магии»

Жоан пожал плечами:

Ну и стиль!— И раздраженно добавил:— Нет, эти мучительницы и в самом деле используют меня как подопытного кролика. Я им нужен для всяческих репетиций — ведь и волшебникам надо на ком-то тренироваться. И до чего же меня раздражает нахальство этих фей. Они, видите ли, учат нас людей, тому, что только нам и дано понять; как будто без их помощи мы не узнаем, что такое жизнь, страдания, способность жертвовать собой. Этим дурам и невдомек, что им самим есть чему у нас поучиться.

Однако, как обычно, Жоан трезво оценил обстановку (здравый смысл ему всегда подсказывал быстрые решения). Повесив на шею палочку, чтобы она, не дай Бог, не упала и не затерялась в песке, Жоан Смелчак пустился в тягостный путь через пустыню.

Временами луна (она была вдвое больше луны обыкновенной, той луны, которая разгуливает по небу, когда ей это положено) освещала ему дорогу, озаряя пустыню своим неправдоподобным сиянием.

Он шел и шел, километр за километром, пока не свалился от усталости.

— Как бы мне сейчас пригодился верблюд!— сказал он, и мгновенно пришла ему на ум мысль испытать достоинства волшебной палочки.

— В самом деле, черт побери. Одним, пальцем больше, одним меньше, какая разница. Чем ковырять вот этим пальцем в носу, дай-ка лучше променяю его на верблюда, сильного и безотказного. Решено!

Сказано — сделано. Жоан Смелчак коснулся палочкой мизинца на левой руке и сказал:

— Хочу верблюда!

Палец исчез, как это и полагалось по законам Черной магии, а перед Жоаном восстал из песка рыжий красавец верблюд; Жоан, не теряя даром времени, взгромоздился на него и, блаженно покачиваясь между горбами, отправился в путь...

Однако через полчаса у него от голода засосало од ложечкой и свело от колик живот.

— А не съесть ли мне бифштекс с картошкой?— нерешительно пробормотал он, глотая слюнки.— Опять же— пальцем больше, пальцем меньше— подумаешь, какая важность. Я на скрипке играть не собираюсь. А ну-ка попытаем счастья!

Он ударил палочкой по безымянному пальцу и— о чудо!— перед ним появился чудесный бифштекс в ожерелье румяных картофелин.

— Странно! Такой большой бифштекс уместается в таком маленьком пальце?— поразился он, предвкушая трапезу из собственного мяса, поджаренного на рашпиле.

Но Жоан решил отложить все думы на десерт и, как людоед, набросился на бифштекс. При этом он спохватился, что нужны вилка и нож... Затем захотел он сыра, груш, бананов... Не говоря уже о всяких прочих лакомствах... Одним словом, к концу обеда Жоан Смелчак стал Жоаном Беспалым.

«Если так пойдет дальше,— подумал он,— я сожру себя, не добравшись до оазиса; надо взяться за ум и обуздать свой аппетит».

И Жоан поклялся, что не станет без особой нужды пользоваться волшебной палочкой.

Но едва забрезжило утро, как он снова проголодался, и, что делать,— пришлось заморить червячка. Когда же подошло время второго завтрака, он с аппетитом умял два поджаренных хлебца, три пирожных с заварным кремом, выпил чашку молока. Итог — половины левой руки как не бывало...

Солнце припекало немилосердно, и Жоану не раз приходилось утолять жажду прохладительными напитками и освежаться клубничным мороженым; ничего удивительного, что к полудню у него исчез остаток левой руки.

— Сказать по правде, я теперь и на человека-то не похож,— негодовал Жоан, проклиная свою слабость.— Я превратился в мясную лавку. В бакалейное заведение. В кафе. В лоток мороженщика.

Однако он утешил себя торжественным зарокотом:

— Клянусь здоровьем фей — сегодня ни одного глотка прохладительных жидкостей!

И он сдержал слово. И через четверть часа, когда захотелось промочить горло апельсиновым соком, и чуть позже, когда он едва устоял перед соблазном променять свои уши на веер,— ведь, кстати говоря, уши у него (все это утверждали) были слегка оттопырены и малость смахивали на веер.

Но все же жажда есть жажда, и голод есть голод.

И, гарцуя на своем верблюде, Жоан Смелчак ехал и ехал бесконечной дорогой к оазису Зеленого Блаженства, где девушки подносят путникам кувшины с ключевой водой и под сенью пальм потчуют гостей золотистыми финиками.

К вечеру Жоан окончательно пал духом; в полубреду он бормотал: — Для чего нужны ноги?.. Чтобы истязать ими брюхо бедного верблюда? Ну нет! Лучше уж как следует поужинать ценой правой ноги, чем от голода протянуть обе. Скажем, за правую я получил бы отличное жаркое из свиной грудинки. Вместо голени — бараний бок, да еще с маслинами; вместо бедра — миску трески с отварной картошкой и фасолью в стручках. А на десерт хорошо бы дыню с ветчиной. Говорят, объедение, пальчики оближешь. Ну-ка, попытаем счастья!

Сказано — сделано. Часа через полтора Жоан Смелычак проел правую ногу и, раздувшись, точно бурдюк с вином, растянулся в тени верблюда. Глаза у него слипались, в животе он ощущал приятную тяжесть, ничто его не тревожило, и он захрапел вовсю...

Его разбудил пронзительный крик. Из глубины пустыни к нему шел человек, который может лишь присниться в кошмарном сне. Да и человек ли это был? Скорее, призрак...

Спаси меня,— простонал бедняга.— Дай мне лошадь, тогда я доберусь до оазиса, прежде чем испущу дух.

— Где же я возьму тебе коня здесь, посреди пустыни?— рассердился Жоан Смелычак, пытаясь спасти те остатки своего тела, которые еще уцелели после сегодняшних кутежей.

— У тебя есть волшебная палочка! Помогите мне!—взмолился этот полутруп, несомненно подосланный Синдикатом фей, чтобы разыграть сцену искушения.— Преврати левую ногу в скакуна.

— Левую ногу! Да ты, брат, рехнулся! Скоро стемнеет, самая пора теперь ужинать, а чем же я, по-твоему, расплачусь за ужин? Своим желудком?

Но несчастный человек не отступался, и так он был измучен, что Жоан Смелычак решил: нельзя быть эгоистом, пусть торжествуют добрые дела; да, благие намерения, хоть и медленно, но все же созрели в его душе.

— В конце концов, мне куда приятнее спасти этого горемыку, чем ночью, при свете звезд пожирать лангуста, запивая его шампанским...

И, поддавшись внезапному порыву (а почему и не позволить себе быть добрым?), Жоан слегка потер палочкой левую ногу, и она тотчас же превратилась в восхитительного вороного коня. Обезумевший от радости путник хотел было поблагодарить Жоана, но тот оборвал его на полуслове:

— Брось, брось. Седлай мою ногу и езжай своей дорогой... Только будь осторожен, слышишь,— не терзай ее без нужды шпорами!.. Стой, не спеши, сперва взгляни на меня. Сейчас увидишь, что со мною станет.

Он приложил палочку к груди и очень спокойно (а как же иначе — судьба есть судьба) скомандовал:

— Хочу зеленый зонтик!

И мгновенно Жоан Смелычак сократился до предела: от него остались только голова и правая рука.

— Зачем ты это сделал?— спросил путник, оцепенев от ужаса (еще бы не оцепенеть — ведь рука росла прямо из головы).

— Чтобы больше не есть,— флегматично пояснил Жоан.— Признаться, я сам себе надоел — мало радости кормиться бифштексами ценой своей плоти.

Жоан умолк, молчал и всадник. Неловкую тишину нарушал лишь нетерпеливый конь, который нервно стучал копытами.

— Сделай одолжение, положи мою непутевую голову и руку на верблюда и раскрой зонтик, — обратился к путнику Жоан.

Тот с готовностью выполнил его просьбу.

— А теперь можешь убираться к своим феям! Скатертью дорога! Незнакомец последовал его совету — вскочил в седло, махнул на прощание рукой, да и был таков. Вскоре он исчез в желтых песчаных далах.

— Смотрите, вот скачет моя бедная нога!—насмешливо воскликнул Жоан Смелычак. И, погоняя верблюда зеленым зонтиком, направился прямо через барханы к желанному оазису.

Настала ночь, и Жоан Смелычак, вернее, его голова, которая покачивалась на верблюжьей спине, сомкнула очи и задремала под мерную рысь корабля пустыни.

Проснулся Жоан рано утром. Небо над ним было как голубая жесь, солнце— словно добела раскаленный железный шар. Усталый верблюд прилег у песчаного холма, а в воздухе уже веяло весной и ароматом сочных трав. Судя по всему, не за горами был оазис Зеленого Блаженства.

— Жаль матушку: каково-то ей будет, когда она меня увидит в таком состоянии!— сказал Жоан Смельчак.— Ладно, ведь говоря по совести, кое-какие преимущества есть и у головы, потерявшей тело. Купил шляпу — и ты уже не голый... Впрочем, если уж мне непременно понадобится тело, прикажу изготовить его из пластмассы. В общем, проживем — увидим.

Этот бесконечный поток оптимистических рассуждений иссяк, когда Жоан заметил впереди распластавшуюся на песке женщину в черном. Она рыдала.

«Ну, жди новой беды»,— подумал Жоан Смельчак. Но все же обратился к женщине с явным участием:

— Бедняжка, что с тобой случилось?

— Пить! Хочу пить! Дай мне воды!— запричитала умирающая, в отчаянии ломая руки.

Жоан с состраданием взглянул на нее, но ничего не ответил.

— Дай мне воды! Ведь ты не допустишь, чтобы я погибла от жажды! Спаси меня!— молила несчастная, встав перед ним на колени. Но затем, объятая горем, она вновь бросилась на песок,— казалось, она утратила последнюю надежду.— Ах! Где тебе понять мои мучения!

— Вот новости! Это почему же?— обиделся Жоан Смельчак.

— Потому что у тебя осталась только голова. У тебя нет сердца. Бедная я, несчастная! Такая уж выпала мне судьба — здесь умереть...

— Не говори глупостей!— резко оборвал ее Жоан.— Что такое сердце? Стучит, как машина, и ничего больше. Разве оно что-нибудь чувствует? Настоящее сердце у людей в голове. Я его держу в мозгу. Хочешь, я тебе это докажу?

Женщина в черном взмолилась:

— Воды!

— Ах, воды? Ты хочешь пить? А какую воду? Минеральную? Газированную? Проси любую, сделай милость, с иронией проговорил Жоан Смельчак

Спокойно и неторопливо поднес он палочку к голове и с Улыбкой посоветовал женщине:

— Не забудь послать воду на анализ. Вдруг в ней окажется избыток аммония, лития, стронция или кремнезема.

И в то же мгновение Жоан обратился в родник.

Глава 6 ЗАЛ БЕЗ ДВЕРЕЙ

Пока Жоан Смельчак, обратившийся в источник, журчал в песках пустыни, феи из Международного Синдиката собрались на Генеральную Ассамблею (это была Ассамблея второго созыва, и на ней заседали полторы дюжины делегатов), чтобы обсудить дальнейшую его судьбу.

Одна из делегатов— фея Косого Взгляда — откровенно пожелала на веки вечные оставить Жоана Смельчака в пустыне, пусть себе бьет ключом до скончания времен. Она только предложила переместить его в деревеньку Сельский Рай, такую поэтичную, но, увы, такую грязную: население ее уже который год напрасно вымывает в Палате депутатов общественную колонку, а без нее в деревне негде лица мыть.

Взявшая затем слово фея Добрая Душа в принципе соглашалась со своей товаркой: слов нет, Вечный источник — идея отличная. Но надо при этом сделать так, чтобы вода в нем была чудотворной.

— Пусть этим утешится бедный Жоан,— добавила она.

Фея Тусклого Огня согласилась с доводами предыдущего оратора. И наконец, фея, У Которой Все Дома, выслушав все благоглупости своих подруг и обдумав все их нелепые предложения, подняла свой мудрый перст:

— Коллеги! Не издевайтесь над этим несчастным Жоаном! Мы уже столько пичкали его всяческими нравоучениями, столько подвергали самым немыслимым мукам и испытаниям, между нами говоря, очень дурного вкуса. Так прекратим же эти преследования— ведь они не только недостойны, но и бессмысленны,— и навсегда оставим его в покое.— Она поднесла к губам кубок с водой и, выдержав паузу, добавила:—Итак, я вношу на ваше рассмотрение следующие предложения,

которые несколько нарушают наш устав. Во-первых: снова превратить источник в Жоана Смелчака с его прежней головой, прежним телом, прежними руками и ногами. И во-вторых: признать за Жоаном Смелчаком его неотъемлемое право пользоваться абсолютной свободой и поступать по своему разумению, избавив его от нашего надзора и нашего волшебного искусства; кстати сказать, оно изрядно устарело и нуждается в срочных реформах.

Участницы Ассамблеи с яростью атаковали оба предложения (феи У Которой Все Дома. Тем не менее, несмотря на возражения раздосадованных оппоненток, Ассамблея все-таки приняла первую часть программы. Решено было вернуть Жоану человеческий облик; но второй пункт феи провалили со свистом и воем, излив до конца свой гнев.

— Мы рождены, чтобы строить козни смертным! Это наша профессия. Мы не какие-нибудь бездельницы. Долой! Долой изменницу! Выгнать ее вон! К чертям реформы! Да здравствует волшебная палочка!

Эта буря выкриков, завываний и проклятий (не счесть бокалов воды, выпитых при этом распаленными феями), продолжалась далеко за полночь. Спор закончился лишь на рассвете, и все устали до смерти. Большинство голосов полусонные феи приняли такую резолюцию: Жоана Смелчака направить в Зал Без Дверей, поручив его неусыпному надзору феи Мечты.

У феи Мечты опыт был невелик, она недавно прошла курс в университете Магии. Поэтому она очень разволновалась, получив такое ответственное задание. И робко пролепетала:

— А что я должна с ним делать?

— Все, что тебе взбредет в голову, доченька,— посоветовала ей дряхлая фея со слуховым рожком, вечно направленным не туда, куда надо.— Только придержишься устава. Боже тебя упаси нарушить устав!..

Настало утро, и фея-председательница закрыла Ассамблею. Было холодно, и все участницы собрания с нескрываемой радостью поспешили укрыться в своих дворцах, где занялись на досуге домашними делами; ну а какие могут быть дела у фей: натереть воском волшебные палочки и уложить их в замшевые футляры, отполировать до блеска звезды в волосах и, лежа на шелковых подушках, вышивать золотыми и серебряными нитями нескончаемые волшебные ковры...

Как только все разошлись, фея Мечты дала волю своей злобе:

— Вот еще навязали на мою шею этого проклятого Жоана. И что хуже всего— в голове у меня так пусто, как никогда.

И, дрожа от ярости, она отправилась на Чародейный склад, где хранился Жоан Смелчак, разобранный на части. В одном углу лежал его палец, в другом — левая рука; с потолочной балки, наподобие свиного окорока, свисала правая нога, а левая высывалась из старинного сундука, траченного жучком-древоточцем; голова, завернутая в солому, хранилась отдельно, в корзине для винограда. Фея Мечты терпеливо собрала все эти части тела, перенесла их в Зал Без Дверей и как можно плотнее склеила разрозненные куски Жоана. Судорожно перелистав «Краткое пособие для образцовой феи», она начертала в воздухе два или три магических знака и, не доверяя себе, склонилась над Жоаном... Все ли предписания устава она выполнила, а вдруг нарушила какую-нибудь секретную инструкцию?..

— Ну, вздохни же, вздохни, пожалуйста!— умоляла фея.

И она не находила себе места, пока Жоан Смелчак и в самом деле не задышал. Сомнений не было: грудь его слабо, но равномерно поднималась и опускалась. Фея Мечты пощупала его пульс. Сердце работало.

— Тра-ля-ля!— промурлыкала ликующая фея.

Спустя несколько секунд Жоан Смелчак открыл правый глаз. Потом левый. Наконец он чихнул! И не успела фея глазом моргнуть, как он уже стоял посреди зала, целый и невредимый, поднимая и опуская руки по правилам зарядки надо же было восстановить кровообращение. Какое это счастье быть человеком! Дышать! И слышать, как бьется твое сердце!

Тра-ля-ля-ля! Тра-ля-ля-ля-ля!

Бурно радуясь воскрешению из мертвых, Жоан не забыл и про фею Мечты; он бросил на нее полный признательности взгляд.

— Это ты меня склеила?— спросил он.

— Да, я.

— Спасибо тебе.

И окончив гимнастику, он сказал:

— А теперь не будешь ли ты так добра показать мне, где находится дверь в этом Зале Без Дверей? Хочу на волю!

— Ты просишь показать тебе дверь Четвертого измерения?

— Вот-вот.

— Не могу.

— То есть как это не можешь? Почему?

В оправдание фея сослалась на устав:

— Понимаешь ли, в соответствии со статьей две тысячи четыреста пятьдесят седьмой Генеральная Ассамблея поручила мне утешить тебя после всего того, что ты перенес по нашей воле...

— Ах, вот как?! До чего трогательно!— язвительно проговорил Жоан Смелчак.— А кто ты такая, чтобы меня утешать?

— Я фея Мечты и всегда готова быть твоей покорной служанкой,— представилась фея, послав Жоану улыбку, предписанную уставом.

И в тот же миг она решила: надо применить к Жоану Смелчаку положение, предусмотренное сто десятым параграфом статьи две тысячи пятьдесят восьмой, которая рекомендует использовать оболщание смертных, как наилучший способ подчинить их себе; в данном конкретном случае это оболщание должно заключаться в том, чтобы ослепить жертву своим могуществом, посулив ей осуществление самых на первый взгляд, казалось бы, неосуществимых желаний.

— Я фея Мечты,— повторила она.— Я к твоим услугам и могу исполнить любое твое желание, пусть даже самое несбыточное.

— Самое несбыточное? Ты это всерьез?

— Да, клянусь тебе!

И простодушный Жоан Смелчак попался на удочку. Он тут же принялся строить воздушные замки, один причудливее другого.

— И я могу просить все, все, решительно все?

— Все. Только, знаешь ли, с одним условием...Осуществленное желание по уставу закрепляется за тобой только на пять законных минут.

— Всего-навсего на пять минут?! разочарованно протянул Жоан Ну, не будь же скрягой, продли срок!

— К сожалению, это невозможно. На больший срок у меня нет полномочий. Ничего не могу поделать, таков устав, пролепетала фея.

Жоан Смелчак приуныл и сник. Однако любопытство взяло верх в глазах его блеснули жадные искорки, и он воскликнул:

— Знаешь что, голубушка! Выпиши-ка мне чек на четыреста миллиардов фунтов, помноженных на миллиард миллиардов.

— Тотчас невидимая рука протянула ему чек, и целых пять минут новоявленный мультимиллионер расхаживал по Залу Без Дверей, приговаривая:

— Я самый богатый человек на свете! Богатейший! Я по горло сижу в золоте.

Когда истекли положенные пять минут, он изорвал чек и высказал более скромное пожелание:

— Пусть правое ухо у меня станет ослиным, а на месте левого вырастет ласточкино крыло.

Фея так и сделала. И Жоан Смелчак побежал к зеркалу (в Зале Без Дверей зеркал было сколько угодно).

— Если приделать слоновый хобот, будет еще забавнее,— сказал он, глядя в зеркало.

И тут же на лице у него вместо носа вырос небольшой розовый хобот. Однако скоро Жоану наскучила эта идиотская игра, и он попросил фею придать ему обычный облик.

— Теперь я хочу, чтобы у меня на голове выросло голубое дерево,— заявил он,— И чтобы на ветках было много-много маленьких лун.

Для феи Мечты это было проще простого. Она провела рукой по волосам Жоана, и на голове у него выросло голубое дерево, с которого повсюду свешивались разноцветные луны...

Но и дерево сразу же ему надоело, и со скуки, словно в бреду или во сне, Жоан Смелчак принялся изобретать всевозможные несуразности: превратил свою голову в звездную сферу, украсил уши мотыльковыми крыльями, насадил на пальцы гирлянды флажков и т. д. и т. п. Наконец, утомленный этими чудесами, он сказал:

— Я должен воспользоваться случаем и испробовать все возможности. Только какие — вот в чем вопрос? Какие?

Он долго думал и передумывал и наконец обратился к фее с такой просьбой: Сделай меня самодержавным монархом.

— Минуточку,— сказала фея, заглянув в «Краткое пособие для образцовой феи», где содержались указания на сей счет.— Готово, ваше величество!

— Итак, я король?— спросил Жоан.— Ты уверена, что я самодержавный король королевства Пустое Место?

— Конечно, ваше величество,— поторопилась заверить его фея.— Вы самый самодержавный из всех самодержавных монархов. Соболаговолите отдать приказания, и подданные будут нам слепо повиноваться, стоя на коленях.

— Отлично!— произнес Жоан Смелычак, раздувшись от гордости.— Мы, Жоан Смелычак Первый, самодержавный властитель королевства Пустое Место, приказываем и повелеваем: пусть наши верноподданные и наши царедворцы немедленно вырежут у себя животы.

— Сию же минуту будет исполнено,— отозвалась фея.— С сегодняшнего дня в обширных владениях вашего величества останутся лишь безбрюхие подданные. А если кого-нибудь застанут на месте преступления, то есть обнаружат у него эту презренную часть тела, - его бросят в тюрьму как опасного преступника и обвинят в оскорблении величества и государственной измене. Однако позвольте спросить, ваше величество, что побудило вас обнародовать этот мудрый указ?

— Я провозгласил его, дабы раз и навсегда покончить с экономическим кризисом торжественно отчеканил Жоан.— Отныне и впредь в моем королевстве будет ость только одна персона — я сам.

В глубокой задумчивости он описал несколько кругов по залу и вдруг застыл перед зеркалом— его явно околдовали собственные губы: они властно сжимались и разжимались, цедя царственные речения.

— Сколько минут осталось до конца моего правления?— осведомился он.

— Три минуты двадцать секунд, ваше величество.

— Превосходно. Надо с толком использовать это время. Прежде всего возложи мне на голову корону, а в руки дай скипетр. И облачи меня в королевские одежды.

В мгновение ока невидимые руки натянули на Жоановы ноги шелковые чулки до колен, застегнули все пуговицы на бархатных панталонах, дали ему туфли с платиновыми пряжками, облачили в мантию, усеянную рубинами и жемчугами, надвинули на голову корону, вложили в руки скипетр...

И тогда Жоан Смелычак властно повелел:

— А теперь прикажи отрубить головы всем моим вассалам. Только мне дано право мыслить. Мне, и никому более. Отныне и навсегда в моей империи у всех на плечах будут сидеть мыльные пузыри. Все законоположения, которые противоречат новому порядку, отменяются.

— Готово, ваше королевское величество,— доложила фея.— Голова осталась только у вас.

В последние минутки Жоан учинил землетрясение, разрушил атомной бомбой луну, построил город на Марсе, основал орден «Отрубленных голов» и орден «Вырезанного желудка». Провел смотр кальсононосных гвардейцев и объявил войну России. А чтобы не терять даром самые последние мгновения, он распорядился направить ультиматум Соединенным Штатам. Но тут фея указала ему на часы:

— Ты славно потрудился, но время твое кончилось. Пять минут истекли. Царства больше нет.

— Ну и слава Богу,— с облегчением вздохнул Жоан.— Честно говоря, я иссяк; трудное это дело — провозглашать указы. Нет, я не создан для короны. Другой идеал волнует меня— святость. Я хочу скитаться по белу свету в сандалиях с посохом в руке, скитаться, как нищий, и творить удивительные дела— воскрешать мертвых, исцелять прокаженных, пятью хлебами насыщать тысячи голодных. Возможно такое?

— Пустяки! Ничего не может быть, проще. И мгновенно фея Мечты наградила Жоана Смелычака всеми достоинствами чудотворца.

— Ну а дальше что? Какое чудо я должен сотворить? - растерянно пробормотал он...

— Откуда я знаю? это уже твоя забота.

Но новоявленный чудотворец, несмотря на все свои старания, так и не смог придумать сколько-нибудь стоящее чудо. И в голову как на грех лезли ужасно нелепые, бездарные и глупые прожекты. И вообще он устал от всех этих мертвых иллюзий. В нем нарастал гнев— фея Мечты его

раздражала. И зачем только она держит его в этом Зале Без Дверей, в этой тюрьме с зеркальными стенами и полом, покрытым пеплом вдали от жизни, от солнца, от неба и от звезд?..

В конце концов Жоан Смелчак сотворил жалкое и недостойное чудо: он заставил летать соломенную шляпу, снабдив ее радужными крыльями. Так, уставясь на шляпу, он и стоял, хмурый и злой, растопырив руки.

— Ну, а что же дальше?—нетерпеливо спросила фея.

— В самом деле, а что же дальше? Откровенно говоря, понятия не имею,— признался Жоан Смелчак, пытаясь по мере возможности скрыть свое отвращение.— Подожди-ка. Сделай мне кошку. Но не простую, а особенную. Чтобы у нее было сорок лап и страусовое перо на хвосте. И чтобы перо было как вопросительный знак.

Кошка-сороконожка, появившись на свет, лениво мякнула, и Жоан с омерзением отпихнул ее от себя. И принялся создавать еще более фантастических животных. Он придумал канарейку в голубую полоску с плавниками, как у рыбы, рогатого осла с кисточками на ушах, крокодила на коньках, тигра в кольчуге, льва с павлиньим хвостом, лошадь с алюминиевой головой и пятью ногами— одна заменяла хвост, и т.д. и т.п. Истинный зоологический сад, порожденный безумием... Наконец фантазия его окончательно иссякла. И когда фея Мечты повторила свой роковой вопрос: «Ну, а что же дальше?»— Жоан Смелчак взорвался.

— Что же дальше? Откуда мне знать? Мне осточертела вся эта чепуха, все эти бессмысленные фокусы. Надоело быть королем или святым и спасать мир здесь, в Зале Без Дверей, где только ты одна и маячишь перед глазами. Чего я хочу? Выпусти меня сейчас же из этой кутузки! Я люблю жизнь такой, какой она была вчера, есть сегодня, будет завтра. Кофе с молоком, газета, толкучка в метро и отдаленные мозоли, крик, гам, суeta, мужская ругань, женские капризы, галдящая толпа, людные перекрестки, фабрики и заводы, тихий уют кабинетов, шахматные битвы, потасовки на улицах, когда орут не своим голосом: «Вот я тебе сейчас задам, скотина!..» Да, именно такую жизнь я люблю.

— Я все это могу тебе дать. Но только на пять минут...— невозмутимо сказала фея.

И поскольку Жоан Смелчак все еще что-то мрачно бормотал себе под нос, она глубокомысленно добавила:

— Да... На пять минут. Время быстротечно. Вся наша жизнь, в сущности, пятиминутка.

Это замечание окончательно взбесило Жоана. Он забился в дальний угол и стал угрюмо ворошить пепел, посыпая им голову.

— Так решай поскорее,— торопила его фея.

Убирайся с глаз долой! Оставь наконец меня в покое!—вскипел Жоан Смелчак, не в силах сдержать клокотавший в нем гнев.

— Пусть же исполнится твоя воля, промолвила фея со своей неизменной обольстительной улыбкой. Да будет так, и да здравствует наш устав. Ты хочешь, чтобы я исчезла? Прекрасно. Раскрой пошире рот.

— Зачем?— изумился Жоан.

— Чтобы я могла уйти. Вернуться домой.

— И для этого я должен открыть рот? Странные у вас порядки. Где же ты живешь?

Фея снова обворожительно улыбнулась и в порыве откровенности пояснила:

— В тебе самом.

— Во мне?! Да ты в своем уме?!

— Да-да, в тебе самом. С этого дня я буду спать, храпеть, хозяйничать завтракать, обедать и ужинать в твоей утробе... Так открой же рот, а не то мне придется применить более энергичные меры, как это предписывает устав.

— Значит, я никогда в жизни не смогу больше остаться наедине с собой?— огорчился Жоан Смелчак.

— Не беспокойся, я не стану тебе докучать— утешила его фея.— Я появлюсь, только когда ты сам меня призовешь.

— Я? Тебя? Никогда!— воскликнул Жоан.

— Не зарекайся, дружок. Сначала так говорят все. А как вернешься домой, мрачный, опустошенный, разочарованный, когда устанешь от жизни в равнодушном, безжалостном мире, вот тогда-то ты и вспомнишь обо мне, да еще скажешь: приходи скорей. С тобой это непременно случится. Ты еще не раз попросишь, чтобы я сделала тебя властителем королевства Пустое Место, помани мое слово. А теперь открой рот.

— Ну, ладно!— смирился Жоан Смельчак.— Он понял: сопротивление бесполезно. И вовсю — это был зевек на славу — разинул рот.

Фея Мечты сделала легкий пируэт и исчезла в его глотке... А Жоан Смельчак пробормотал ей вдогонку:

— Фея Мечты?... Как бы не так. Ты фея Солитер, фея Паразит.

Глава 7

ГОРОД ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

Фея Мечты углублялась в утробу Жоана; Зал Без Дверей растаял в воздухе, а Жоан Смельчак оказался на зеленом лугу. Капли росы искрились как бриллианты, щебетали птицы, и солнце купалось в волнах говорливого ручья.

Долго Жоан наслаждался свободой— какая радость жить, когда тебя окружают простые, первозданные вещи. Он беспечно внимал звонким трелям голубых птиц, бросился на траву, восхищаясь ее свежестью, весело сжевал листочки щавеля, пробежался по полю и затем, присев на корточки, залюбовался парадом муравьиного войска.

В конце концов он растянулся в тени оливковых деревьев и задремал под плеск ручья, на поверхности которого проказник-ветерок вальсировал с шустрыми рыбками. Презрев глубокомысленные размышления и психологические тонкости, он уснул, как спят камни, ящерицы, чертополох и все прочие творения природы.

Его разбудил человек с заплаканным лицом и скучным голосом. Лежа рядом с Жоаном, он сказал: — Добрый вечер.

Мигая спросонок от яркого утреннего солнца, Жоан Смельчак удивленно подумал: «Как же так, почему «добрый вечер», когда день только начинается. И почему у этого человека глаза на мокром месте и все лицо в слезах? Вот тебе и еще одно приключение! Нет, здесь что-то не то».

Но из вежливости он не стал расспрашивать незнакомца о его огорчениях и невзгодах. Надо было найти подходящий предлог, чтобы удовлетворить свое любопытство. Такой случай скоро представился. Жоан Смельчак скорчил забавную гримасу, однако странный субъект не засмеялся, а зарыдал еще безутешнее. Тогда, уже не опасаясь проявить назойливость, Жоан участливо спросил:

— С вами случилось несчастье? У вас такое печальное лицо!

Незнакомец взглянул на него, всем своим видом выражая чувство, которое стоило бы назвать «антиизумлением».

— Это я опечаленный?— воскликнул он, и слезы ручьем хлынули у него из глаз.— Напротив, я так рад, что с вами встретился. Глядите: глаза мои источают слезы. А это ли не самый верный признак радости!

— Ах, вот как!— удивленно проговорил Жоан.— В вашем краю радость выражают слезами...

— Не только в нашем краю, но и повсюду, я полагаю. с достоинством возразил его собеседник— Когда нам весело, мы горько рыдаем, а в дни печали...

— ...смеемся до упаду,— бойко договорил за него Жоан.

— Вот именно.— Согласился его собеседник. Слезинка в уголке его глаз без сомнения соответствовала улыбке.

«Чудеса!—подумал Жоан Смельчак.— Как видно, я оказался в городе Шиворот-Навыворот. Только со мной может приключиться такая история».

И ему очень захотелось погостить у этих странных людей, которые, судя по поведению незнакомца, жили столь необычным и непонятным образом.

Между тем незнакомец рассыпался в похвалах своему городу.

— Нет, вы только представьте себе! Мы всегда угрюмы, подавлены, печальны, и ходим только в черном, как гробовщики. А почему? Да потому, что веселее нас нет никого на свете.

Выслушав это признание, Жоан Смельчак спросил:

— Ну ладно... Слезы радости на глазах... Это я все-таки могу еще понять, хотя и с трудом... Но желать утром доброго вечера...

А что же еще можно пожелать в эту пору дня?! Вечером у нас друг друга приветствуют, желая доброго утра!

Жоан Смельчак, у которого голова пошла кругом от всей этой путаницы, промолчал и внимательно оглядел своего собеседника, коренастого крепыша в плавках.

— Вы шли на пляж?— спросил он машинально.

— Что вы, сеньор?! Я и моря-то ни разу в жизни не видел! А почему вы об этом спрашиваете?

— Да ведь на вас купальный костюм!

— Купальный костюм?! Вы с ума сошли! Для купания полагается надевать комбинезон, герметический кожаный шлем и такие очки, как у аквалангистов. Такой костюм, как на мне, носят лишь люди моей профессии.

— А какая у вас профессия?— оживился Жоан, заранее предвкушая нелепейший ответ.

— Я летчик,— сказал крепыш самым естественным тоном.

Наступило молчание, которым Жоан Смелчак поспешил воспользоваться, чтобы собраться с мыслями, поскольку в голове у него царил полный сумбур.

«Я и в самом деле очутился в удивительном месте, где не подчиняются законам привычной логики. Почему преподаватели географии никогда не рассказывали мне об этом государстве? Да, пожалуй, многому научу я своих земляков, когда вернусь в деревню Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы».

Тем временем летчик, с неизменной приветливой слезинкой в уголке глаза, пригласил Жоана в свой город, куда посулил его доставить на самолете.

— Спасибо. С удовольствием...—согласился потрясенный Жоан Смелчак.

— Тогда двинемся в путь

И летчик уперся ладонями в землю, поднял ноги, и в этой позиции, перебирая руками, отправился в путь-дорогу.

— Браво, дружище! Да вы, оказывается, акробат! — с восторгом воскликнул Жоан.

Слегка приподняв голову, крепыш очень мягко (а тон этот, видимо, выражал самое крайнее раздражение), возразил Жоану:

— Акробаты— это те, кто ходит ногами по земле, а руки держит в воздухе. А я нормальный человек.

И двинулся дальше, идя вверх ногами. Жоан Смелчак крепко стиснул зубы, выражая этим свое удивление по превратной манере города Шиворот-Навыворот.

Самолет стоял неподалеку, метрах в двухстах, и он ничуть не был похож на обыкновенный летательный аппарат. Отлит он был из металла и крыльев не имел. Спереди, там, где полагалось бы быть пропеллеру, вставлен был инструмент, подобный сверлу или штопору.

— Не понимаю, как можно летать на этой мясорубке?— изумился Жоан Смелчак.

Но летчик прервал его размышления и, открыв дверцу в хвосте самолета, достал скафандр.

— Надевайте!— приказал он.

Хотя Жоан и притерпелся уже ко всем этим странным выходкам пилота, на этот раз все же не сдержался:

— Ну, знаете, это уж слишком. Мало того, что вы заставляете меня путешествовать в стальной клетке, так еще собираетесь засунуть в скафандр?! Всему есть предел, даже безумию!

Совершенно спокойно (признак величайшего волнения) летчик ответил:

— Неужели сеньор полагает, что самолет создан для блуждания в небесах? Мой друг, верно у вас помутился разум! По воздуху летают автомобили, трамваи, электрички и поезда метро. А самолеты существуют для того, чтобы путешествовать под землей. Так уж заведено везде.

Жоан Смелчак промолчал. Спорить? К чему? Этот человек, который ходит вверх ногами, все равно никогда его не поймет. Лучше не терять времени на бесполезные препирательства. И он покорился судьбе:

— Давайте сюда ваш скафандр!

Тяжело вздохнув, Жоан похоронил себя (иначе не скажешь) в недрах странной машины. Пилот последовал его примеру, и штопор ввинтился в землю.

Так Жоан Смелчак отправился в необыкновенный Шиворот-Навыворот.

Всем известно, что жители этого города ходили вверх ногами, носили галстуки на талии, ремни на шее, галоши на руках и перчатки на ногах. В домах, где они жили, не было ни окон, ни дверей. Приходилось влезать и вылезать из них через крышу, пользуясь лифтами, установленными на фасадах. Еще одна особенность отличала город Шиворот-Навыворот: каждый день он изменял свой облик, поскольку в нем не было постоянных улиц. Закон обязывал домовладельцев ежедневно перемещать дома. При этом следовало руководствоваться планом «Неразбериха»— творением вышедших на пенсию поэтов-сюрреалистов. Дома передвигались новейшими методами, на широких металлических платформах с

колесами. Благодаря идеально налаженному процессу перестановки, путаница в городе достигала невиданных размеров. Даже старожилы не знали, где они сегодня живут.

Мало того. Утерян был счет времени. Часы показывали не минуты и не секунды, а века. Правители, ученые, педагоги, которых усердно отбирали среди наиболее невежественных обывателей, настойчиво ратовали за то, чтобы увековечить порядок хождения вверх ногами. Плохо приходилось всякому, кто не осквернял слух ближних несусветными глупостями! Поносились великие открытия и грандиозные достижения (например, атомная энергия или искусственные спутники Земли) и в противовес выдвигались слабоумные теориейки об оскудении и измельчании людского рода. Вольнодумцев честили моральными мертвецами и без зазрения совести изгоняли их из академий и университетов.

Глупость— а она признавалась ярчайшим проявлением духа Расы— старательно прививалась населению с пеленок. В школах, где учителей отбирали, обращая внимание не на их знания, а на манеру одеваться и завязывать галстук, искусство муштры доведено было до наивысшего совершенства. Ученикам умышленно засоряли головы всяческими ненужностями, пустыми фразами и идеями, которые пинцетами извлекались из ссохшихся мозгов мертвецов, более двухсот лет покоящихся в могилах, переносились в банки со спиртом и выдавались за вполне современные и совершенно гениальные теории.

Истинных ученых (а таких было немного) называли ослиами. Суровые правила предписывали, что высокие должности могут занимать только проверенные глупцы. А такими считались те, кто на письменных экзаменах делал более восьмидесяти ошибок на сто слов и не в состоянии был осилить правила деления. Поэтому в городе часто слышались такие хвалебные речи:

— Такой-то— форменный идиот! Он может решить любой вопрос, и особенно вопрос неразрешимый.

— Поэт Икс — непроходимый дурак! И так далее и тому подобное.

Со стороны казалось, что обитатели города просто-напросто дурачатся и кривляются, как паяцы, и Жоан Смелчак, опасаясь, что и он подхватит бациллу глупости, с неприязнью и отвращением наблюдал нелепые, лишённые всякой логики обычаи горожан.

Почему, например, в театре они всегда поворачиваются к сцене спиной и аплодируют сами себе?

Почему собираются в мрачных кабаре и плачут там всем скопом пьяными слезами, а у гроба покойника и на поминках смеются и рассказывают анекдоты?

Почему посылают в музеи наихудшие картины? Почему мужчины ходят на Пляже во фраках и крахмальных воротничках (таков закон, и при этом строгий закон), а женщины разгуливают по улицам в бальных туалетах, а на балы являются в купальниках?

Почему на эстраде выстраивается безмолвный хор, а поет публика? Почему, наконец, оркестранты, расположившись на сцене, с религиозным благоговением выслушивают концерты из кашля зрителей, объединенных в Национальную Консерваторию Эстетических Простуд и Бронхитов Прикладного Искусства?

Как ни пытался Жоан Смелчак найти ответы на подобные вопросы, это ему не удавалось. Опасаясь, что в один прекрасный день голова у него пойдет кругом, он решил сесть в первый попавшийся поезд (пусть даже с крыльями на колесах) и сбежать из города Шиворот-Навыорот.

На пути к вокзалу он столкнулся с поразительным существом. Это был обыкновенный человек, который ходил по земле ногами, шляпу носил на голове, галстук на шее, ремень на талии, перчатки на руках. Они обнялись, точно старые друзья после разлуки.

Наконец-то я встретил нормального человека в этом проклятом городе!— радостно воскликнул Жоан.— Честное слово, по таким людям я очень соскучился!

— А мне-то каково, представляешь?! Ах! И угораздило же меня родиться здесь!— посетовал бедняга.

— Почему угораздило?

— Да потому, что никто в этом городе меня не понимает... Потому что я плачу, когда страдаю, и смеюсь, когда мне весело. Потому что я говорю «добрый вечер» вечером и «добрый день» днем. Потому что я не купаюсь в комбинезоне. Потому что я зажигаю свет, когда стемнеет...

— Это лишь доказывает, что у тебя голова на месте,— утешил его Жоан Смелчак.

— Да, конечно... Но напрасно ты думаешь, что мой пример их чему-нибудь учит. Какое там! Что ни день я печатаю в моей подпольной газете «Хожу головой вверх» убедительные статьи. Но, видимо, никто их не читает. Пока что я смог завербовать всего пятьдесят сторонников моей доктрины.

— Это уже не так плохо. И все они ходят по земле ногами?

— Ходят, а то как же! Но только дома, в семейном кругу. Стоит им выйти на улицу, как они тут же становятся на руки, чтобы не вызывать подозрений и не попасть в черный список... Однажды я призвал моих сторонников к внушительной массовой демонстрации. Явилось всего трое. Но и они осмелились пройти по улице лишь на четвереньках...

Незнакомец в отчаянии воздел руки к небу.

— Вообрази, власти обвинили меня в предательстве. Они утверждают, будто бы я подрываю национальные традиции Расы. В пику мне они даже основали специальную газету под названием «Вверх ногами». Послушать их, так ходьба вверх ногами чисто духовное явление... Эдакий пинок звездам... Пинок всему возвышенному...

Он не договорил. Внезапно раздался шум, и из воздушного автомобиля выскочила шестерка полицейских. Не успел собеседник Жоана опомниться, как на него надели смирительную рубашку и намордник и, связав по рукам и ногам, потащили к машине.

— Насколько я понимаю, сеньор, вы нездешний?— обратился к Жоану один из молодчиков.

— Безусловно и к великому моему удовольствию...

— Извините, что помешали,— процедил сквозь зубы другой блюститель порядка.— Но вы вступили в беседу с опасным человеком. Это буйно помешанный, сбежавший из сумасшедшего дома.

— Помешанный? По-моему, вы ошибаетесь. Он произвел на меня впечатление совершенно нормального человека. Он сказал мне, что выпускает газету.

— Враки!—вмешался еще один молодчик (полицейский? санитар?), который смеялся, будто исторгал слезы.— Это безумец. У него мания — он хочет, чтобы мы ходили ногами вниз. Как будто это возможно!

— Верно, верно, как будто это возможно!—хором повторили за ним полицейские, рыдая от хохота.

Жоан заткнул уши и опрометью бросился к вокзалу. Он был в таком смятении, что, лишь подойдя к железнодорожной кассе, вспомнил: у него нет ни гроша.

И чтобы заработать на проезд, ему пришлось поступить в бродячий цирк. Там он показал сенсационный акробатический номер, рекламируемый таким образом:

СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ! ТОЛЬКО В НАШЕМ ЦИРКЕ

Жоан Смелчак

ф е н о м е н ! !

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ

АКРОБАТ, КОТОРЫЙ ХОДИТ ПО ЗЕМЛЕ

ВНИЗ НОГАМИ

ТАК ЖЕ СВОБОДНО, КАК УВАЖАЕМАЯ ПУБЛИКА ХОДИТ ВНИЗ ГОЛОВОЙ!

Целую неделю Жоан выступал в цирке с необычайным успехом. Набив карманы деньгами, он порвал контракт, сел в поезд с крыльями на колесах и навсегда покинул странный город Шиворот-Навыорот.

Глава 8

ПРИНЦ ОСЛИНЫЕ УШИ

Едва только Жоан Смелчак вошел в поезд с крыльями на колесах, как автоматический кондуктор, робот из белого металла, поднял его за шиворот и перенес в купе, где две металлические руки привязали его к креслу, довольно, впрочем, удобному и мягкому.

И, глядя, как на экране телевизора появляются и исчезают облака, горы и равнины, Жоан погрузился в неторопливые думы о своих делах. Куда направляется этот поезд?

На билете, который он зажал в руке, было одно лишь слово: «Стена». Это место назначения он назвал девушке-билетерше в вокзальной кассе после того, как она сообщила ему, что прямого железнодорожного сообщения между городами Шиворот-Навыорот и деревенькой Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы не существует.

— Наши поезда следуют только до заповедника Диковинных Созданий,— предупредила Жоана эта кассирша.

— В таком случае дайте мне билет до станции, ближайшей к деревеньке Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы. Это где-нибудь неподалеку от стены,— сказал Жоан.

Девушка вручила ему билет, и вот теперь он мчался по воздуху в крылатом поезде, не чая, как бы поскорее из него выбраться: может быть, людям с волшебной плотью и по вкусу путешествия в полном одиночестве, но обыкновенному слезоглотовцу, привычному всегда общаться с земляками (хоть порой не обходилось без ссор и дразг), такая поездка казалась просто невыносимой. К дьяволу этот проклятый поезд, где нет ни одной живой пассажирки, с которой можно было бы перемолвиться словом.

— Хотел бы я знать — далеко ли еще до стены?— проговорил он вслух, сгорая от нетерпения.

Тотчас же, прямо на перегородке купе, над телевизором, появился рот с тонкими губами и негромко произнес:

— И далеко и близко.

Рот исчез, словно его никогда и не было, и Жоан Смелчак снова повторил свой вопрос, ни к кому не обращаясь:

Хотел бы я знать, далеко ли еще до стены?

Другой рот, на этот раз огромный и кроваво-красный, обозначился теперь на потолке и, приоткрыв мясистые губы, проревел:

— И далеко и близко!

Одновременно, вероятно для того, чтобы наказать его за неуместное любопытство, вновь появились две металлические руки. Они нажали невидимую кнопку и катапультировали Жоана вместе с его креслом. При взлете кресло раскрылось, как парашют, и сотни птичьих крыльев зашуршали в золотистом утреннем небе.

Вот таким способом Жоан Смелчак мягко опустился на поросшую зеленой травой лужайку Великого Королевства Кое-Чего. От края до края раскинулись фруктовые сады, и одни деревья были в цвету, а другие гнулись к земле обремененные спелыми плодами. Жоан освежил лицо в первом попавшемся ручейке, который журчал среди камней, и пустился в путь. Много часов прошагал он под голубым небом, минуя безлюдные, будто вымершие деревни, и так и не встретил ни одной живой души.

Постепенно пейзаж стал изменяться: сочную зелень сменили ползучие растения, мхи и лишайники, лепившиеся к валунам; но и здесь людей не было, и из живых существ Жоан заметил лишь ящериц, которые быстро ползли среди камней в поисках убежища. Местность была такой пустынной и необитаемой, что Жоан Смелчак невольно подумал: а не изгнаны ли по каким-то причинам жители этих мест?

Только на склоне дня он увидел в лесу на обочине дороги мрачного и хмурого человека, который отдыхал, сидя на стволе упавшего дерева.

— Подойди сюда, не бойся, я тебе ничего плохого не сделаю, — с покровительственным видом сказал он Жоану.

— А с какой стати я должен тебя бояться?— возмутился Жоан, которого вывел из себя самоуверенный тон незнакомца.

— Разве ты не знаешь, какой сегодня день?

— Знаю. Как будто воскресенье...— неуверенно протянул Жоан.

— То-то и оно что воскресенье. Неужели это ни о чем тебе не говорит?— спросил незнакомец.

— Послушай, я не волшебник, и обычаи вашей страны мне незнакомы— ведь я приезжий, — сказал Жоан.— А поэтому прошу тебя объяснить мне все толком.

— Ах, ты чужестранец?! Ну, тогда понятно, почему тебе неизвестны наши законы.— Поспешил оправдать его незнакомец.

Резкий порыв ветра всколыхнул кроны деревьев и заставил его умолкнуть: воспользовавшись короткой паузой, Жоан Смелчак перешел в наступление.

— А ты сам-то кто такой?

— Кто я? Разве ты не догадываешься? Не представляешь себе? Не знаешь?

— Честно говоря, нет.

— Быть не может! Вдумайся хорошенько. Если путник часами бредет по дороге, не встречая никого из прохожих, и вдруг замечает человека, сидящего на стволе дерева, то кем, по-твоему, может быть этот субъект?

— Откуда мне знать!— Жоан Смелчак пожал плечами. Ему вовсе не хотелось тратить попусту время на разгадку этой не слишком завлекательной тайны; ведь рано или поздно все само собой выяснится.

— Я принц! Кем же мне еще быть, по-твоему, как не принцем?— воскликнул незнакомец с наигранной бодростью человека, вынужденного растолковывать общеизвестные истины.

— Ты принц?

— Конечно, принц, неизбежный принц. Да, я, принц, сегодня утром отправился на охоту, но мне надоело гоняться за оленями и зайцами, и я отпустил моего скакуна— пусть себе пощиплет траву,— а сам уселся на обочине, чтобы поразмыслить о делах государственной важности.

Жоан Смелчак пристально взглянул на собеседника. Несомненно, перед ним и в самом деле сидел принц. Ведь во всех сказках герои этого звания одеты точно так же: неизменная шапочка с пером, зеленые бархатные панталоны, шелковые чулки, туфли с серебряными пряжками, короткий плащ, перчатки с кружевными манжетами, кинжал на поясе. Смущала лишь одна деталь: в отличие от очарованных или предназначенных для иных волшебных превращений принцев, как правило, элегантных блондинов, этот принц был на диво уродлив. Еще можно было кое-как смириться с его плоской, как блин, физиономией, но вдобавок природа наградила его длиннейшими ослиными ушами.

— Я в восторге, что судьба свела меня с вашим высочеством,— приветствовал его Жоан, склонившись до земли в низжайшем поклоне, одновременно и почтительном и насмешливом.— Надеюсь, теперь вы объясните мне тайну воскресного дня...

— О, это сущие пустяки! Я имел в виду закон, запрещающий моим подданным выходить из дому по воскресеньям.

— Как! Ваше высочество! Вы заставляете их работать по воскресеньям и отдыхать в другие дни недели?!

— Нет. Что за глупости! Дело в том, что по воскресеньям я обычно езжу на охоту... И не хочу, не желаю, чтобы мои вассалы меня видели.

— Извините, ваше высочество, мне не совсем ясно, какие преимущества дает вам это правило...— признался Жоан Смелчак.— Ведь вы рискуете утратить популярность.

— Принц снисходительно улыбнулся— так обычно улыбаются люди, которые из вежливости выслушивают чужие советы, не собираясь им следовать и считая их для себя совершенно неприемлемыми.

— Возможно, ты и прав. Но послушай-ка сначала, что я тебе расскажу, а уж потом, не кривя душой, ты ответишь мне, мог ли я поступить иначе.

Охотник до всяких историй, Жоан Смелчак не стал дожидаться повторного приглашения. С легким полупоклоном он присел рядом с вислоухим высочеством, и в сумеречной мгле принц так начал свой рассказ:

— Ты, конечно, уже заметал, что я бесподобно красив.

— Как?— спросил Жоан с перекосившимся от изумления лицом.

— Да, я бесподобно красив. Кожа у меня белая, как свежий снег, нос почти греческий, безукоризненной формы, глаза— о, глаза! —в них вся лазурь небес, озаряющая своим сиянием мир (это слова одного из наших величайших поэтов!). Но главное мое достоинство— очаровательные, крохотные ушки, достойные Адониса. Что ты на меня так смотришь? По-твоему, я приукрасил свой портрет?

— О, ваше высочество!— только и смог пролепетать Жоан.

— Я этого не нахожу. Когда я люблюсь собой в зеркале, я прямо-таки впадаю в экстаз, меня ослепляет собственная красота. И по утрам я благодарю природу за то, что она сотворила меня таким прекрасным, таким совершенным и неотразимым

Не находя в себе мужества, необходимого для того, чтобы рассеять заблуждения принца, Жоан Смелчак пробормотал:

— Но какое отношение... это имеет... к... к запрету... выходить по воскресеньям?..

— Самое непосредственное. Ты даже не представляешь себе, какие общественные беспорядки вызвала моя красота. Народ безумствовал. Заметив меня, женщины падали в обморок, изнемогая от восторга. Влюбленные девушки стайками устремлялись мне вслед — они называли меня богом и осыпали розами. Мое появление всегда сопровождалось яростными спорами: нередко эти дискуссии завершались дуэлями и кулачными боями. Возникали враждующие партии. Одни утверждали, что высшую гармонию выражают черты моего лица, другие восхищались олимпийской величавостью моей осанки. Эстеты в один голос твердили, что больше всего меня красит мой нос. А психологи превозносили подбородок,— именно подбородок, говорили они, свидетельствует о сверхчеловеческой силе моего характера. Их похвалы сходились только в одном, и факт этот неопровержим и не требует доказательств: все, без исключения все, считали, что мои уши — это верх совершенства, что равных ушей нет на свете.

— Бесспорно,— подтвердил Жоан Смелчак с язвительной усмешкой.

— И вот, чтобы избежать всевозможных эксцессов, я решил — ничего другого мне не оставалось — обнародовать запретительный указ. Слов нет, я подписал его скрепя сердце, опасаясь, что это распоряжение вызовет всеобщее огорчение и протесты. Поэтому, дабы загладить эту обиду и предупредить весьма возможную революцию, вызванную отчаянием моих подданных, я, провозгласив этот указ, одновременно приказал воздвигнуть монументы. Монументы, в которых запечатлена моя особа, разумеется; причем помимо пеших фигур сооружены были и две конные. Нечего говорить, что у этих монументов постоянно кишит толпа пылких энтузиастов, и многие из них то и дело падают в обморок. До того дошло дело, что мой медик распорядился ввести дежурство карет Скорой помощи. Этот вид транспорта доставляет моих истерических подданных в специальные лечебницы, открытые на всех главных площадях...

В этот момент на ближайшем дереве засвистел дрозд, и принц прервал повествование, внимая птичьим трелям. Но вскоре он снова заговорил, и в его речи стали проскальзывать печальные нотки.

— Как я уже говорил тебе, удивительнее всего то, что все мои подданные воспринимают меня по-разному. В этом я имел случай убедиться после того, как принял решение осчастливить мой возлюбленный народ монументами, о которых я тебе только что говорил. Для этой цели я призвал во дворец скульпторов и приказал им: «Изваяйте меня! Воплотите в глине, мраморе и в бронзе мои восхитительные формы и мой божественный лик. Но не вздумайте изобразить меня более красивым, чем я есть, тем более что вам это все равно не удастся. Обуздайте свои порывы и постарайтесь с наибольшей достоверностью воспроизвести то, что видят ваши глаза. И только. Ничего больше».

— И что же?— спросил юноша, всматриваясь в омерзительную физиономию принца, «украшенную» слезящимися глазами и чудовищными ослиными ушами.

— А то, что произошло нечто неслыханное: десять скульпторов представили мне свои изделия. Монументы, что и говорить, были прекрасны, но со мной ни малейшего сходства не имели. А остальные десять... Не знаю, что и сказать тебе... Ну, одним словом, эти негодяи оскорбили мои царственные очи гнуснейшими, мерзкими, лживыми и гадкими статуями. Все во мне перевернулось, когда я, пылая гневом, осмотрел эти мерзопакостные изваяния. «Как,— спросил я,— неужто я такой и есть?» — «Да, ваше высочество»,— ответили скульпторы. Я вышел из себя. «Вы все сошли с ума. Не может быть! День и ночь я люблюсь собой, глядя в зеркало, и отлично себя изучил. Я красив! По последним статистическим данным, мое появление вызывает в среднем шестьсот пятьдесят тысяч обмороков в неделю. Слышите? Зарубите себе на носу — моя красота совершенна!»

— А эти безобразные статуи были похожи друг на друга?— полюбопытствовал Жоан.

Представь себе, все разные! У одной нос был как орлиный клюв, у другой — как перечница, у третьей — как свекла. И так во всем. Полное расхождение! Только мои прославленные ушки — маленькие, изящные и элегантные — все десять мастеров вылепили совершенно одинаково.

— Невероятно!— воскликнул Жоан Смелчак, не спуская глаз с бесспорно ослиных ушей принца.

— Да, действительно невероятно. До такой степени невероятно, что Верховный судья моих владений (а этот пост, разумеется, занимаю я сам) мгновенно упрятал всю эту банду бездарей за решетку и обвинил их в неслыханном нарушении законов: шутка ли сказать — их глаза не пожелали увидеть меня таким, каким меня должно видеть. И я пригласил других скульпторов.

— И что ж, они оказались благоразумнее?— с живостью поинтересовался Жоан.

— Какое там! Та же история! Не удалась им даже и попытка воплотить в мраморе и глине мой божественный облик. Никто не оправдал оказанного им доверия. И многие из них до того обнаглели, что осмелились вылепить поросячий пяточок вместо носа, индюшачью бородку вместо подбородка и так далее. Одним словом, содеяно было бесчисленное множество преступлений, оскорбляющих монаршее величие, и все бунтовщики были немедленно наказаны по заслугам.

— Ну, а потом?

— Потом, чтобы как-нибудь выйти из затруднения, я созвал своих министров и приказал им представить подробнейшие меморандумы с описанием моей несравненной красоты. Но и тут неудача! Все писали по-разному. Министр финансов утверждал, например, что глаза по цвету и по форме напоминают золотые монеты. А министр морского флота — что они сине-зеленые, как море. Министр туризма клятвенно уверял, что они небесно-голубые. И так далее...

— Как же вы поступили, ваше высочество?

— Я распустил Совет министров, но от поисков правды не отказался. Я призвал к себе во дворец поэтов и повелел описать меня в стихах. Затем мобилизовал художников. Позировал для двух тысяч портретов маслом. Провел опрос мнений. Организовал всенародный плебисцит. И все напрасно! Ни один

портрет не сходился с другим. Все художники видели меня по-разному. Только одна деталь изображалась совершенно одинаково, без малейших расхождений — мои уши на всех портретах были маленькие, изящные и элегантные. Просто прелесть, а не уши.

И принц заботливо погладил свои ослиные уши.

— Я готов был отступить от своих намерений, как вдруг явилась у меня мысль: а не обратиться ли к ведьме Вопль Из Преисподней? Ходили слухи, будто она овладела в совершенстве тайной наукой высоких свершений. Пришел я к ней и говорю: «Все знают, что у тебя где-то в потайном месте, кажется, в колодце хранится Истина. Можешь ты мне ее показать?»—«Могу, ваше высочество. Только зачем она вам?»— удивилась ведьма. «Хотел бы я с ней посоветоваться о моем носе, глазах и подбородке. Об ушах спрашивать не стоит...»— сказал я. А ведьма молчит. Берет меня за руку и, все так же, ни слова не говоря, ведет за собой прямо в лес Тысячи Зеленых Лун. Шли мы с ней целый час, потом она остановилась, отворила дупло в каком-то дереве и пригласила меня войти в это дупло. Я вошел, спустился по крутой лестнице и оказался как раз в том таинственном месте, где живет голая Истина.

— И вы ее видели? Говорили с ней? Хороша она собой?

— Ах, мой друг,— вздохнул собеседник Жоана, хлопая ушами.— Ты и вообразить себе не можешь, какое зрелище открылось мне. Вместо одного колодца я увидел их миллионы.

— Вы меня не обманываете? Там действительно были миллионы колодцев?

— Да, миллионы колодцев, а в них миллионы истин.

— Признаться, сам не знаю, как бы я поступил, окажись я на вашем месте. Наверное, бросился бы бежать без оглядки.

— Сперва именно так я и подумал. Бежать! Послать к дьяволу Истину и Ложь! Но ведьма меня удержала. Она силком заставила меня вступить в беседу с любой из Истин, выбранной наугад. Я подчинился ее капризу и, подойдя к первому попавшему колодцу, воззвал: «О, Истина, Истина, подымись ко мне!»

— И она отозвалась?

— Мигом откликнулась. Высунула наружу головку, долго-долго смотрела на меня, ласково усмехнулась и тоненьким голоском сказала: «Ушки у тебя такие маленькие, такие изящные, такие элегантные, такие славные». И бух!— брякнулась обратно в колодец.

— Невероятно!— снова изумился Жоан Смельчак.

— Вот тогда-то я и решил покончить с ненужными сомнениями. Я объявил, что моя красота бесспорна. Провозгласил диктатуру своего рокового, неотразимо-рокового очарования. Воздвиг множество автомонументов, которые запечатали меня именно таким, каким я себе казался. Повелел, чтобы народ, как и прежде, падал в обморок. И перестал появляться на людях,— не хотел, чтобы мне докучали нелепыми сомнениями в красоте моего носа или подбородка. Не правда ли, я ловко придумал?

И принц умолк, погруженный в предвечернюю сумеречную печаль, разлитую над землей. Внезапно он устремил на Жоана задумчивый взгляд и, тряхнув ушами, признался с неожиданной откровенностью:

— Знаешь что? Иногда мне даже хотелось бы быть некрасивым. Бывают дни, когда моя сверхбожественная красота давит на меня, как свинец. К примеру, сейчас я готов отдать мой титул, мою славу, все на свете, лишь бы стать таким же уродом, как ты.

— Как я?— оскорбился Жоан.

— Да, как ты,— повторил принц.— Клянусь тебе, я никогда в жизни не видал таких уродов. У тебя даже уши ослиные.

— У меня ослиные уши?!— вскипел юноша, схватившись за свои маленькие ушки-раковинки.

— Конечно, ослиные. Я их прекрасно вижу,— заверил его принц все тем же безапелляционным тоном.

И, кивнув на прощание ошеломленному Жоану, его высочество принц Ослиные Уши, безобразный и длинноухий, свистнул своего коня, вскочил в седло и исчез в темноте, которая уже поглотила его владения.

Глава 9

ПРИНЦЕССА № 46734

Хотя беседа с принцем Ослиные Уши изрядно обескуражила Жоана Смельчака, однако его намерения не изменились: он по-прежнему рвался в родную деревеньку Поплачь, А Затем

Проглоти Свои Слезы, которая такой желанной казалась в этом далеком краю. Но напрасно искал он дорогу, напрасно взбирался на холмы и пригорки, пытаясь высмотреть роковую стену. Ничего он не увидел. Решительно ничего.

— Далеко ли еще до стены?— время от времени невольно обращался он к самому себе. И неизбежно получал все тот же ответ: «И далеко и близко». Фатальный рот следовал за ним по пятам, через долины и заросли кустарника; то, словно трещина, он раскалывал утесы, то неожиданно появлялся на плодах, висящих на ветках, то он раскрывал золотые губы на самом солнце, повторяя одни и те же слова.

В конце концов это изречение довело Жоана Смелычака до белого каления, хотя, с другой стороны, оно побуждало его с еще большим упорством искать путь к таким же, как он, земным созданиям. И хотя в обычном мире жизнь проходила в слезах, в труде и мятежных исканиях, была она не такой нелепой, как в этом мире, которым управляли тайные силы, безумные и косные.

Идти и идти вперед, в кровь стирая ноги на крутых каменистых склонах, спать под открытым небом, плескаться в ручьях и неустанно страдать от тоски в этом нудном странствовании, где все время его преследовал блуждающий Рот... Но в конце концов даже эта пасть перестала докучать Жоану. И в одну прекрасную ночь, когда Рот прорезался в коре каштанового дерева и повторил свое неизменное «и далеко и близко», то и на него, на этот Рот, напала отчаянная зевота:

— Ах, какая тоска!

— Что правда, то правда,—также зевая, согласился Жоан.— Поистине у тайных сил воображения меньше, чем у людей. А что касается тебя, то запомни: если ты еще раз покажешься мне, я надену на тебя на! намордник, так и знай.

Этой ночью Жоан Смелычак избрал себе для ночлега небольшую прогалину у каштановой рощи, посеребренной лунным светом. Ласковый ветерок раздувал своими летучими мехами его волосы: где-то квакали лягушки, которые вели в этот час ночную спевку.

— Пора спать!— И Жоан свернулся калачиком на мягкой, покрытой мхом земле.

Однако прежде чем сомкнуть глаза, он мельком взглянул на небо. И вздрогнул от неожиданности. Чтобы убедиться, не померещилось ли ему то, что он увидел, Жоан приподнялся на локтях... Да, на лунном диске проступала надпись сделанная углем:

«НАМ НЕ ХВАТАЕТ ВООБРАЖЕНИЯ!»

Еще как не хватает!— воскликнул Жоан Смелычак и снова улегся на мшистую постель, подложив под голову руки. Что ни говори, а эта надпись развлекла Жоана.

— Ах, если бы таинственные силы сочли нужным оказать мне честь и продемонстрировать такое, к примеру, прелестное создание, как Семиглавая гидра. Что им стоило бы сделать специально для меня такое чудовище: семь очаровательных девичьих головок, и у каждой по туго заплетенной косичке с бантом...

Жоан Смелычак не спускал глаз с луны, он дожидался ответа на свое предложение, и этот ответ не замедлил появиться:

Семиглавые гидры ушли завиваться.

*Сам прикинь — сколько времени им приходится
тратить на прическу!*

— А принцессы у вас есть?— спросил он, восхищенный этой беседой через луну и бог знает с кем. — Я уже познакомился с одним принцем, у которого ослиные уши. Ба! Давайте сюда принцессу, хоть с крыльями на голове, если вам такие принцессы по вкусу. Но только стоящую принцессу.

Ему не пришлось долго ждать. На луне скоро появилась новая надпись:

*Свободна только одна принцесса за номером
46734.*

Подойдет?

— Пусть будет принцесса номер 46734,— согласился Жоан.

ТОГДА торопись!

Надпись постепенно стала бледнеть и расплываться, и скоро совсем исчезла. А луна начала расти, и росла и росла, пока не увеличилась втрое, и в ее красноватом свете пейзаж казался совсем нереальным.

Тем временем Жоан Смелычак размышлял, каким образом выйдет на сцену принцесса номер 46734. Через люк, который внезапно откроется во мху? Или спустится с этой раздувшейся луны по шелковой лестнице?

Других гипотез он не успел выдвинуть. Нежно вздохнула флейта, и на поляну выбежала ватага лесных гномов. Вместо голов у них были зеленые каштаны с колючками, вместо бороды — пучки травы, вместо туловища чернильные орешки. Четыре веточки заменяли руки и ноги. Вся эта компания пустилась в пляс вокруг Жоана.

Потом к флейте присоединились какие-то непонятные инструменты, и все они влились в свободный оркестр природы: стонали совы, шуршала сухая листва, со звоном падали на камень тяжелые капли...

Когда пляска закончилась, предводитель каштаноголовых, сняв красный беретик, с величайшей галантностью поздоровался с Жоаном Смельчаком и стал перед ним в ожидании ответа. Жоан присел на корточки — ему хотелось получше рассмотреть вождя гномов — и спросил:

— Где находится сейчас ее высочество принцесса номер 46734?

— Ваше превосходительство имеет в виду дочь короля, живущего в замке Куда Никто Не Входил И Не Войдет?

— Конечно, кого же еще...—подтвердил Жоан с дерзкой самоуверенностью человека, знавшего принцессу с детства.

Гном взглянул на него желтыми глазками-бусинками и с тяжелым вздохом сказал:

— Кто же знает, где сейчас принцесса! Ведь никто никогда ее не видел! Издавна живет она, вечно молодая и вечно прекрасная, в полном уединении, вдали от людей, в замке Облачного Совершенства. Но говорят, будто недавно она исчезла. И что ее похитили драконы... И что никто не может напасть на их след.

Жоан Смельчак улыбнулся. И подумал про себя: «Эти истории с принцессами всегда одни и те же. Принцесса убегает из дому (либо ее похищают чудовища, либо она чахнет от тоски, либо выпивает волшебное зелье и засыпает), обезумевший от горя отец не находит себе места, сулит золотые горы тому, кто ее отыщет или снимет заклятье; и вот, в последнем акте, под занавес, появляется рыцарь-избранник, спасает принцессу и женится на ней. Это неизбежно».

И, наклонившись к уху предводителя гномов, он спросил:

— Отец принцессы очень расстроен?

— Говорят, очень.

— Ну, конечно. И он обещал ее руку тому герою, который сумеет доставить ее во дворец? Не так ли?

— Истинно так, сеньор. Но откуда вы это знаете?

— Я знаю и это, и множество других вещей, потому что я Жоан Смельчак и уже привык ко всяким чудесам и волшебным штучкам. Особенно к таким банальным. Я ведь собаку съел в этом деле.

Каштаноголовые проказники, когда ветер дул в противоположную от Жоана сторону, фыркали от смеха, а он, как ни в чем не бывало, продолжал свою хвастливую речь, напустив на себя важность:

— Тысячи героев пытались отыскать ее, но их поиски не увенчались успехом, правда?

— Тысячи? Да что вы! Больше десяти тысяч! Больше миллиона, наверное. Со всех четырех сторон света съезжались рыцари, готовые на все, лишь бы ее найти. Но до сих пор никто не обнаружил ее местопребывания.

— А как же король?

— Насколько мне известно, король в отчаянии рвет на себе волосы и бороду, и с ним заодно все подданные, они обожают принцессу до безумия, хотя знакомы с ней только по портрету художника-абстракциониста — копии этого портрета есть почти в каждой хижине.

Странное дело. Жоан Смельчак прекрасно знал, что принцесса номер 46374 придумана этой ночью, чтобы развлечь его волшебным спектаклем, однако судьба несчастной стала всерьез его волновать. Возможно, он был увлечен приятной, хотя и обманчивой иллюзией, что именно ему предстоит стать героем приключения. Впрочем, в этом спектакле он согласился бы участвовать только в главной роли. Герой или никто!

Очевидно, как раз такую миссию и хотели на него возложить, и, желая убедиться в этом — вот к чему приводит людское тщеславие!— он без зазрения совести вытянул у гнома нужные сведения.

— Скажи мне начистоту, это меня избрала судьба для спасения принцессы?

— Думаю, что да. Чтобы освободить ее и затем совершить еще один, гораздо более трудный подвиг — войти в замок Облачного Совершенства.

— Этот замок абсолютно неприступен?

— Говорят, он создан из облаков. Едва коснешься его, и он уже распадается. Невозможно попасть в него, не разрушив.

— Как же тогда, по-твоему, я смогу войти в этот замок, где пол улетучивается, едва ступишь на него ногой?

— Существует единственная возможность — сделать облака твердыми, но так, чтобы они не утратили своей воздушной красоты. Тайну эту до сих пор никто еще не раскрыл... Правда, утверждают, что какие-то алхимики — их держат в подземелье — вывели спасительную секретную формулу.

— В таком случае, не лучше ли сначала отыскать принцессу?

— Но разве принцесса действительно существует?— сказал гном.— Разве ее кто-нибудь видел?..

Неопределенность положения не помешала тем не менее Жоану Смелчаку самому себя посвятить в рыцари. Надо было совершить великий подвиг, хотя, честно говоря, Жоан не представлял себе, в чем именно должен этот подвиг состоять. Но для подвига по меньшей мере нужна была лошадь.

— Вы не могли бы достать коня?— обратился он к гномам.

— Коня? —переспросил предводитель каштаноголовых, почесывая затылок.

—Погоди-ка!— вмешался другой гном.— Около хижины Простака-Дровосека стоит какая-то кляча. Только уж очень она тощая, бедняга. Это не конь, а скелет, сбежавший из Зоологического музея.

— Ничего, сгодится и такая. Какая разница. Ночью все лошади кажутся рысаками.

И в сопровождении веселого кортежа гномов-попрыгунчиков, Жоан Смелчак вошел в каштановую рощу, озаренную волшебницей луной, и достиг хижины Простака-Дровосека. Подле хижины он увидел костлявую лошаденку; ее недавно впрягли в повозку, на которой возили дрова.

— Черт возьми, а ведь где-то я видел эту скотину? Откуда я ее знаю?— проговорил Жоан. — Может быть, встречал ее на рисунках в какой-нибудь книге?

И он спросил предводителя гномов:

— Как зовут эту клячу?

Но лошадь опередила карлика и печально заржала:

— Ты не узнаешь меня? Погляди на мои ноги. Они как спички. А кости мои обтянуты кожей, точно старый барабан.

— Что ты ко мне пристала? Сказано, я тебя не помню,— сердито оборвал ее Жоан.

— Я Росинант, сеньор Жоан Смелчак,— представилось бедное животное с тоскливым ржанием.

— Как? Ты конь Дон-Кихота? Каким же образом ты здесь очутился?

Бедная скотина тяжело вздохнула и, не вдаваясь в подробности, так поведала свою историю:

— Что поделаешь! Судьба! Когда мой хозяин скончался, меня продали акробатам, они водили меня по ярмаркам и показывали за деньги, как чудо худобы. Потом я переходил из рук в руки, пока не оказался у Простака-Дровосека...

— Но ты, должно быть, тоскуешь по прежней жизни? Тебе хотелось бы снова странствовать по свету, как в незабвенные времена хитроумного рыцаря Печального Образа Дон-Кихота Ламанчского?

— О, если бы...

— Тогда готовься в дорогу, ты послужишь мне верой и правдой. Вперед, на помощь принцессе номер 46734.

В знак глубокого удовлетворения кляча дважды стукнула копытами. И пока гномы шумной толпой суетились около Росинанта, распрягая его, он признался Жоану:

— Послушай, рыцарь! Ради принцессы номер 46734 я готов принять любые муки! Даже смерть!

В мгновение ока Жоан Смелчак взобрался на его костистый круп и скомандовал:

— Дорогу рыцарю Долой Меч!

И на овечьих славой мослах Росинанта он отправился по белу свету на поиски прекрасной принцессы номер 46734 из королевства Облака, Одни Облака.

Тайна вскоре раскрылась— помогла природа, которая решила оказать Жоану необходимое содействие.

— Внимание! Близ этих лесных зарослей ты свернешь налево,— шепнуло ему дерево, листва которого трепетала от ветра».

— Эта дорога ведет не туда, куда тебе нужно,— пропищала сова.— Поднимись вон на тот холм, а когда достигнешь вершины, спроси дорогу у сосны.

— Спускайся в долину,— посоветовала сосна. Родник укажет тебе, какая тропинка ведет к реке.

— Поезжай вдоль реки,—пробормотал источник.—И когда завидишь три плакучие ивы, остановись и кликни принцессу.

Жоан Смелычак последовал их советам. Верхом на дряхлом коне Дон-Кихота он протрусил вдоль берега реки, кляня носом от усталости. И лишь на рассвете, в мертвенно-бледных лучах восходящего солнца он увидел наконец три ивы. Здесь он остановил клячу и блуждающим взором оглядел местность. Кругом никого. Полусонный, он сошел с коня и, потирая посиневшие от утренней прохлады руки, неуверенно воззвал:

— Принцесса!

Молчание. Голос Жоана замер и растворился в густом тумане.

— Принцесса! Принцесса!

Ответа не было. Не откликнулась даже утренняя сойка. Зевая во весь рот, бледный до синевы, Жоан уже хотел было послать принцессу вместе с ее замком ко всем чертям, как вдруг Росинант, удивленно заржав, окликнул его:

— Иди сюда, Жоан Смелычак! Иди скорее и посмотри в воду!

Жоан Смелычак бросился к реке и, склонившись над водой, не веря своим глазам, увидел на ее поверхности ясное отражение женщины, прекрасной, как мечта.

— Что это значит?— растерянно пробормотал он и огляделся по сторонам, желая убедиться, что, кроме него и Росинанта, на берегу никого нет.— Где же прячется живая принцесса?

— Она все еще в плену у драконов...— откликнулся голос неясный, как легкий пар, который чуть курился над рекой.

— Чей это голос?— вымолвил Жоан, раскрыв рот от изумления.

— Мой...— подтвердило отражение дрожащим точно от холода голоском.

— И ты не исчезнешь? Не сотрешь?

— Никогда.

Солнце уже выпустило в листву утренних зайчиков, веселые блики сверкали на водной глади, звенящий голосок принцессы звучал все яснее и яснее.

— Я расчесывала свои золотые волосы серебряным гребнем, когда на меня напали драконы. Я защищалась, но вырваться не смогла. И вот, благоговея перед людьми, которые меня так любят, я на прощание поглядела в реку, и мое отражение навеки запечатлелось в этих водах.

— Но я хочу спасти тебя, принцесса! Нет, не тебя, не отражение, а другую, настоящую принцессу. Скажи мне, где ты, нет, где она сейчас! Безутешный отец оплакивает тебя днем и ночью! Народ посылает голову пеплом!.. Я хочу спасти тебя, принцесса номер 46734! Я хочу навсегда отвердить облака в твоём королевстве!

— Это невозможно!—раздался слабый голос. Я всего-навсего отражение, и ничего больше. Скажи моему народу, что я нахожусь здесь, у трех плакучих ив. Быть может, людям легче станет, если узнают они, что я существую, пусть даже в этом образе. Иди и будь счастлив.

Жоан Смелычак опустил в воду руку, тщетно пытаясь поймать отражение и вытащить его на сушу. Ничего, кроме пронизывающего холода, рука его не ощутила. И вконец опечаленный Жоан взгромоздился на хребет Росинанта и отправился в путь; всем, кто встречался по дороге, он говорил:

— Принцесса номер 46734— только отражение, и ищите его в реке у трех плакучих ив! Принцесса номер 46734 существует только в отражении!

Так ехал он очень долго, в полусне взывая к прохожим, пока не добрался до хижины Простака-Дровосека. Там он снова впряг Росинанта в телегу и дружески потрепал его по холке.

— Знаешь, что я тебе скажу?— заржал конь на прощанье.— Мне кажется, что именно принцессу номер 46734 искал по всему свету незабвенный хитроумный Дон-Кихот Ламанчский.

— А как он ее называл?— любопытствовал Жоан Смелычак.

— Не знаю, да никогда и не знал... Какое значение имеет имя?.. Но это была она, я уверен... Принцесса из королевства, которое навеки останется за облаками.

— Возможно, ты прав,— согласился Жоан.— Но твой хозяин, по-моему, совершил большую ошибку, как и я, впрочем. Он гнался за призраком, а не за драконами, их-то он и должен был уничтожить.

А затем Жоан Смелычак улегся под деревом и задремал, а бедняга Росинант снова принялся возить дрова, напрягая все силы своего героического костяка.

Глава 10

ТРИ НЕДОСТОЙНЫХ ТРИУМФАТОРА

Жоан Смельчак проснулся поздно, когда солнце уже клонилось к закату, и с изумлением обнаружил, что лежит на дне довольно глубокого сухого колодца. Попал туда рыцарь Долой Меч в часы сна, и так он притерпелся к своим бедам, что, кое-как примостившись на дне, решил спокойно выждать дальнейших событий. Он отлично понимал, что любой маг-бездельник, маг Бог Его Знает Кто, может учинить ему пакость, и тогда прощай родная деревенька Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы.

— Ну что ж! Здесь на дне, даже теплее,— заключил он, следуя своему правилу борьбы за счастье, а оно заключалось в том, чтобы принимать удары судьбы с таким видом, будто ты их сам вызвал. И, пытаясь вырваться из дремоты в царство надежды, он предавался таким размышлениям: «Любопытно, как же меня отсюда извлекут. Возможно, через туннель, который внезапно соединит эту дыру с корнями ближайшего каштана? Или меня унесет в клюве горный орел?.. А! Знаю! Скорее всего, дно колодца начнет потихоньку подниматься, как кабина лифта... Одним словом, поживем—увидим».

Пока он предавался этим размышлениям, ему послышалось сквозь дрему, будто чей-то хриплый голос произнес его имя. Он поднял голову и увидел высоко сверху три головы.

— Вы сеньор Жоан Смельчак?— спросил тот же голос, сиплый и грубый.

— Я. Что вам от меня нужно?

— Вылезайте!

— Да каким же образом?— закричал Жоан, ощупывая руками скользкие камни и снова убеждаясь, что выбраться из колодца, цепляясь за стенки, невозможно.

— Прыгайте, - настаивал хриплый голос, прыгайте, и баста!

— Прыгать?—удивился юноша.

И хотя Жоан с недоверием отнесся к этому совету, он все же решил попытать счастья. Он присел, оттолкнулся, подпрыгнул и— о ужас!— оттолкнувшись он почувствовал, что превратился в резиновый мяч, и в мгновение ока неведомая сила вытолкнула его из колодца.

Трое мужчин не дали Жоану опомниться. Они повалились ему в ноги и хором стали причитать до тошноты льстивыми голосами:

— Помог нам, бесценный наш благодетель! Помоги нам, вызволи нас из беды, ради спасения своей бесценной души!

И ползая на коленях, они, не смотря на все попытки Жоана Смельчака пристыдить их, цеплялись за его ноги и осыпали его штаны поцелуями. Жоан с отвращением оттолкнул их.

— Что это значит? Объясните!

С рабской угодливостью все трое вскочили на ноги, и один из них, хриплоголосый, заговорил. Это был гнусного вида детина, в рваной куртке, в просивших каши сапогах; вдобавок лицо его заросло жесткой щетиной.

Отхаркиваясь, он представился:

— Сеньор Жоан Смельчак, давайте познакомимся. Зовут меня Просто-Свинья... А это мой закадычный дружок Бродяга-Молчун, он немой от рождения... А вон того обормота прозвали Попкой-Дураком, он всю жизнь только и делает, что шатается по кабакам, пьянствует и на ходу сочиняет стишата, да такие, что закачаешься!

«Да. Милая компания,— подумал Жоан Смельчак.— Ничего не скажешь».

— А теперь надо вам признаться, ваша милость, что мы не умеем ни читать, ни писать,— продолжал Просто-Свинья.— Бродяга-Молчун объясняется только жестами, Попка-Дурак так проспиртовался, что к нему и за версту не подступишься, с души воротит. Меня люди тоже не жалуют: им, видишь ли, не по вкусу, что от меня всегда несет луком, чесноком и потом. Едва подойдешь к ним, а они уж кричат: «Неряха, грязнуля!» — и всякими другими скверными словами обзывают да еще камнями швыряются. А вчера Бродяга-Молчун хотел было продать свой чудодейственный эликсир, который помогает и от мозолей, и когда болит глотка; верно, вы уж догадались, ваша милость, что он у нас первейший обдувала и плут, каких мало. Так ему, грешнику, тоже всыпали по первое число. Такую задали взбучку, что еле ноги унес. А уж о Попке-Дураке и говорить не приходится, такой он у нас разнесчастный. Торгует лубочными книжками, да уж больно он, сердечный, закладывает, все над ним потешаются и не принимают его всерьез. Вот какие беды у нас, горемычных.

— Так что же вы все-таки от меня хотите, сеньоры?— решительно прервал его болтовню Жоан Смелчак.— Я всей душой вам сочувствую и, быть может, избавил бы вас от бед, будь на то у меня власть, но чем я обязан...

— Соболаговолите выслушать нас до конца, ваша милость,— прервал его Просто-Свинья, за это время успевший захаркать и заплевать все вокруг,— и я объясню вам, почему мы осмелились вас побеспокоить. Дело было так: вчера вечером мы втроем сидели под деревом и, как водится, жаловались на свою судьбу. И вдруг неизвестно откуда раздался чей-то голос, будто сам воздух с нами заговорил. Голос и спрашивает: «Хотите быть счастливыми?»—«Ясное дело, хотим. Еще бы!»—«Ну, а ты, Просто-Свинья, чего желаешь?» «Я хочу, чтобы люди не кривились и не зажимали нос, когда я прохожу мимо». «А ты, Бродяга-Молчун?» И Бродяга-Молчун на пальцах объяснил, что хотел бы без помех сплавлять покупателям свой эликсир, и пусть никто его больше не преследует и не обижает.

— Так что же дальше? - остановил его Жоан Смелчак, с трудом вынося свинский дух, который исходил от этих бродяг.

— А дальше голос торжественно изрек: «Если хотите быть счастливыми, отправляйтесь к сухому колодцу, найдите там Жоана Смелчака и попросите его сунуть руку в карман».

— Сунуть руку в карман? Это еще зачем?— взбунтовался Жоан Смелчак.

Тогда Бродяга-Молчун обратился к нему с такой длинной речью на языке жестов, гримас и ужимок, что Жоан не выдержал и закрыл глаза, лишь бы его не видеть. Но тут выступил вперед Попка-Дурак, пьяный в стельку. Он едва держался на ногах, но все же ему удалось пролепетать следующий экспромт:

*Чтоб сеньор рассеял скуку, пусть все это и обман,
должен он засунуть руку в свой таинственный карман.*

— Засунь руку в карман, засунь руку, наш благодетель, наш драгоценный сеньор Жоан Смелчак!— умолял Просто-Свинья, чуть не ползая на коленях.

— Засунь руку, засунь!— вторили ему дружным хором товарищи.

— Не устояв перед их униженными и настойчивыми просьбами, Жоан Смелчак неохотно опустил руку в карман,— и тут же в небе появилась странная птичья стая — индюк, попугай и павлин,— причем каждая из птиц держала в клюве по свертку.

Индюк раньше всех выронил обернутую в папиросную бумагу коробку с надписью: «Для Просто-Свиньи». Его примеру последовал попугай, сбросивший подарок, предназначенный для Бродяги-Молчуна. И, наконец, павлин выпустил из клюва последний пакет, который угодил прямо на голову пьянчуги-рифмоплета.

Стоит ли говорить, что три дружка не успокоились, пока не развернули посылки, где лежали следующие дары: костюм-тройка, сшитый по последней лондонской моде для Просто-Свиньи; помпезный орден с академическими пальмами для Бродяги-Молчуна в коробке, обтянутой желтым бархатом, и лавровый венок для Попки-Дурака.

— Зачем нам все это?— не без разочарования воскликнули бродяги.

— Да по всей вероятности,— ответил Жоан Смелчак,— чтобы Просто-Свинья облачился в костюм, Бродяга-Молчун нацепил орден Верховного попугая, а Попка-Дурак увенчал голову лавровым венком. Ступайте в город, и все будет в порядке.

— Зачем нам идти в город? Чтобы от меня все шарахались? Чтобы надо мной издевались?— ошетинился Просто-Свинья.

— Что за чепуху ты мелешь? Никто не станет над тобой издеваться! Разве ты не понял, что это были три птицы Многозначительной видимости и что они принесли вам всем предметы, оказывающие магическое действие на людей?.. Да чего ж вам теперь бояться! Успех обеспечен! Вы победите!

— И трое оборванцев, убежденные этими вескими доводами, воспрянули духом. Просто-Свинья, не раздумывая, сбросил свое рубище и заменил его дорогим костюмом безупречного покроя, что отнюдь не устранило свойственный Просто-Свинье едкий запах и не отучило постоянно плевать.

— Бродяга-Молчун приколот к лацкану пиджака орден Верховного попугая, а поэт-пропойца нахлобучил на голову лавровый венок.

— А теперь в путь!— скомандовал Жоан Смелчак, возглавив эту зловонную фалангу.— Вперед к славе!

Когда они очутились у городских ворот, Жоан поделился со спутниками своими планами:

— По-моему, нам нет смысла входить в город всем скопом. Сперва пойдет один, за ним другой, а уж потом третий. Так будет благоразумнее. Вы согласны?

Просто-Свинья, скованный изящным костюмом, который с непривычки жал ему под мышками, мгновенно согласился с Жоаном.

— Мы сделаем все, как велит ваша милость. Ребята выполнят любой ваш приказ.

— Отлично. В таком случае Просто-Свинья первым двинется со мной. Остальные будут ожидать меня здесь,— распорядился Жоан Смелчак.

— Бродяга-Молчун, гордо выставивший на всеобщее обозрение орден Верховного попугая, и Попка-Дурак, увенчанный сбившимся набекрень лавровым венком, с готовностью одобрили этот план. И Жоан Смелчак, зажимая пальцами нос, направился в город с Просто-Свиньей, который в новом шикарном костюме выглядел еще гаже и смешнее, чем прежде.

Первой попалась им навстречу девушка с кувшином на голове. Покачивая бедрами, она шла к фонтану за водой.

— Подойди к ней! Не бойся!— шепнул Жоан своему подопечному. Просто-Свинья не посмел ослушаться. Он обнажил в дурацкой улыбке свои гнилые зубы и, обдав Жоана своим мерзостным духом, неуверенно подошел к девушке. Взглянув на него, она выронила кувшин, который разбился вдребезги, и вскрикнула, изнывая от восторга:

— Ах, до чего же красивый мужчина! Никогда в жизни не видела такого красавца! Конечно, это принц! Это волшебный принц!

И она бросилась бежать как одержимая, а соседские кумушки, привлеченные шумом разбитого кувшина и воплями девушки, все, как одна, высунулись из окон.

— Спешите видеть самого красивого человека в мире! Спешите поглядеть на принца!

И вскоре ликующие женщины окружили Просто-Свинью и в экстазе преклонили пред ним колени.

— О! Как он благоухает!— восхищалась одна из них, с благоговением вдыхая запах падали, который исходил от Просто-Свиньи.

— И какая благородная у него улыбка!— вздыхала вторая, посылая воздушные поцелуи черным зубам бродяги.

— Это волшебный принц!— вопили все хором.

— Ах, какой он изящный,— сладко стонала третья, закатив глазки.

В конце концов полиции удалось разогнать эту сумасбродную толпу и избавить оглушенного и полужадушенного Просто-Свинью от неистовых восторгов его поклонниц. Однако вмешательство полиции не только не уредило страсти, но, напротив, подлило масла в огонь. На улицах раздавались истерические выкрики и призывы. Назрела угроза мятежа и баррикад. И трудно предположить, чем бы это все кончилось, если бы энергичная председательница «Лиги женщин мечтающих о волшебных принцах» не взгромоздилась на почтовый ящик и не обратилась к женским массам с такими словами:

— Женщины! Имею честь сообщить вам, что наша лига приняла единодушное решение провозгласить сеньора Просто-Свинью волшебным принцем и признать его почетным гостем нашего достойного города.

Аплодисменты, хлопки, обмороки, нервные припадки, восторженные приветствия и возгласы, головокружение и снова обмороки, цветы и снова цветы...

И Жоан Смелчак, удовлетворенный воздействием волшебного костюма, подарка птиц Многозначительной Видимости, отправился на поиски двух других бездельников.

Вторым отправился в город Бродяга-Молчун. Он безмерно похвалялся своим большим орденским крестом. И не даром— орден действительно ошеломлял всех, начиная с убежденного сединой старика, который перешел дорогу, чтобы поклониться Бродяге-Молчуну. Сняв шляпу, старик сказал с подобострастной улыбкой:

— Ваше превосходительство большая знаменитость. Вы — величайший представитель нашей Расы.

— Это гениальный оратор Бродяга-Молчун!— пояснил Жоан Смелчак, в притворном экстазе возводя очи к небу.

— Знаю,— покачивая головой, проговорил всеведущий старец.— Кто не знает этого блестящего оратора-златоуста, награжденного большим крестом Верховного попугая? Не так давно я прочел и выучил наизусть его знаменитую философскую и высокоученую речь на тему «Пустота никогда не существовала». Открытие это — величайшее достижение науки нашего полуострова.

А спустя четверть часа глухонемой, самозабвенно жестикулируя, собрал вокруг себя пыльную толпу приверженцев, которая взывала к нему со слезами в голосе:

— Говори! Вещай! Проповедуй! О, чаруй нас своим словом! Нет, слова не нужны. Достаточно одних жестов. Поднимись на балкон Муниципальной палаты и яви нам высший дар своего красноречия!

И они на руках внесли шарлатана Бродягу-Молчуна в здание муниципалитета.

— Не теряйся, приятель!— одобрил его Жоан Смельчак.— Всучи им свои эликсиры.

И Бродяга-Молчун, немой от рождения, так и сделал. Руками он описал красноречивые фигуры, с помощью которых привык восхвалять чудотворный мозольный пластырь.

— Какая техника речи!—восхищенно перешептывались в толпе.— Он выражает жестами то, чего не передать словами.

— И сколько тепла!— бушевал один из слушателей, тронутый до глубины души.

— Его речь доходит до самого сердца,— неистовствовал другой.

В довершение сенатская делегация Ассамблеи старейшин явилась приветствовать его превосходительство Бродягу-Молчуна, кавалера большого креста Верховного попугая, и пригласила его высказаться с почетной трибуны, с которой дозволено было говорить только избранным. А Жоан Смельчак, по горло сытый всей этой шумихой, решил принять участие в торжественной встрече Попки-Дурака; эта встреча затмила прием, оказанный Просто-Свинье и Бродяге-Молчуну.

И в самом деле, триумфальный кортеж протянулся от городских ворот до королевского дворца, где на устроенном в честь Попки-Дурака торжественном приеме выстроились в две шеренги действительные члены Академии искусств. Не было недостатка и в школьниках с букетами цветов, которые, спешно разучив гимн «Славься, поэт!», исполнили его в честь высокого гостя. По предложению Ассоциации торговли закрылись все магазины: в «Правительственной газете» опубликовали декрет о введении двухдневного праздника в связи с визитом несравненного гения. Университеты присудили Попке-Дураку ученое звание доктора *Honoris Causa*. Чтобы не остаться в долгу, студенты присвоили ему титул Почетного Прогульщика. Выпустили специальные марки с его изображением. Колченогие вирши пьянчужки были включены в хрестоматию для государственных школ, и их по строчкам цитировали в своих речах преподаватели и ученики. Кончилось тем, что толпа в порыве яростного идолопоклонства подъемным краном водрузила поэта на вакантный пьедестал, сооруженный на всякий случай, и Попка-Дурак простоял на нем несколько часов со сбившимся набекрень лавровым венком, наслаждаясь всенародными овациями.

— Прощай, Попка-Дурак!— окликнул его снизу Жоан, от души веселясь при виде лавроносного пьяницы.

— Прощай, приятель!—возгласил рифмоплет с высоты своего пьедестала, балансируя зонтиком, чтобы не свалиться на головы своих почитателей.— Скажи этим людям, пусть поднесут мне стаканчик. А то у меня в глотке пересохло.

И он закончил речь неподражаемыми виршами собственного производства:

*Я здесь стою, а жажда мучит,
Жоан Смельчак, о друг мой верный.
Ах, если бы венок лавровый
Мне указал, где дверь таверны.*

— Bravo!— восторженно завопили его почитатели.— Какой поэт! Какая эпопея! Наша национальная гордость! Бис! Bravo!

Жоан Смельчак не мог больше выдержать. Он повернулся спиной к живому монументу и покинул этот город, стремясь дойти наконец до желанной стены.

Глава 11 ЖОАН ТРУС

Жоан Смельчак вышел к Белому лесу, который, по его расчетам, примыкал к стене, расположенной близ деревеньки Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы, и на опушке леса заметил сидящую на придорожном камне девочку, которая плакала горячими слезами.

— Так...— с нескрываемым удовлетворением сказал он.— Вот и неизбежная девочка, вся в слезах, среди дороги,— в стране волшебных сказок нередко прибегают к такому приему. Чтобы не нарушить традиций, мне следует теперь подойти к малышке и пустить в ход обычный в таких случаях вопросник. Начать надо так: «А почему ты, детка, плачешь...» И, уж конечно, она примется изливать мне душу, повествуя о своих бесчисленных горестях... Так нет же! Я отказываюсь принимать участие в этом фарсе! Я рожден в деревеньке Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы, и слезами меня не проймешь. Плачь, рыдай сколько тебе угодно, моя милая!

И несколько шагов Жоан Смелычак прошел с каменным безразличием. Такое нарушающее программу поведение явно задело девочку за живое, и она в отместку издала серию пискливых звуков, которые, впрочем, выражали не столько горе, сколько упрямство.

— И-и-и-и-и! И-и-и-и-и-и-и!

— Ишь как тебя разбирает,— пробормотал себе под нос Жоан Смелычак.— Ты хочешь, чтобы я спросил у тебя: «Почему ты плачешь, моя деточка?» Как же, дожидайся!

Но когда он отошел метров на двадцать и уже считал себя избавленным от участия в этом сентиментальном приключении, девочка внезапно спохватилась и бросилась за ним вслед.

— Ах, какой ты бессердечный!— Она злобно схватила Жоана за рукав.— Ты даже не удосужился спросить, почему я плачу! Что ж, по-твоему, меня сюда посадили, как тряпичную куклу?— И она сердито напустилась на него:— Ну живей, глупый! Делай, что тебе приказывают, спроси у меня, отчего я плачу. Ты же знаешь, что я почти сирота... Отец мой умер, мать разбил паралич, у нее отнялись ноги, и все же она целыми днями шьет, чтобы прокормить семью. А мой братишка...

Тут из глаз ее покатались слезы, крупные, как дождевые капли (ох, не впервые разыгрывала она эту сцену). И Жоан Смелычак, который так хотел проявить неуязвимое хладнокровие, не смог пренебречь ее горем; чувство сострадания мало-помалу овладело его сердцем, и к горлу подступил комок.

— Что же случилось с твоим братом?

— Не знаю...— всхлипнула девочка, утирая слезы.— Несколько дней назад мы с ним ходили собирать на обед лесную малину и ежевику, и он заблудился в лесу. Вдруг его съели волки? Или еще того хуже: быть может его похитила ведьма Принудительного Счастья.

— Принудительного Счастья? Какое нелепое имя! Почему ты ее подозреваешь? Разве она такая злая?

— Говорят она просто ужасна. Вернее, предполагают, потому что до сих пор никто никогда ее не видел, разве что ее жертвы. А насчет того, какая она собой, мнения расходятся. Одни уверяют, будто на голове у нее не волосы, а колючая проволока ядовитые змеи выползают у нее из глаз, вместо языка острая пила, руки — из раскаленного железа, пальцы — ремни, такие как у плетки-семихвостки, ноги мохнатые, а вместо ступней раскаленные добела козьи копыта... На спине же у нее крылья, как у летучей мыши, чтобы летать по ночам на шабаш...

— Фу, какая мерзость! Ну и чудовище,— с отвращением сплюнул Жоан.— Необходимо ее уничтожить.

— погоди!— остановила его девочка.— Не всем она кажется такой гадкой. Некоторые считают, что эта женщина неземной красоты, умная и очаровательная, и что живет она не в Черной пещере, где издавна обитают ведьмы в компании сов и скелетов, а в саду Синих голубок, который освещается особым солнцем из живых цветов.

— Но что же все-таки ей нужно от людей?

— Она хочет их осчастливить,— так, по крайней мере, утверждают приверженцы Прекрасной ведьмы. Кого убеждением, кого силой, а для этого бросает свои жертвы в клетки с невидимыми решетками...

— А что говорят ее недруги?

— Что она поработает мужчин... высасывает кровь из женщин... и что ни утро возвращается домой с двумя или тремя свежими трупиками за поясом.

Этот рассказ подстрекнул любопытство Жоана. А где обычно появляется эта ведьма?— На поляне Костей, ровно в полночь.

Воцарилось молчание, и девочка опять принялась за свое: она ударила в слезы, прерывая свой плач жалобными стонами.

— Ну что ж...— решил тогда Жоан Смелычак, отнюдь не желая присутствовать при новом взрыве жалоб и стонов.—Я иду на поляну Костей.

— Берегись ведьмы,— напутствовала его девчушка, глаза у которой расширились от страха.

— Не волнуйся... Пока меня беспокоит только твой брат. До ведьмы очередь дойдет позже. Может быть, я уговорю со креститься... Или принять другое имя. Пусть называют ее ведьмой Счастья, Возможного Только Для Дураков.

Девочка принялась настойчиво отговаривать его идти на поляну Костей, и голосок у нее стал слегка дрожать, предвещая неминуемые рыдания. Поэтому Жоан Смелычак поспешно распрощался с ней и скрылся в чаще; он надеялся добраться до поляны один, без провожатых, благодаря волшебной

способности ориентироваться в любой обстановке; эту способность он приобрел автоматически, едва лишь очутился в заповеднике Диковинных Созданий.

И в самом деле, незадолго до полуночи он вышел на широкую поляну, которая со всех сторон была сдавлена скалами и валунами; эти утесы напоминали по своей форме черепа, и Жоан Смельчак без труда убедился, что попал куда следует.

«Именно здесь и должна быть поляна Костей,— подумал он.— Теперь остается только найти брата этой малышки, чтобы вырвать его из когтей ведьмы Принудительного Счастья, хотя вообще-то я бы и сам не прочь свести с ней знакомство; любопытно, чем она расчесывает кудри из колючей проволоки? Плоскогубцами или еще каким-нибудь инструментом?»

В ту же секунду его схватили — возможно, это был остроумный способ наказания — чьи-то дрожащие руки, чьи-то зубы выбили где-то за его спиной дробь и робкий голосок тихонько проскулил:

— Мне бо... яз... но...

Первым делом Жоан Смельчак (ему ведь не в диковинку были всякие неожиданности) попытался освободиться из объятий трепещущего незнакомца, фигура которого ясно вырисовывалась в бледном свете луны. Но он тотчас взял себя в руки и, не отталкивая этого человека, принялся его разглядывать.

Это оказался юноша примерно такого же роста, как Жоан, и удивительно похожий на Жоана, ну просто брат-близнец; одно только отличало его от Жоана: глаза у него от страха были широко раскрыты, волосы стояли дыбом, зубы стучали, как кастаньеты, а руки непрерывно тряслись.

— Мне... бо... яз... но...— повторил он снова.

Чтобы ободрить его, Жоан Смельчак громко спросил:

— Чего же ты боишься, дружище?

— Я боюсь... всего...— пробормотал тот.— И того, что я здесь... совсем один... И деревьев... И ночи... И самого себя... Ой-ой-ой! Страшно!!!

Могучий порыв ветра всколыхнул лес, и юноша еще теснее прижался к Жоану.

— Ты слышишь? Это при... ви... де... ние...— простонал он.

Жоан Смельчак расхохотался, радуясь своему смеху:

— Что ты городишь, глупыш? Какое там еще привидение, черт побери! Успокойся, никто тебя не обидит. Пригладь волосы, перестань таращить глаза и, чем пугаться деревьев, ветра и лунного света, бери лучше пример с меня. Смейся! Пой! Даже если тебе страшно... Слышишь? А теперь давай-ка все-таки уберемся отсюда подобру-поздорову, пока не явилась какая-нибудь ведьма, желающая нас осчастливить.

Но, несмотря на эти благоразумные советы, Жоанов двойник не унимался.

— Я ничего не могу с собой поделать!..— пояснил он, не отпуская от себя Жоана ни на шаг.— У меня еще в детстве волосы стояли дыбом, и я вечно стучал зубами.

— Ума не приложу, как тут быть. Тебя только на ярмарках за деньги показывать,— рассердился на него Жоан Смельчак.

— Ветер снова завыл в листве: у-у-у-у-у-у-у-у.

— Как тебя зовут?

— Жоан Трус.

— Забавно!— воскликнул Жоан Смельчак.— Но как же ты здесь очутился?

— Ах, даже вспоминать об этом не хочется! Горный орел схватил меня за штаны, взвился в небо под самые облака, а затем сбросил меня сюда, на эту поляну.

— А что же ты здесь делал?

— Ничего... Вот уже шесть дней и шесть ночей, как я прячусь на поляне, поджидая свою сестренку, и тряусь от страха... Я ужасно боюсь волков, летучих мышей, ведьм и привидений...

— Ну и простофиля!— произнес Жоан Смельчак с покровительственным видом.— Сколько же ты выстрадал! Ну да ничего. Отныне конец твоим мучениям. Ты будешь теперь под моей защитой. А после пяти-шести моих уроков ты сам последуешь моему примеру. Согласен? Ведь меня, знаешь ли, зовут Жоан Смельчак.

— Ах, это просто замечательно!— вздохнул Жоан Трус.

— Ну ладно. А теперь пора спать. Но не щелкай больше зубами, точно кастаньетами. По правде говоря, мне сейчас совсем не хочется плясать хабанеру.

И терпеливо, как родного брата, Жоан Смельчак потащил своего двойника за собой по поляне, надеясь отыскать заросли, в которых можно было расположиться на ночлег и уснуть. Наконец они

нашли подходящее место. Там, под старыми ветвистыми деревьями, Жоан Смелчак и устроил постель для себя и для товарища, после чего приказал ему:

— Живее ложись и спи!

Жоан Трус повиновался. Однако, не прошло и двух минут, как он испуганно вскочил и вцепился в руку Жоана с приглушенным воплем:

— Ой, мы пропали!

Напрасно Жоан Смелчак притворялся спящим и даже похрапывал: «Хр... хр... хр...»

Жоан Трус, объятый страхом, тормозил его, ни на миг не оставляя в покое, все время указывая на кроны деревьев:

— Послушай!.. Посмотри-ка туда!..

Сон был нарушен, и раздосадованный Жоан Смелчак попытался успокоить Жоана Труса.

— Это поют птицы. Ради бога, не говори мне, пожалуйста, что ты и птиц боишься. Ну же! Замолчи и спи!

И он опять улегся в свою травяную постель, не обращая больше внимания на взвизгивания трусишки.

Да где там! Не прошло и полминуты, как Жоан Трус снова растолкал его и прошептал Жоану Смелчаку на ухо:

— Это не птицы... Это... люди...

— Ты дашь мне сегодня выспаться или нет?— в ярости накинулся на него Жоан Смелчак.— Завтра утром у нас будет достаточно времени для беседы. Если ты сейчас же не угомонишься, я убегу и брошу тебя здесь одного.

— Это люди! Это люди! Я тебе говорю!..— упрямо твердил Жоан Трус. Тогда, чтобы рассеять его опасения, Жоан Смелчак поднялся и, запустив в растрепанные волосы обе руки, осмотрел все ближайшие деревья. И ему показалось, что кое-где сквозь листву проглядывают неясные человеческие фигуры.

— Ты прав, это люди,— согласился он с явным удивлением.— Это люди, но они поют как птицы. Конечно, все это очень странно, но утром мы во всем разберемся. А теперь будем вести себя достойно и погрузимся в сон, чтобы не докучать нашим соседям.

— Спать?! Попробуй-ка усни! Неужели ты считаешь, что это естественно, если люди живут на деревьях и поют, как птицы?

— Мне все теперь кажется естественным... Я видел вещи куда более удивительные. Например, попугая, говорящего по-человечески.

— Конечно, конечно, и такое бывает... Но не лучше ли совсем не спать...— снова завел свое Жоан Трус, все тесней прижимаясь к товарищу.— Они могут нас убить.

— Не пугайся,— успокоил его Жоан Смелчак, положив голову на травянистую кочку.— Ведь они же не рычат, стало быть, их не следует опасаться. Слышишь, поют... Должно быть, они поэты. Воспевают звезды и луну. Славят жизнь и любовь. Ну, ладно, спи. Обними меня покрепче, Жоан Трусишка, и не бойся ни природы, ни людей, которые подражают птицам.

— Но эти доводы не убедили Жоана Труса; он по-прежнему щелкал от страха зубами.

— Ах! Закрывать бы глаза, тогда не видел бы луны!—захныкал он вдруг.

— Ты не можешь закрыть глаза? Почему?

— Я не могу закрыть глаза, не могу унять дрожь, не могу сделать так, чтобы волосы не торчали у меня дыбом,— безутешно простонал бедняга.

— Ну, тогда пригладь свои кудри утюгом,— пошутил Первый Жоан. И, тщетно пытаясь одолеть сон, невнятно пробормотал:—Почему ты боишься луны?

— Потому что она похожа на череп...— признался Жоан Трус.

Но до Жоана Смелчака ответ уже не дошел. Он крепко заснул, уповая на милость природы и вселенной, которая раскрылась над ним, сияя всеми своими созвездиями, а добрый ночник Луна, оберегая Жоановы сны, всю ночь мерцал в его лесной спальне.

— Наутро Жоан Смелчак проснулся от веселого птичьего гомона. Жоан Трус храпел вовсю, отсыпаясь за тревожную ночь,— он только на рассвете сомкнул глаза, умиротворенный светом зари и жестяным шорохом насекомых.

— Пора, пожалуй, навестить наших верхних соседей,— зевая и потягиваясь, сказал Жоан Смелчак.

С обезьяньим проворством он вскарабкался на вершину ближайшего дерева и обнаружил там огромное и очень удобное гнездо, а в гнезде человека. «Скорее он похож на гориллу, чем на птицу», подумал Жоан. Полуголый, зеленоглазый, нос, словно птичий клюв, в волосах цветы, ласковая улыбка, медовый голосок — таков был обитатель уютного гнезда.

— Добрый день,— приветствовал его Жоан Смелъчак, которому, как всегда, море было по колено.

— Фью... фью... фью... фью...--весьма учтиво прошептал владелец гнезда, освобождая для гостя мягкое местечко.

— Спасибо. Фью... фью... фью...фью...фью... - ответил Жоан Смелъчак, в меру своих способностей подражая человеку-птице.

— Фью... фью... фью... фью... фью...— вторил ему обитатель гнезда.

— Фью...фью... фью... фью...

— Фью... фью...

И вскоре Жоан так наловчился, что даже птицы из соседних гнезд слетелись на его свист. Возможно, им по душе был легкий акцент, всегда столь привлекательный у иностранцев.

— Эй, Жоан Трус,— воззвал с вышины дерева Жоан Смелъчак, гордясь своими успехами.— Лезь наверх, посвещешь дроздом! Ты и не представляешь, как это приятно! Давай забирайся к нам! Кто знает, может быть, твое призвание — быть птицей... например, совой; ты сможешь тогда нагонять страх на других птиц...

— Но трусишка даже не пикнул.

— Ты все еще спишь или даже сюда, на дерево, тебе боязно влезть?— подзадоривал его Жоан.— Вот посмотри на меня: иной жизни я и не желаю. Несомненно, я рожден, чтобы быть птицей.

И, не думая больше о Жоане Тресе, он издал победный петушиный: клич, закукарекал, заворковал, закаркал, засвистел, заухал, зачирикал, закуковал, беспрестанно взмахивая руками в тщетной надежде, что они каким-то чудом обрастут перьями и превратятся в крылья. И в довершение всего, как истый лакомка и сладкоежка, он с наслаждением стал поглощать изысканные блюда— канареечное семя и синтетических червячков, которыми, смеясь и чирикаая, его радушно угощали люди-птицы.

Наконец стемнело. Ночь погрузила землю в черное безмолвие, словно в могилу. Люди-птицы сладкими трелями пожелали друг другу покойной ночи и укрылись в тепле родных гнезд. Жоан Смелъчак тоже прикорнул в своем уголке.

Однако с наступлением темноты рыдания ветра, завывания совы, доносившиеся издалека, и рев волшебных зверей разбудили Жоана Труса, волосы сразу же У него встали дыбом, и тишину взорвал истошный призыв:

— На помощь! На помощь!

— В чем дело?— чирикнул почти оворобьяненный Жоан Смелъчак.— Что ты опять мне досаждаешь, черт тебя побери? Если тебе страшно, лезь к нам в гнездо.

— Нет... Ты лучше спустись... Иди сюда... погляди... Слезай... спускайся вниз...

— Ладно. Сейчас иду,— сказал Жоан, спрыгивая с дерева.— Ну, в чем дело?

— Уйдем... отсюда... скорее...—запинаясь пробормотал Жоан Трус, вцепившись мертвой хваткой в Жоана Смелъчака.— Это место заколдовано.

— Почему ты так думаешь?

— А ты погляди, как шевелится камень. Вон там!

Жоан Смелъчак взглянул на то место, куда указывал трепещущий палец его товарища, и заметил, что огромный камень и в самом деле едва заметно передвигается.

— Видишь?— пролепетал Жоан Трус, чьи волосы стали торчком, как иглы У Дикобраза.

— Вижу, хладнокровно подтвердил Жоан Смелъчак.

— И что же? Тебе не страшно?

— Ни капли. Во-первых, потому что я Жоан Смелъчак. Во-вторых, потому что я дал зарок: скрывать страх на дне души, чтобы не презирать самого себя. В-третьих, потому что этот шагающий камень совсем не пугает меня, а вызывает законное любопытство,— я хочу узнать, почему он не стоит на месте.

— Ради твоего драгоценного здоровья уйдем поскорей отсюда!— пролепетал Жоан Трус.

— Ты с ума сошел! Я отсюда не уйду, пока не раскрою эту тайну. Жоан Смелъчак умолк и стал внимательно приглядываться ко всем движениям камня, который — в этом не было сомнения — и взаправду куда-то перемещался.

— Очевидно, этот камень нечто вроде заслонки над входом в какое-то подземелье,— рассуждал он вслух, чтобы подбодрить пугливого Жоана,— и передвигает его какой-то механизм...

Так оно и оказалось, ибо внезапно камень замер на месте, и юноши разглядели дыру в земле, откуда спустя некоторое время вышли какие-то создания людского облика. То были низкорослые, грязные, звероподобные полулюди-полуобезьяны, и спины их сгибались под тяжестью огромных мешков.

— Ах, пришел конец света!— простонал Жоан Трус.— Бежим скорее! Бежим!

— Тише!— прикрикнул на него Жоан Смелчак.— Замолчи! Ведь у них есть уши!

Но жалкие существа — уж очень похожи они были на роботов — даже не заметили наших героев. Они озабочены были лишь своим тяжким делом: они поднимали в птичьи гнезда мешки, и работали молча, неторопливо и усердно.

Минут через пять они спустились с пустыми мешками, один за другим нырнули в узкую щель, а затем камень снова пришел в движение.

— Ты прав. Идем отсюда!— с горечью воскликнул Жоан Смелчак.

— Идем, идем!— обрадовано подхватил Жоан Трус, весь дрожа.

— Ты знаешь, кто эти люди?— угрюмо спросил его Первый Жоан

— Нет.

— Это рабы, которые заняты унижительным и бессмысленным трудом. Они доставляют еду праздным, погрязшим в лени бездельникам, живущим в уютных гнездах. И в то время как полубоги едят, пьют, целые дни напролет украшают себя цветами и возносят хвалу солнцу, они, как черные невольники, как злосчастные машины, надрываются из последних сил в крошечной мгле.

— Но они ведь люди? Такие же люди, как мы?

— Увы, да. Не кажется ли тебе, что это чудовищное свинство? И опечаленный Жоан Смелчак (жизнь его основательно разочаровала) сказал:

— Пошли отсюда, трусишка! Ищи свою сестру, а я постараюсь добраться до стены...

И Жоан Смелчак вместе с Жоаном Трусом, который так плотно прилепился к своему двойнику, что лунный свет отбрасывал на землю не две, а одну тень, пустился в путь, кивнув в сторону деревьев:

— Прощайте, птицы!

Глава 12

ТРУСЛИВЫЙ ВОЗДУХ

Два товарища всю ночь блуждали по лесу, и им вслед чирикали и каркали люди-птицы. Лишь на заре они набрали наконец у подножия Багрового холма на большую пещеру, но Жоан Трус в нее не вошел; вытаращив глаза, он твердил, что вся пещера кишмя кишит красными ящерицами и змеями в платиновых крапинках. Измученный бессонной ночью, Жоан Смелчак решил воздействовать на своего спутника другим способом, к которому прибегал очень редко, в самых крайних случаях,— не по нраву приходились ему подобные приемы. И так, одним ударом он опрокинул на землю Жоана Труса, так что тот, сделав сальто в воздухе, растянулся на траве. Потом, не обращая внимания на вопли трусишки, он схватил его за ворот, поволок в пещеру и там ткнул носом в самые темные углы и закоулки, чтобы навсегда излечить от воображаемых страхов (хватало ведь и страхов действительных!), приговаривая: «Где тут злые чудовища, ну, где они?»

И затем сказал:

— Мы здесь божественно выспимся!

Но внезапно пещера содрогнулась от адского грохота, и огромная каменная лавина завалила выход.

— Ох, пришла наша смерть!— завопил Жоан Трус.

Однако Жоан Смелчак с хладнокровием героя, закаленного в сражениях и поединках, пресек эти вопли, а затем ощупью обследовал подземелье, разыскав мягкий, выстланный мхом угол, где и решил со спокойным сердцем выждать дальнейших событий.

Впрочем, ждать долго не пришлось. Камни снова заскрежетали, и где-то в стороне, противоположной обвалившемуся входу в пещеру, внезапно растворилась дверь, достаточно широкая, чтобы пропустить двух человек.

Жоан Трус, жалобно заскулил, задрожал, завыл, завизжал... Но заметив, сколь решительный вид принял Жоан Смелчак, он покорился и последовал за приятелем; засунув руки в карманы и позевывая, Жоан Смелчак уже переступил порог удивительного дворца, расположенного в недрах горы.

Первый зал напоминал скорее просторный храм и был выложен плитами зеленого мрамора, от которых лучился мягкий свет, так что все предметы качались прозрачными и совсем не отбрасывали теней. По правую руку на тяжелом золотом цоколе балансировал безобразный двадцатирукий и двадцатиногий идол.

— А вот бог-сороконожка!— съехидничал Жоан Смельчак, который не любил и не мог молчать.

Соседний зал, такой же огромный, был облицован красным камнем. На алтаре с жертвенником, обгаренным свежей кровью, сидело на корточках странное изваяние — женщина, у которой было пятьдесят голов, причем все ее пятьдесят ликов выражали разные чувства. Одни лукаво усмехались, другие тупо хмурились.

Долго двое юношей бродили по бесчисленным разноцветным залам и священным местам, где гнездились всевозможные варварские боги и где в адском винограде смешались люди и звери. Были там волки с соколиными крыльями и человеческим ртом, пауки на детских ножках и с кошачьими глазами, свирепые старики с ногами на ушах, девушки с бычьими рогами и тигриными когтями вместо волос, и т. д. и т. п. Одним словом, сплошная несуразица!

— Изобрели люди кучу богов, с этими богами им не так одиноко!— рассуждал Жоан Смельчак, неторопливо прогуливаясь по залам как истый ценитель музейных редкостей.— Очень жаль, что здесь нет гида, он бы нам поведал историю этого невероятного паноптикума!

И, рассуждая таким образом, Жоан Смельчак дошел со своим спутником до последнего зала, облицованного гранитом; в глубине зала оборудован был лифт.

— Отлично. Первый этаж мы уже осмотрели. Теперь посетим второй.

И Жоан Смельчак, которому досаждали пугливые повизгивания второго Жоана Труса, силой втащил его в лифт; молниеносно (да простят мне столь неподходящее выражение!) друзья взлетели метров на пятьдесят. Лифт остановился на верхней лестничной площадке, где стоял ковер-самокат с двумя удобными мягкими креслами, для дальнейшего путешествия в недрах холма.

Жоан Смельчак преодолел обычное сопротивление трусишки, который все время хныкал: «Этим мучениям не будет конца!», «Разнесчастная моя судьба!»— и т. д. Оба они сели в кресла и отправились в путь. Ковер-самокат нес их через туннели, прорубленные в скалах. Каменные стены светились, и от этого сияния приятное тепло разливалось по телу. Путники остановились в просторной пещере. Пол ее был из голубого хрусталя, стены зеркальные. Жоан Трус стал поносить свою судьбу и плакался так, словно отбывал некий постылый долг.

— Бедная моя мамочка. Не видать ее мне, как своих ушей.

— Замолчи,— прервал его Жоан Смельчак.— Ну и вид у тебя. Погляди в зеркало.

Жоан Трус покорно взглянул в первое же попавшееся зеркало. И, как следовало ожидать, разразился целым потоком жалоб и восклицаний:— Ах, какой ужас!

— Ты что, даже самого себя испугался?..

— Поди сюда, взгляни!—сказал он, весь дрожа и закрывая глаза руками. Жоан Смельчак но заставил себя упрасивать и, взглянув в зеркало, иронически усмехнулся. В самом деле, вместо того, чтобы отразить тело Жоана Труса, это проклятое волшебное зеркало отразило его скелет!

— Но... разве... я... такой... внутри?.. — забормотал малодушный юноша, и волосы его опять встали дыбом. — Значит, внутри меня этот черен и от и кости?

— Естественно. Так же, как у каждого из нас...— подтвердил Жоан Смельчак.

— Это ужасно! Я боюсь самого себя! Я боюсь всего! Я боюсь скелета, который всегда во мне! На помощь! Спасите меня! О мой защитник! Вытащи из меня скелет! Нытье его вконец осточертело Жоану, и, не зная, как избавиться от этого тяжелого бремени, он направился к огромной стальной двери в конце площадки и нажал кнопку на боковой панели; дверные створки разошлись, и Жоан Смельчак (за ним плелся Жоан Трус) вошел в высокий, высотой, по крайней мере, в десять метров, зал.

В тот же миг в него вцепились чьи-то необыкновенно толстые пальцы, и, как всегда это с ним случалось в трудные минуты, он сразу же сообразил— несомненно, он попал в лапы к великану.

Какого роста был этот великан? Три, четыре, пять метров? Черт его знает. Жоану удалось только разглядеть, что у гиганта была длинная кудлатая борода и один-единственный глаз, в котором красовался монокль размером с велосипедное колесо.

— Ха-ха-ха!— залился раскатистым хохотом великан.— Наконец-то ты угодил ко мне в лапы, Жоан Смельчак! Теперь-то я собою с тебя спесь! Ты у меня узнаешь, где раки зимуют! Потому что

на этот раз ты попался всерьез, понятно? Я настоящий великан, Мститель За Обиды, Которые Никто Никому Не Причинил. Тебе ясно?

И, уже не обращая внимания ни на смертельный испуг Жоана Труса, ни на яростное сопротивление Жоана Смелчака, он вырвал из бороды два волоса, связал обоих Жоанов и, явно издеваясь над ними, гневно прогудел:

— Да... Я отомщу... Не знаю точно, за что и как... Но я отомщу... Я сделаю с тобой все, что мне заблагорассудится. Ведь моя власть безгранична. Хочешь убедиться?

И великан одним щелчком превратил Жоана Труса в крокодила с голодным блеском в глазах. Затем из крокодила извлек сотню мокриц, слепил из них огромный шар и вложил этот шар в чехол из кожи гигантской жабы. Целый зверинец получился из Жоана Труса! Под конец великан раздавил жабу, и от нее осталось лишь большое кровавое пятно...

— А что же дальше? спросил он сам себя, задумчиво передвигая каменные плиты.— Ага! Придумал. Я растворю его в воздухе.

И в самом деле -два быстрых магических пасса, и Жоан Трус испарился. Человек превратился в воздух!

— Превосходно! Больше он никому не будет досаждать своим хныканьем.— Прорычал великан, и это было его надгробным словом.— Теперь дело за вашим превосходительством, многоуважаемый сеньор Жоан Смелчак.

И, соблюдая разные предосторожности, чтобы, не дай бог, не раздавить его раньше времени, великан развязал волос и посадил Жоана Смелчака на ладонь, иронически разглядывая его в монокль.

«Почему этот тип носит монокль?— мелькнуло и голове у Жоана и внезапно у него созрел план побега, пока еще неясный, не продуманный до конца.— Да! Надо бежать! Почему бы мне не рискнуть?»

И он рискнул. Воспользовавшись моментом, когда чудовище приблизило к нему свою мясистую морду, Жоан Смелчак неожиданным ударом вышиб монокль из глаза и швырнул его на каменные плиты, а затем перепрыгивая с легкостью акробата с ладони на пиджак, с пиджака на брюки, с брюк на сапоги, соскользнул на пол... И вырвался из когтей великана, а тот, двигаясь на ощупь, точно слепой, изрыгал проклятье за проклятьем:

— Негодяй! Сын негодяя! Внук негодяя!

Жоан Смелчак тоже в долгу не оставался, потешаясь над великаном:

— Хоть ты гигант, а слеп, как крот! Подайте, Христа ради, бедному калеке на пропитание!

Эти насмешки распалили незадачливого мстителя, и, свирепея, он беспомощно метался из угла в угол.

— Ты думаешь, что от меня сумеешь удрать? Ошибаешься. Месть слепа. Стоит мне прикоснуться к тебе этими пальчиками, а каждый пальчик гиганта достигал, по крайней мере, полутора метров, и ты превратишься в очаровательного рака, в синего рака. Понятно?

Но Жоана Смелчака не испугали его угрозы. Юркий и подвижный, он ловко увертывался от великана, кружил, петляя между его ногами, словно играл в пятнашки или прятки.

— Уф! И к чему я так разволновался? спохватился великан и, тяжело отдуваясь, в изнеможении опустился на пол. Хочешь ты этого или не хочешь, а все равно скоро станешь у меня как шелковый. От силы через пять минут ты будешь дрожать от страха... Какой позор! Жоан Смелчак в когтях страха.

И, приплясывая от восторга, великан оглушительно расхохотался.

— Знаешь, почему я так говорю, детка? И, с радостью отчеканивая свои слова, пояснил:— Потому что ты дышишь Жоаном Трусом, ясно тебе? Жоаном Трусом...— И он добавил:— Ты видел,— я превратил его в воздух. Из волос получил кислород, из глаз азот, из рук водяной пар, из зубов углекислоту... И вот Жоан Трус, частицы которого рассеяны в воздухе, постепенно входит в тебя. Смотри, сейчас ты вдыхаешь то, во что превратилась его нога. А теперь его рука. Плохо твое дело, глупец! Ты погиб. Вскоре ты на коленях будешь просить у меня прощения... Да, прощения, слышишь? За что, говоришь? Да хотя бы за то, что ты существуешь... Откуда мне знать? Ну и поиздеваюсь же я над тобой!

Внимая этим откровениям, Жоан Смелчак, чтобы унять тревожный озноб, пробиравший его до костей, решил дать бой великану, и сказал самому себе: «Или через две минуты я убегу, или мне конец!»

А великану он ответил, сохраняя обычную ясность ума и способность к логическим рассуждениям:

— Ты забыл одно обстоятельство... Ведь и вдыхаешь тот же воздух, что и я. И, следовательно, подвергаешься той же опасности.

— Да разве ты не видишь, дурень ты эдакий, во сколько раз я больше тебя?— возликовал великан мститель, самодовольно поглаживая свои огромные ляжки и радуясь тому, что занимает на земле столько места.— Чтобы отравиться страхом, мне нужно вдыхать Жоана Труса, по крайней мере, двадцать минут. А уже через пять минут, когда ты станешь звать мамочку, я настезь распахну окно, воздух очистится и все... Тебе понятно?

Воцарилось короткое молчание, и Жоан Смелчак, с трудом сдерживая беспокойство, бросил взгляд на окно, которое прорезано было в стене на высоте пяти или шести метров от пола. О, если бы он мог до него добраться! Выбить стекло! Но чем? Ни один предмет не подходил для этой цели, разве что булавка, длиной в полметра и весом в килограмм. Но и стекло здесь, должно быть, не простое, а волшебное, небьющееся.

— Осталось только две минуты!— предупредил великан.

«Нет, ничего, видно, не поделаешь!— приуныл бедняга Жоан, посмеиваясь над собой, чтобы поддержать бодрость духа.— Что ж, придется мне, наверное, стать раком, жениться на сеньоре рачихе и обзавестись дюжиной премилых рачат... Но хуже всего не это. Хуже всего, что я перед этим отпраздную труса. Ну и ну, хорош тогда я буду, нечего сказать. Какой позор! Какое отвратительное...»

Внезапно он осекся. И, побледнев от мрачного предчувствия, коснулся рукой волос: да, с волосами творилось что-то неладное. И— о, ярость! о, бешенство! о, собачья доля!— с отчаянием он убедился, что волосы поднимаются вверх. Медленно-медленно... Но неумолимо.

— Осталось полторы минуты,— проревело чудовище.

Волосы у Жоана встали дыбом.

«А я-то издевался над беднягой Жоаном Трусом,— с искренней жалостью подумал он.— Кто бы мог подумать, что и меня ждет та же участь, что и мои волосы встанут дыбом. По крайней мере, пусть зубы не шелкают, как кастаньеты».

Но, увы... И эта беда его не миновала, к величайшей радости великана.

— Ба! Гляди-ка! Гляди! Твои зубки выплясывают трусливую сарабанду,— завопил он в восторге.— До чего же приятная мелодия. Так и подмывает пуститься в пляс.— И любитель танцев стал вальсировать сам с собой, хлопая себя по ляжкам и неуклюже вскидывая ноги.

Между тем несчастный Жоан Почти Трус мало-помалу превращался в Жоана Труса. Глаза его округлились от страха, и тоскливый ужас подполз к его сердцу. Скоро, совсем скоро он на коленях будет просить пощады... Какой позор!

— Осталось всего двадцать секунд!— объявил великан, свирепо и радостно потирая руки.— Только двадцать секунд!

Но тут произошло нечто невероятное. Жоан Почти Трус вдруг не выдержал. С молящими руками и глазами, готовыми выскочить из орбит, он, отбивая зубами барабанную дробь, испустил долгий и отчаянный вопль, и, уж не знаю какими волшебными путями, его тревожный и далекий призыв дошел до автора— и моя рука тут же запечатлела на бумаге этот сигнал бедствия:

— Помогите мне! На помощь! Сеньор Жозе Гомес Феррейра, спасите меня! Спасите меня, сеньор Жозе Гомес Феррейра! На помощь!

Итак, я, Жозе Гомес Феррейра, родившийся в городе Порто на улице Муз лицензиат прав Лиссабонского университета, поэт, бывший консул, бывший статист кино и т. д. и т. п., должен с грустью отметить, что считаю Жоана Смелчака побежденным с того момента, когда великан с моноклем применил запрещенный прием и рассеял Жоана Труса в воздухе (в том воздухе, скажу в скобках, которым мы дышим издавна, хотя, быть может, яд содержится в нем в меньших дозах). И верный своему долгу беспристрастного летописца, я готов был признать поражение Жоана Смелчака, хотя сердце у меня обливалось кровью, но внезапно и в весьма драматической форме он воззвал ко мне, и его трепещущие руки протянулись к моей чернильнице... Неожиданный призыв о помощи— клянусь, он не входил в мои расчеты — донесся из глубин подсознания; ведь создал я Жоана Смелчака, желая наделить его самым благородным свойством, каким только может гордиться человек,— мужеством! истинным мужеством! бесстрашным сердцем!

Почему бы не признаться, что этот призыв взволновал и растрогал меня до слез?

И я без промедления вступил в битву с Тайными Силами, которые ополчились на Жоана Смелчака, стремясь его унижить. Нет, мои дорогие, на синего рака я согласия не дам. Никоим образом! Я уступчив, я добр, но на это я не согласен!.. Давайте, по крайней мере, обсудим сложившуюся обстановку. И мы стали ее обсуждать. Демократически. Долго (хотя каким-то чудом все это обсуждение вместились в ничтожную долю секунды). И пришли к единственно возможному выводу (на иные меры я, конечно, никогда бы не согласился): Жоана надо спасти.

И мне осталось лишь придумать любой, пусть самый нелепый способ вызволить героя из зала с глухим окном и стальной дверью.

Что ж, приступим к делу! Простите за отступление, и вернемся к нашему рассказу.

Произошло и в самом деле нечто невероятное. Внезапно Жоану бросились в глаза два малюсеньких желтых пятнышка на одной из стен. Две кнопки? Возможно! Но он в этом и не пытался убедиться. Собрав последние силы, он нажал на эти кнопки без всякой уверенности в успехе, но смутная надежда все же теплилась в его сердце.

И, как мы предвидели, случилось нечто неожиданное. В мраморной стене открылась щель, и Жоан Смелчак выскочил через нее в тот миг, когда великан уже объявил себя победителем:— Готово. Ты...

И тут щель закрылась, и очутившийся в ловушке гигант яростно завопил:— Проклятый! Ты нажал на волшебные кнопки, и теперь я не смогу открыть ни двери, ни окна! Ах, будь моя воля, я бы сварил тебя в котле с кипящим маслом. И вырвал бы тебе глаза, чтобы мои детишки играли ими в камушки! Я бы содрал с тебя живьем кожу и сшил из нее себе перчатки! А из твоих волос сделал бы зубную щетку.

— Как бы не так!— возразил ему Жоан.— Не пройдет и получаса, и я всласть посмеюсь над тобой. Каково будет, когда ты на коленях станешь просить у меня прощения! Какой стыд— великан-трусишка! Великан с шевелюрой дыбом!

Чудовище не отвечало; в слепой ярости оно таранило ногами дверь, а Жоан Смелчак, растянувшись на полу, терпеливо ожидал, когда начнется спектакль, в котором главную роль сыграет великан с душой Жоана Труса. Но, не прошло и десяти минут, как мститель с разбитым моноклем, наглотавшись трусливого воздуха, с жалобным ревом изверг из своей утробы слезные мольбы:

— Не обижай меня!.. Я боюсь... Не бейте меня!.. О, мама, родная мама, спрячь меня в своих юбках.

Но, наученный горьким опытом, Жоан Смелчак, опасаясь неожиданного подвоха или коварной ловушки, счел за благо не торопиться. Он выждал еще несколько минут, а затем нажал кнопку— и дверь растворилась.

Бедный великан! Стоя на коленях, съежившись в комок, он молил о пощаде. Руки его дрожали, зубы стучали, точно горох в погремушке, поджилки тряслись, волосы встали дыбом, как будто по ним прошел электрический ток... Из слепого глаза капали слезы.

— Не убивай меня! Спрячь меня от буки,—молил несчастный, и голос его рокотал, как далекий гром.

— Не бойся, я тебя не трону,— успокоил его размягченный Жоан Смелчак.— Говоря откровенно, ты внушаешь мне только жалость и омерзение. Вот тебе, дурак!

Жоан лягнул незадачливого великана и выбрался из ловушки, радуясь, что не поддался чувству мести.

Глава 13 МИР БАСЕН

Заблудившись на ночных тропинках, сонный и усталый, Жоан Смелчак забрался в первую попавшуюся пещеру и тотчас же заснул, как сурок. На рассвете его пробрала дрожь, но не от холода. По всему его телу ползали муравьи, и только чудом он не раздавил их спросонья. Между тем, сотрясая всю пещеру, чей-то хриплый и надсадный бас возгласил:

— Не шевелись! Мы отступаем в полном порядке... Осторожно, не задень нас!

Жоан Смелчак притерпелся к миру волшебных абсурдов, таких же, впрочем, скучных, как и заурядные слезоглотовские нелепицы. Поэтому он ничуть не удивился и готов был даже выразить признательность муравьям — ведь они не съели его заживо, а только попросили не наступать им на мозоли.

— Ни с места!— раздался тот же голос.— Остался только один батальон.

Пока муравьи по двое отходили на исходные позиции, Жоан Смелчак, лежа в пещере, всматривался в полумрак в поисках командира-оратора. И он, наконец разглядел его. Черный муравьище стоял поодаль, перед крохотным микрофоном, и голос его разносился из громкоговорителя.

— Что с тобой?— сказал он, заметив, что юноша чуть сдвинулся с места.— Кто-нибудь из моих солдат тебя потревожил?

— Нет, напротив, твои солдаты очень деликатные. Только они щекочут меня своими сапогами.

И муравьиный вождь и Жоан весело рассмеялись. Но едва замер этот смех, как Жоан сообразил, что с его стороны было бы бестактностью, если бы он не выразил легкое удивление. И он сделал большие глаза:

— Признаться, мне никогда не приходило в голову, что муравьи умеют говорить, а уж тем более перед микрофоном!

— Вот так так! Разве ты не знаешь, что все животные в старину говорили?

— Так это и старину. Но теперь...

— Теперь и правда большинство зверей онемело, подтвердил муравей-оратор. И это не удивительно! Вы, люди, наболтали столько глупостей, столько вздора, что к один прекрасный день животные, не желая с вами связываться, объявили всеобщую забастовку, забастовку молчания, и она длится по сей день... Штрейкбрехерами оказались лишь попугаи и кое-какие птицы низшего разряда...

— Это уж как водится. Ни одна забастовка по бывает без «желтых», вернул Жоан Смелчак: не мог же он в этом случае промолчать.

Но муравей с живостью перебил его:

— У нас их называют не «желтые», а «зеленые» или «черные».

— Ах, так?!— И чтобы поддержать разговор, спросил:— Но ведь вы не «зеленые», не правда ли?

— Мы?! Это мы-то «зеленые»?— Муравей далее закашлялся от негодования.— Да что ты! Никоим образом. Я вижу, ты и понятия не имеешь, как и при каких обстоятельствах животные объявили забастовку молчания... Тебе, видимо, неизвестно, что одновременно они учредили в одном труднодоступном местечке музей Живой Басни, где звери могли бы, как и встарь, судачить о Золотом веке...

— И я очутился в этом таинственном музее?

— Ну да... Ты случайно обнаружил тайный вход в мир Басен, мир, который прославили великие летописцы Эзоп, Федр и Лафонтен.

— Любопытно!— проговорил Жоан Смелчак. Его и в самом деле заинтересовали эти сообщения.— Ну, а как у вас обстоит дело с моралью? Я имею в виду мораль басен.

Муравей ответил не сразу. Взвешивая каждое слово, он сказал:

— Видишь ли... Наши обычаи постепенно изменялись...

— Я уже это заметил. Вы поразительно цивилизовались. У вас есть даже микрофоны.

— Ну, если судить об успехах цивилизации по разным машинам и приборам, то мы далеко ушли, и всего, что у нас есть, ты еще не видел,— похвастался муравей.— Ты даже не представляешь себе, какими теперь стали наши муравейники. Электричество у нас есть, лифты есть, и радар, и грузовики, на которых разную снедь доставляют в центральный амбар, и противогазы для защиты от ДДТ, и так далее и тому подобное.

За неизбежной даже в самых оживленных диалогах паузой последовали дальнейшие разъяснения. И казалось, будто муравей цитирует школьный учебник.

— Да... Вот так... Здесь, как и во всяком обществе... Понятно? Так... Животные подразделяются... Вот именно, подразделяются. Видишь ли... Они подразделяются на две группы: на тех, кто упорствует... да, да, на тех, кто слепо почитает отжившие понятия... И на создателей новых иллюзий. Вот так. Не знаю, понял ли ты?... Я говорю о творцах новых иллюзий.

Тут он глубоко вздохнул, переменил позу и изрек:

— Мы, как ты уже мог убедиться, относимся ко второй группе. Жоан Смелчак мгновенно задал нескромный вопрос:

— А стрекозы? Как же вы теперь отваживаете этих лентяек, когда они кланчат у вас еду? Отравляете их поплясать, как и прежде?

Муравей почесал лапкой затылок:

— Знаешь ли... Ты имеешь в виду классическую концовку басни: «Ты все пела, это дело! Так пойдешь же попляши»,— не так ли?

Жоан кивнул головой, и его собеседник с наслаждением пустился в дальнейшие разъяснения:

— Не скрою от тебя, что в последние десятилетия у нас многие выступления проходили под лозунгами: «Дадим пищу стрекозам!» и «Долой Лафонтена!» Эти сомнения нарушили вековой покой наших муравейников... И то тут, то там агитаторы стали присочинять ложные концовки к знаменитой басне в угоду альтруистической политике новых классов, падких на стрекозину конкретную музыку. К несчастью, все попытки поддержать силы этих бедных поэтов-музыкантов нашей муравьиной пищей кончались катастрофой, что вызвало разочарование у самых закоренелых идеалистов. Вскоре мы убедились, что стрекозы не едят припасов, хранящихся на наших складах (оно и понятно — нам и стрекозам нужна разная пища). Стрекозы от наших яств умирали, одни танцуя, другие с песней на устах, и погибали они очень красиво; кстати, именно стрекозы сочинили легенду, будто корм у них чисто метафизический и что они легко насыщаются запахом трав и солнечным светом. Ты только вообрази себе, солнечным светом! Одним словом... постепенно мы начали...

Он смутился и замолчал. Но, встретив вопросительный взгляд Жоана Смельчака, откровенно признался:

— Постепенно мы начали их поедать.

— То есть как это... поедать!

— Да очень просто. Зубами. Конечно, нас мучили угрызения совести, но что поделаешь? Было бы преступлением не использовать это мясо, такое свежее и такое лирическое, ты не находишь? Не пропадать же ему даром! А какие вкусные у них крылышки, прямо объедение. Они вызывают у нас чувство свободы!

И, видя на лице Жоана признаки явного неодобрения, муравей сделал ловкий стратегический ход и выступил в защиту стрекоз:

— Только напрасно ты называешь их лентяйками. Пение для них тоже работа. Да еще какая! Конечно, их слушать дело не легкое, но сам попробуй спой, как пила, на их стрекозиный лад.

И, с достоинством покашливая, муравей торжественно удалился, а Жоан Смельчак последовал за ним, горя желанием посетить музей Живой Басни под открытым небом.

Жоан прошел несколько шагов, и его глазам открылось еще одно необычайное зрелище: на берегу озера Зеленой Тины, рядом с Волем, который, мучительно страдая, пытался сократить свои объемы, сопя, надувалась Лягушка.

А это персонажи из басни «Лягушка и Вол»,— догадался Жоан Смельчак, и с улыбкой вспомнил мать, которая часто рассказывала ему эту басню...

Однажды утром сеньора Лягушка повстречала сеньора Вола и, позавидовав его росту и внушительному виду, не знаю уж каким образом, нашла способ самонадуваться. И распухла, распухла, распухла... пока не лопнула от натуги. Однако теперь перед ним была иная картина. Лягушка, правда, раздувалась, как и прежде, но Вол почему-то стремился съежиться, уменьшиться в объеме... Надо заговорить с ними, узнать, в чем дело.

Жоан Смельчак подошел и вежливо поклонился Волу:

— Добрый день, братец Вол!

— Добрый день, братец Человек,— ответил Вол доверчиво и ласково.

— Объясните мне, что все это значит? Вам хочется стать меньше?

— Ну, конечно, что за вопрос,— промычал Вол, уже потерявший половину своего объема.— Тебе не кажется несправедливым, что я такой огромный, а Лягушка такая маленькая?

— Не хотите же вы сравняться с глиняными бычками-свистульками, которыми торгуют на базаре?..

— Боже упаси... До такого унижения дело не дойдет,— запротестовал Вол.— Я согласен на все, лишь бы не повторить печальной судьбы моего брата: он все уменьшался, уменьшался, уменьшался и в конце концов сделался таким маленьким, что его задавила ручная тележка.

— В таком случае я ничего не понимаю!— раздраженно проговорил Жоан Смельчак, которому все эти нелепости изрядно надоели.

— Что ж тут непонятного... Все очень просто. Чтобы не завидовать друг другу, мы с Лягушкой договорились сделать так: я чуть съежусь, а она подрастет, и таким образом мы с ней сравняемся.

— Но в басне Лафонтена Вол отнесся с явным презрением к требованиям Лягушки,— возразил Жоан.

— Так было раньше. Теперь же в мире Басен все изменилось,— терпеливо пояснил Вол.— Мы желаем сравняться, и никакой Лафонтен нам не указ.

Жоан Смельчак с сомнением покачал головой. И, покидая этих поборников равенства, он на прощанье вежливо и тактично, как подобает хорошо воспитанному юноше, сказал:

— Ваше намерение, по-моему, весьма похвально, хотя, говоря откровенно, осуществляете вы его несколько... как бы это сказать... Ну, несколько примитивным способом.

— Почему?— недоуменно спросил Вол, морда которого являла крайнюю степень тупого добродушия.

Жоан Смелычак, путаясь в попытке подобрать нужные доводы, пробормотал:

— Ну... потому что... или я ошибаюсь... или... одним словом... равенство и уравнивание— вещи разные, хотя часто эти понятия смешивают. Ведь по внешнему своему виду вы никогда не сможете уподобиться лягушке.

За нить умозаключений подобного рода Жоан крепко ухватился, чтобы не сбиться с толку.

— Представьте себе,— сказал он,— что сеньора Лягушка достигнет размеров сеньора Вола и пожелает при этом обзавестись рогами. Что вы посоветовали бы в таком случае?

— Пустяки! - подала голос Лягушка.— Я бы заказала искусственные. Из каучука или из пластика.

— Отлично. Это был бы выход из положения,— согласился Жоан.— А если бы Вола вдруг вздумалось расквакаться?..

И Лягушка и Вол промолчали их явно смутил этот вопрос, и Жоан сказал:

— Сеньору Вола пришлось бы в таком случае проглотить пластинку, которая квакала бы, как квакает сеньора Лягушка... Другого выхода я не вижу... Так поймите же наконец свою ошибку. Как бы вы ни старались, внешний облик у вас и у Лягушки будет разным. Это, пожалуй, даже не неравенство в узком смысле слова, а различие...

— Ну и что же?—промычал Вол, ласково глядя на Жоана своими глупыми глазами.

— Да ничего. Последуйте моему совету и возвращайтесь в прежнее состояние. Пусть сеньор Вол останется великаном, а сеньора Лягушка— карлицей. А коли вы и взаправду стремитесь к равенству, то завоюйте такую свободу, которая даст вам никем не утесняемое право на известные различия...

Жоан замолчал, он понял, что словами нельзя выразить вечно ускользающую истину. Пристыженный, он отправился дальше, а Вол, как и прежде, сокращался в объеме, стоя рядом с раздувающейся Лягушкой. Жоан хотел поскорее вырваться из мира Басен, ему приелись философские рассуждения, да к тому же он испытывал волчий голод.

Но, не прошел Жоан и трех шагов, как ветер донес до него обрывки беседы на издавна знакомую ему тему, и любопытства ради он решил зайти на поляну, где с эзоповских времен плутовка Лисица с наигранной нежностью ободряла знаменитую Ворону (ту самую, которая сидела на дереве с куском сыра— чудесного сыра— в клюве).

— Ах, кума, кума! Право же, ты самая красивая птица на свете! Да что я говорю, на свете! Во всей вселенной...— лебезила лицемерка.— Какие у тебя перышки, кума! Как они блестят! И верно, ангельский быть должен голосок! Слушая тебя, я просто таю от наслаждения. Спой, светик, не стыдись...

Как известно, в старинной басне ворона поддалась на лесть и, клюнув на полдюжину лживых комплиментов, выронила сыр прямо в лисью пасть.

Но на этот раз лстивые похвалы ничуть не подействовали на Ворону. С явной иронией она перепорхнула с ветки на ветку, подлетела к старому портативному проигрывателю и ловким движением лап запустила пластинку, на которой был записан не лишенный цинизма ответ на лисьи слова.

— Я спою, когда съем сыр! Я спою, когда съем сыр! Я спою, когда съем сыр!

Ужасно вытянулась морда у Лисицы, которая так долго понапрасну пожирала глазами кругленький кусочек сыра, зажатый в вороньем клюве. Поджав хвост и опустив голову, бедняжка поплелась в лес с таким видом, будто ей до сыра нет никакого дела... А Ворона притормозила пластинку и, не удержавшись от соблазна, прокаркала во всю глотку:

— И так ясно, пою я божественно. И тебе, дуре, нет нужды мне это повторять! Я и так знаю! Я пою почище любого соловья! И скажу тебе прямо, твои дифирамбы мне осточертели. На сей раз, моя дорогая, перекрести свою пасть и попостись Сыр-то все равно мне достанется,— И, взмахнув крыльями, скромно добавила:— Но сначала, вместо аперитива, по просьбам всех моих знакомых я исполню песенку.

И с кокетливыми ужимками Ворона хрипло прокаркала черт знает что А Жоан Смелычак, радуясь случаю покарать тщеславие, жадными своими глазами высмотр-рел место, куда упал сыр, подкрался к своей добыче— и был таков!

Глава 14

ДЕВУШКА С ПОЛЫМИ НОГАМИ

Опасаясь, как бы Ворона не призвала на помощь все эзоповское звериное царство, Жоан Смелычак со всех ног бросился в лес и, по извилистым лесным тропинкам добежал до родника у пригорка; это был маленький ключ, который тихо бормотал в своем каменном ложе. Здесь Жоан лег на мягкий зеленый мох, но не было у него сил даже для того, чтобы дотянуться до родника и запить сыр доброй ключевой водой. Только и хватило у него сил, чтобы горестно воскликнуть:

— О, стена, стена, где же ты?!

В тот же миг поперечная трещинка в ближайшей скале «очеловечилась» и превратилась в большой рот. Это был тот самый Рот-преследователь, который так докучал ему прежде, и изрек он свое неизменное:

— И далеко и близко.

И далеко и близко? Черт возьми! И Жоан Смелычак, сжав кулаки, вскочил, пылая негодованием.

— Замолчи, глупец! Я уже сыт, сыт, сыт по горло этим «далеко и близко». С меня хватит! А если ты не угомонишься, я выбью тебе зубы!

Но Рот скорчил гримасу (у людей такие гримасы называются улыбками) и сказал:

— Не горячись, малыш! А главное, к чему такой шум! Ты что, хочешь испортить все дело?— И, сложив губы бантиком, прошептал:— Тсс! Верховные власти изволят почивать. У них послеобеденный отдых. Смотри мне, не разбуди их... Подойди-ка сюда. Только тихонько...

Несмотря на естественное недоверие ко ртам из иного мира (кто его, этот рот, знает, а вдруг он начнет кусаться или плевать), Жоан исполнил эту просьбу, которую он, впрочем, счел чистейшим капризом.

— Подойди еще ближе... Не бойся,— зазывал его Рот.— Я хочу тебе кое-что предложить... Но так, чтобы никто не слышал... А особенно Ухо-призрак; повадилось оно все подслушивать, даже то, чего не говорят.

— А что ты мне намерен предложить?— Снедаемый любопытством, Жоан придвинулся вплотную к скале с говорящим Ртом.— Я слушаю тебя!

Тогда Рот (до чего же дурной дух шел из него) шепнул Жоану на ухо:

— Я могу научить тебя, как добраться до деревеньки Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы. При одном условии, конечно...

— При одном? Каком же?

Рот облизнул губы:

— Ты должен отдать мне свой сыр...

Жоан Смелычак вспылал:

— Как, отдать тебе сыр?... Ведь я с таким трудом выманил его у Вороны! Весь сыр?

— Да, малыш, весь до крошки... Знал бы ты, как я соскучился по сыру с таким земным запахом! — И он поторопил Жоана:— Ну, решай быстрее! Не то через минуту будет поздно! Согласен ты или нет?

— Согласен,— сказал с тяжелым вздохом Жоан.— Забирай сыр.

И он уселся поудобнее, очень уж хотелось ему полюбоваться этим кошмарным зрелищем. Еще бы, подумать только — человеческий рот, прорубленный в скале, будет жадно уплетать сыр из молока сказочных коров, описанных в басне Федра.

— Ну и сыр! Всем сырам сыр!—восторгался Рот, брызгая слюной.

Но ему пришлось заглотать лакомый кусочек наспех; Жоан Смелычак, которого разбирало нетерпение, торопил его, желая узнать, где находится таинственная стена.

— Ну, скорее, скорее дожевывай!

— Погоди, успеется, у нас еще есть время.

Рот облизал корочку и, обдавая Жоана сырным духом, прошептал ему в ухо:

— Нет ничего проще. Спускайся вон по той тропинке, она приведет тебя в сад дворца Живых Плодов— это последняя выдумка наших гениев, их фантазия, как тебе известно, никогда не идет дальше принцев и королей... В этом саду есть клумба с Красными Подсолнухами, там-то ты и найдешь вход в туннель, ведущий...

— К стене?

— Да, к стене. Только никому ничего не говори... Тсс!

И на прощание Рот-неряха, весь вымазанный жиром, шумно рыгнул, выражая этим свое удовлетворение, и осклабился в масляной улыбке:

— Ба! Что за сыр! Какой чудесный сырочек!

И, отулыбавшись, он снова слился с мертвой скалой.

Несмотря на изнеможение и голод, Жоан Смелчак, окрыленный надеждой вернуться к себе домой, к привычному теплу родных слез, сразу отправился к цели по дороге, указанной говорящим ртом. Не прошел он и пятисот шагов, как взору его предстал огромный сад, который казался особенно благородным и изящным на фоне дикого окрестного пейзажа. Воздух был так нежен, что легкие его дуновения ласкали кожу как любящие пальцы, а цветы кружили голову тончайшими ароматами. Но Жоан Смелчак был изнурен, и на все эти отрады и прелести не обратил должного внимания. Однако он все же поддался очарованию этого чудесного сада, и совсем забыл о туннеле, где растут Красные Подсолнухи.

«Два желания меня одолевают, — думал он, пытаясь превозмочь утомление, — вволю поесть и хорошенько выспаться»

И заплетающейся походкой, с трудом различая дорогу опухшими от бессонных ночей глазами, он вошел в ворота сада и увидел в конце главной аллеи ослепительной красоты дворец в кольце голубых деревьев.

— Как знать, — проговорил он смущенно — не наделаю ли я глупостей, если навещу хозяина дворца. Ну, а вдруг он пригласит меня отобедать с ним...

«Идти? Не идти?» Он так и не мог принять решения и в недоумении топтался на месте, когда внезапно из боковой аллеи выбежала красивая девушка и преградила ему путь, приветливо улыбаясь алыми губками:

— Добрый день, сеньор! Куда вы спешите?

Жоан Смелчак не утаил от нее своих намерений: Я собирался навестить хозяина этого дворца в надежде, что он предоставит мне постель, пищу и чистое белье. Я ведь ужасно давно не мылся... Кроме того, я голоден, так голоден, что у меня все плывет перед глазами. Ах, если бы вы дали мне что-либо поесть — страх как не хочется показываться владельцу дворца в таком жалком состоянии. Признаться, мне даже как-то неловко.

— Есть? А что это значит? — спросила девушка, и ее черные, как ежевика, глаза стали еще чернее от страха.

— Раздосадованный этим явно нелепым вопросом, Жоан Смелчак передернул плечами.

— Так вы не знаете, что такое еда?.. Вам не приходилось, стало быть, набивать желудок, жевать бифштексы с жареной картошкой, глотать рис... Одним словом, работать челюстями!

По мере того, как Жоан говорил, изумление девушки возрастало еще в большей степени.

— Бифштексы?.. Какое странное слово! — пробормотала она.

— Ты даже не знаешь, что такое бифштекс? Ты что, разыгрываешь меня?

— Нет, чужестранец, — возразила девушка, — уверяю тебя, что я впервые слышу такие странные слова.

— Ну вот! Так я тебе и поверил! — расвирипел Жоан Смелчак, едва не теряя сознание от голода. — Пойду поищу хозяина дворца. Должно быть, он умнее тебя.

Девушка глянула на него с беспокойством.

— Подожди. — И шепотом добавила: — Не ходи!

— Почему же?

— Почему?! Разве ты не знаешь, что здесь живет наша королева?

— Ах, королева, тем лучше!.. Я никогда в жизни не видел королевы и теперь воспользуюсь случаем и с ней познакомлюсь... Она и дома носит корону?

Презрение, с которым Жоан произнес эти слова, не произвело ни малейшего впечатления на девушку. Ее губы, алые, как спелая клубника, на этот раз не улыбались:

— Не ходи! Маша королева терпеть не может иноземцев. Беги! В противном случае ничто тебе не поможет. Дона Беладонна Четвертая неумолима.

— Дона Беладонна Четвертая?

— Да... Дона Беладонна Четвертая. Так зовут нашу королеву. У нее также есть прозвище — Отрава...

Поразмыслив, Жоан Смелчак снова напомнил девушке, что он голоден.

— Я убегу, но сперва ты достанешь мне что-либо съедобное. Я хочу есть... Не понимаешь? Гляди на меня внимательно, я попробую тебе объяснить.

И Жоан исчерпал все возможности, пытаясь раскрыть ей значение глагола «есть». Классическим жестом он указал на рот, двигал челюстями, но все было напрасно. Девушка с недоумением смотрела на него,— казалось, будто он говорит с ней на непонятном языке.

— Но ты сама-то разве ничего не ешь?— взорвался взбешенный Жоан Смелчак,— Как же тебе удастся тогда сохранить хороший цвет лица? Чем ты питаешься? Чем поддерживаешь свои силы?

Девушка в замешательстве взглянула на него и внезапно, приняв какое-то решение, повела его за собой вдоль ограды, а затем усадила и с наивной бесцеремонностью стала развязывать шнурки на его ботинках.

— Какого черта тебе вздумалось это делать?— злобно завопил Жоан.

Но девушка, невзирая на недовольство Жоана, все-таки стащила с него башмаки.

— Готово. Теперь, надеюсь, ты удовлетворена?— взъелся на нее Жоан вне себя от такой сумасбродной выходки.

— Пока нет,— весело возразила она.— Осталось еще снять носки.

— Ну нет! Снять носки, прости меня, я не согласен, по-моему, это уж чересчур. Напрасны, однако, были его протесты. Очаровательная девушка преодолела все препятствия.

— Ну, а что теперь?— спросил разутый Жоан Смелчак.

— Теперь покажи ноги.

И с невозмутимым спокойствием девушка начала разглядывать его ступни. Тут Жоан Смелчак больше не выдержал:

— Только со мной такое может случиться! Я пришел сюда чуть живой от голода, а когда попросил меня накормить, то, вместо того чтобы дать мне сочный бифштекс, с меня сняли башмаки, чтобы полюбоваться моими ногами. Скажите, милая девушка, вы, наверное, главный мозольный оператор в королевстве Беладонны Четвертой?

Но девушка погрузилась в свои таинственные и потусторонние думы. Ни слова не говоря, она сняла туфли и чулки и с милой грацией указала ему на свои ступни. На этот раз Жоан Смелчак был искренне удивлен потому, что ее ноги оказались полыми! Да можно ли такое вообразить?! У девушки были полые ноги!

— Что это значит?— проговорил он в полной растерянности.

— Ничего особенного. У всех жителей нашего королевства такие ноги.

— А зачем?

— Сразу видно, что ты самый истинный варвар,— обиделась девушка.— Эта полые ноги нас питают.

— Каким же образом?— спросил Жоан Смелчак; он теперь удивлялся неустанно и весьма натурально.

— Гляди,— сказала девушка и зарыла нос и землю, причем было ясно, что для нее это было делом привычным.

— Ничего не понимаю! обозлился крайне озадаченный Жоан Смелчак. Девушка не удостоила его ответом, и минуту пребывала в прежней позе, причем казалось, что она совершает какой-то торжественный обряд. Наконец она нарушила молчание и тоном, каким читают в школах разные назидания, сказала:

— Как ты мог убедиться, нас питает сама земля, прямо и непосредственно, и мы не прибегаем к уверткам и хитростям, благодаря которым вы, люди, считаете себя царями природы. Каждый день мы проделываем одно и то же: снимаем обувь и погружаем ноги в хорошо удобренную землю...

— Хорошо удобренную?

— Да, мы удобряем землю навозом или химикалиями, как кому вздумается. И такая земля вливает в нашу кровь новую энергию и укрепляет наши жизненные силы...

Жоан Смелчак бросил на девушку гневный взгляд.

— Ты хочешь сказать, что, в то время как я умираю от голода, ты ужинаешь? Вот негодяйка! Послушай! Я... Я... да я...

Он замолк, потеряв дар речи. Но тут нос его почуял нежный и терпкий аромат, исходящий неизвестно откуда...

Он с наслаждением втянул в себя вкусный воздух:

— Если я не ошибаюсь, здесь пахнет фруктами. Грушами и яблоками... Ах, попадись они мне под руку!

И, не переставая принюхиваться, он все ближе и ближе подвигался к девушке.

— Теперь я понимаю... Твое лицо пахнет антоновскими яблоками,— облизнулся он,— а не яблочное ли оно, или, быть может, твои платья хранятся вместе с грушами?

И тут случилось нечто неправдоподобное. В припадке голодного безумия Жоан Смелчак укусил девушку прямо в щеку! Он ощутил вкус яблока, а бедняжка, утратив часть щеки, вскричала от боли.

— Нет сомнения,— рассуждал Жоан, дожевывая кусок яблока,— я нахожусь в непонятном месте, где у мужчин и у женщин вместо лиц разные плоды, питаются они как растения... Эта девушка, например, настоящий фруктовый салат. Глаза у нее - две ежевики, губы клубничные, щеки яблочные... А пальцы?... Дай-ка я отведаю твой палец. Ну, хоть кусочек!

Сказано— сделано. Он схватил девушку за руку и, не обращая внимания на истошные вопли своей жертвы, откусил кончик указательного пальца.

— Как вкусно!— с наслаждением смаковал он.— Пахнет грушей. Пальчики оближешь.

И с ненасытной жадностью людоеда-вегетарианца он было нацелился на кончик девичьего носа, но вдруг заметил двух стражников, которые стремглав неслись к месту происшествия. Их разбудили вопли девушки, и они кинулись на помощь заживо пожираемой. Однако какое выражение было при этом на их лицах! Замкнутое и жестокое, ну точно такое, как у незрелой айвы.

— Где найти клумбу с Красными Подсолнухами?— шепнул девушке Жоан повинувшись инстинкту самосохранения.

И девушка,— ведь сердце у нее было медовое,— нет там обиды, указала искалеченным пальчиком, из которого сочился сок, на ближайшую куртину. Пригнувшись, чтобы его не заметили стражники, Жоан во весь дух помчался к клумбе с подсолнухами и, опустившись на корточки, стал разгребать руками землю в поисках входа в туннель.

Глава 15 ВОЗВРАЩЕНИЕ

В смятении Жоан Смелчак топтал и рвал траву, ведь должен же он был отыскать... впрочем, что именно, он и сам толком не знал. Вероятно, железное кольцо, классическое кольцо, которым снабжены все крышки волшебных люков. Но он очень боялся стражников с лицами кислыми, как незрелая айва и, не надеясь разыскать это кольцо, принялся скорости ради наугад выдергивать все растения, какие только попадались под руку. И он так основательно с ними расправился, что в конце концов сдвинул с места огромный камень, оплетенный корнями красного подсолнуха. И тогда показался вход в туннель — жуткая, могильно-черная яма. Он заглянул туда, и сердце его сжалось. Что делать дальше? Спускаться? А есть ли лестница на стенке колодца? Руки его нащупали в темноте только влажный мох и холодный камень. Может быть, надо, уповав на волшебные силы (что им стоит в момент смертельной опасности выдать ему парочку спасительных крыльев), без промедления ринуться в пропасть?

К счастью, ему не пришлось долго размышлять. Он склонился над бездной и внезапно с чувством унылого облегчения почувствовал, как его всасывает огромный потусторонний рот. С глухим стоном Жоан исчез в недрах земли, доброй матушки-земли, а она, протаскив его через темные свои глубины (это путешествие было одновременно и долгим и мгновенным), стремительно выбросила его через какую-то галерею в каменоломню Кровавых камней, а эта каменоломня располагалась у самой стены. Да, у самой Кровавой стены. Здесь она казалась бесконечной вереницей отвесных и зазубренных багровых скал; совершенно гладкая и неприступная, она тянулась на долгие километры и исчезала из виду где-то за горизонтом. Нечего было и думать взобраться на ее гребень по гладкому, как зеркало, склону. Нигде, решительно нигде Жоан не обнаружил на поверхности стены ни малейшей трещины хотя бы для того, чтобы приютить пчелу. Ничего. Черт возьми! Ну и дела! Вконец разочарованный Жоан тяжело опустился на какой-то камень. И в ту же минуту до ушей его дошел яростный вопль.

— Убирайся вон, скотина!

Юноша повернулся:

— Кто говорит со мной?

— Это я, камень, ты ушиб меня. В следующий раз¹ гляди хорошенько, куда садишься, болван!

Окинув валун беглым взглядом, Жоан Смелчак убедился, что он и в самом деле бесцеремонно уселся на мшистые волосы огромной косоглазой гранитной головы, с бородкой из лишайников и слегка выщербленным носом...

— Забавно. Ты так похож на камень...— начал он.

— Так оно и есть на самом деле...— перебил его валун.— Но могу тебя заверить— мозги у меня имеются. Их не так уж много, но достаточно. Того, что есть, с лихвой хватает, чтобы держать караул у стены.

— Понимаю, ты, вероятно, служишь в таможне? Рад с тобой познакомиться,— приветствовал стражника Жоан, причем его самого удивил заискивающий тон этого приветствия. И ради сохранения собственного достоинства он процедил сквозь зубы.— Однако что это за нелепость, скажи на милость? Почему у тебя только голова?.. Часть тела, пожалуй, менее всего нужна охраннику?

На что немедленно последовало объяснение, данное, как и следовало ожидать, с каменной холодностью:

— Ты ошибаешься, у меня, кроме головы, есть туловище, руки и ноги, как у всякого уважающего себя существа. Но когда у меня является желание отдохнуть, я рассекаю себя на части. Например, когда устают ноги, я отделяю их от туловища и баюкаю, пока они не заснут. С туловищем и руками я поступаю точно так же. Понимаешь?

— Понимаю. Но как же тебе удастся возвратиться в прежнее, так сказать, нормальное состояние?

— А, это сущие пустяки. Хочешь, покажу?

И голова, подпрыгивая, подкатилась к спящему телу— здесь явно не обошлось без волшебства— и начала его расталкивать:

— Да просыпайся же ты скорее, лентяй!

И так как уговоры, по-видимому, не влияли на упрямое туловище, голова не остановилась на полумерах, она вцепилась в него зубами со всей яростью, на какую только была способна, и завопила:

— Проснись же, черт тебя побери! Дрыхнешь, как будто наглотался люминала! Метод укусов подействовал, и вскоре караульный собрал воедино все свои части тела, руки с каменными мускулами и грубыми кистями, мозолистые ноги. И он немедленно приступил к своим служебным обязанностям— долг повелевал ему отреагировать на вторжение Жоана Смельчака:

— Ты хочешь перебраться через стену, не правда ли? Ладно. Тогда поторапливайся и предъяви свой паспорт. Да, да, паспорт... Разумеется, с соответствующими печатями, четкими, чтобы они бросались в глаза. Как?! У тебя нет паспорта?! Даже и печатей нет?! Как же ты сюда пробрался без печатей? Ты кого-то подкупил, не так ли? Ну, да это дело обычное. Но имей в виду, мой милый... без предписанных законом печатей через эту границу никто еще не прошел! Возвращайся туда, откуда ты пришел...

Но Жоан Смельчак мягко возразил ему:

— А если я подам апелляцию?

— Апелляцию к моему доброму каменному сердцу, не так ли?— уточнил непреклонный стражник. Бесплезно, дорогой мой. Здесь никто еще не проходил, не предъявив паспорта, разумеется, оформленного по всем правилам. А это значит, что в нем должны быть четко проставлены все семьдесят семь печатей. И, кроме того мне трудно поверить, что может найтись человек, способный променять этот земной рай на... Откуда ты родом?

— Из деревеньки Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы.

Имитируя смех, стражник заскрежетал, и Жоану показалось, что где-то поблизости дробят щебень.

— Так ты из того местечка, где жители настолько исплакались, что у них под глазами вырос мох, а под носом зеленая плесень? Что же ты там собираешься делать?

Жоан Смельчак в недоумении пожал плечами:

— Откуда я знаю! По правде говоря, странствуя здесь, я убедился, что и в мире Магического Воображения (в том самом, который ты защищаешь, требуя печати), и у нас, в деревеньке Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы, действует один и тот же жуткий закон. А суть его можно выразить любым из слов, которые я тебе перечислю,— выбирай по вкусу, какое из них тебе милее: канитель, скука, однообразие, пошлость. Конечно, есть и различия. Слезоглотовцы якобы страдают больше. Но на самом деле их страданиям грош цена. Ибо их лжегорести в действительности так ничтожны, так жалки, так нелепы, что они, в сущности, понятия не имеют о подлинных злосчастиях.

— Ну и что же ты в таком случае будешь делать в этой стране, сухой внутри и мокрой снаружи? Ведь это сплошной рассадник душевного насморка!

— Знаешь ли... Человек никогда не бывает всем доволен... Сказать откровенно, я сыт по горло всей этой лихорадочной анархией царства Сновидений, в котором я побывал, и хочу теперь снова изведать то, что мы называем реальностью. Кроме того... Послушай, я открою тебе один секрет... Только обещай, что никому его не выдашь... Обещаешь? Ну, так слушай. Я хочу вернуться прежде всего для того, чтобы, коли мне удастся взбунтовать деревеньку Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы, выпрямить спины моих земляков... Зажечь в их сердцах веру в новую жизнь, достойную, отважную... Но, кроме того,— почему бы мне тебе в этом не признаться,— меня грызет одно ненасытное желание.

— Какое же?

— Ах! Знаешь ли, даже как-то стыдно об этом говорить...— И, покраснев от смущения, Жоан Смельчак пробормотал:—Я ужасно соскучился по... ты и не представляешь себе по чему... По одному грубому простому блюду, по треске с картошкой. По доброму куску трески с молодой картошечкой. И представь себе, друг мой! Именно такие ничтожные желания вызывают подчас величайшие душевные порывы. Например, тоску по родине.

Тронутый искренними признаниями Жоана, хранитель стены сказал:

— Ладно... Самое большее, что я могу для тебя сделать, это посоветоваться с моими начальниками, как с тобой поступить. Позволь мне на время отлучиться, я с ними сейчас поговорю.

— Ты долго там пробудешь?

— Нет, передвигаться можно и не передвигаясь, ты сейчас это увидишь. Вот и готово.

И стражник отбыл или, точнее, замер в неподвижности, повернул глаза внутрь и примерно четверть часа не шевелился; он «отсутствовал». А когда вернулся, то есть повернул глаза наружу, то есть своим видом показал Жоану, что весьма доволен указаниями свыше.

— Власти, с коими я советовался, согласились тебя выпустить отсюда,— заявил он.

— Ах, как хорошо!— с облегчением вздохнул Жоан Смельчак

— Но при условии, что ты остаешься,— добавил страж. Жоан возмутился:

— Черт побери! Вечно вы разыгрываете из себя сфинксов! Неужели, по-твоему, возможно разрешить эту головоломку?

— Да, возможно.

— Но каким образом? Скажи мне, каким образом, каменная твоя башка?

Стражнику не совсем ясны были кое-какие детали, и он снова решил обратиться к далеким властям.

— Обожди минутку. Я скоро вернусь.

И все повторилось снова: он вывернул глаза наизнанку и, сохраняя монументальное спокойствие, удалился, то есть застыл на месте... как и в первый раз. Возвратился он со счастливой миной подчиненного, вполне постигшего высочайшие соображения авторитетного начальства.

— Все улажено... Ты уходишь отсюда со мной. Путь нам предстоит неблизкий: шестьдесят тысяч километров.

— Шестьдесят тысяч километров? Пешком? Не знаю, выдержу ли я. Часовой улыбнулся,— об этом можно было догадаться только по голосу, ибо каменная физиономия бедняги не могла выразить каких бы то ни было чувств и эмоций.

— Пешком? Да ты не в своем уме! Я никогда не хожу пешком. Ноги у меня уж больно неговорчивые. Я предпочитаю другой способ передвижения... Вот этот.— И он указал на какие-то странные сапоги, мраморные и полупрозрачные; бесспорно, волшебные, или, иначе говоря, приводимые в движение таинственной силой, которую люди по ту сторону стены еще не сумели открыть и подчинить своим целям.

— А ну-ка, примерь эти сапоги,— предложил страж.— На твоё счастье, у меня оказалась лишняя пара.

Жоан Смельчак согласился и быстро надел сапоги, которые дал ему стражник.

— Готово... А теперь?

— Погоди Дай мне сперва справиться с моими. Они мне чуточку тесноваты.

И он поведал Жоану о недугах, которые терзали его гранитное тело, прерывая монолог горестными воплями:— До чего меня донимают эти мозоли! Ох! Но дело того стоит. На этих сапогах скользишь, как на коньках... Ох!.. Потому что... сам сейчас убедишься, не мы их носим, а они нас. Ох!

Так оно и случилось. Едва только Жоан Смельчак шевельнул ногой, сапоги неудержимо понеслись вперед со скоростью света. И не успел он глазом моргнуть, как...

— Готово. Мы уже прибыли!—взвыл стражник, не чаявший сбросить с ног безжалостные тиски.

Жоан Смелычак молча (он еще не отдышался после этого пробега) осмотрел местность и убедился, что она очень похожа на тот уголок, где он впервые встретился с каменным часовым. Та же стена, вернее, тот же крутой и неприступный обрыв, вот только тихой речушки с чистой голубой водой на старом месте не было...

Пыхтя и отдуваясь, стражник сбросил сапоги: он не торопился и, видимо, не очень спешил раскрыть Жоану Смелычаку, каким образом высшие силы собираются проделать свой таинственный фокус,— ведь Жоан должен был «уезжая оставаться». Наконец стражник снизошел до делового разговора и обратился к Жоану.

— Так ты не считаешь это возможным?— спросил он.

— Разве только если меня разделят пополам...— сказал Жоан, сознавая, что это предложение неосуществимо.

— Вот именно. Если тебя разделят пополам, один Жоан останется по сю сторону, а другой окажется по ту сторону. Причем оба Жоана должны, конечно, быть одним Жоаном.

— Понятно. Стало быть, Я— Другой и Я— Я будем единым Я,— проговорил Жоан, которого забавляли эти метафизические рецепты стражника.

— Да, да; ты будешь и самим собой, и другим Жоаном.— И стражник без всякой иронии добавил:— Вижу, что тебе понятен наш язык, который объясняет решительно все на свете. Суть в том, что все намеренно усложняется для дальнейшего упрощения. И знаешь,— сказал он с обычной своей утробной улыбкой,— в дуэте Я — Я и Я — Он оба объекта слиты в силу внутреннего единства категорий света и тени. И таким образом, как я полагаю, Я— Он куда смелее и практичнее, чем Я— Я, который не столь благоразумен и серьезен. А ты поэтому не сможешь различить, какой из них кто.

— Что за чепуха,— воскликнул Жоан и схватился за голову, давая понять стражнику, что он недоволен этой запутанной тайной.

Так, значит, ты согласен раздвоиться?— спросил стражник и, побуждая его принять поскорее решение, привел неоспоримый довод.— Впрочем, это единственный для тебя способ отсюда выйти.

— Серьезно?

— Я всегда говорю серьезно. Для того меня и изваяли из гранитной глыбы.

Жоан Смелычак смирился перед неизбежным.

— Ладно... Что поделаешь, если нот другого способа! Но как же все-таки ты меня разделишь надвое, как?

— Это уж моя забота. Погоди немного. Сейчас увидишь.

И невозмутимый страж Волшебного Мира каменными шагами направился к реке. Он подошел к берегу, наклонился к воде и мановением руки извлек из речных вод зеркало. Магическое голубовато-стеклянно-жидкое зеркало. Он осторожно прислонил его к стене и патетически изрек:

— Погляди сюда!

Жоан Смелычак покорно впился взором в зеркальную гладь.

— Теперь приготовься к важнейшему событию в твоей жизни!— предупредил его каменный страж.— Сейчас твое изображение выйдет из зеркала, оно будет ходить, говорить, думать...

— И оно это я? Я во плоти?

— Да, это ты, но в то же время и не ты...

— Но я, по крайней мере, по-прежнему буду Жоаном, не знающим страха?— с удрученным видом спросил Жоан.

— Да, ты по-прежнему будешь притворяться что не испытываешь страха.

— Однако эта двойственность может привести к ужасной путанице, - озабоченно сказал Жоан Смелычак.— Ведь никто не сможет угадать, где Я, и где не Я

— Подумаешь, велика важность, ведь вы оба будете жить в разных мирах.

— А кто же попадет в деревеньку Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы? Кто будет лакомиться жареной треской? Я или Я, который не Я?

— Тысячу раз я тебе говорил, что это никакого значения не имеет. Вы оба — одна субстанция. Душа, инстинкт, вкус,— у вас общие.

И Жоан Смелычак решил ввериться судьбе. Он уставился в зеркало, а каменный страж тем временем каменным голосом скомандовал:

— Жоан Смелычак номер два, выпрыгни из зеркала!

И тут же из волшебных зеркальных недр выпорхнуло Жоаново отражение. В плотском своем облике оно проделало сальто и вошло в земной мир.

— Дышу и радуюсь!— с восторгом воскликнуло оно.

Жизнь входила в его легкие с каждым новым вздохом. Жоан Второй протянул руку Жоану Первому, и тот с удовольствием пожал ее. Приятно ведь слышать свой голос из не своих уст, приятно крепко сжимать свою руку, которая, впрочем, не совсем своя.

— Ну. негодник, как поживаешь?..

Однако страж во избежание семейных сцен прервал завязавшуюся беседу:

— Скоро стемнеет. Сегодня не до нежностей. Перейдем к главному. Закройте глаза.

— Зачем?— спросил более любознательный Жоан Смельчак

— Мне приказано перемешать вас, перепутать, перетасовать, закружить... чтоб никто не догадался, и прежде всего вы сами, кто из вас номер один, а кто номер два. Пляшите, мальчики! Тара-ра-ра-ра, ла-та-та-пам, пам, пам...

И под аккомпанемент каменных ладоней, которые отбивали такт в ритме кузнечного молота, оба Жоана пустились в пляс. Великий страх заставлял их кружиться в адском темпе тарантеллы, и оба Жоана выделяли замысловатые пируэты до тех пор, пока головы их не пошли кругом. В полном изнеможении они упали на землю.

— Готово! Теперь я сам не разберусь, кто из вас номер один, а кто номер два, — торжествующе объявил стражник.— Пришел роковой час выбора. Ты, например,— и он указал на того Жоана, что стоял ближе к нему, — будешь и впредь реально странствовать в нереальном мире... А ты, —сказал он, обращаясь к другому Жоану,— вернешься в деревеньку Поплачь, А Затем Проглоти Свои Слезы.

— И мы никогда больше не встретимся?— огорчился неизвестно какой Жоан Смельчак.

— Почему же не встретитесь? Вы можете даже тайком подменить друг друга только сделайте так, чтобы никто, и, прежде всего ты сам этого не заметил. А теперь, прошу вас, не теряйте времени!

— Послушай, друг!—И он обернулся к Жоану Смельчаку, которому выпала доля сражаться на турнирах с загадочными силами.— Отправляйся скорее на подвиги! Седлай ветер, и айда!

— Да будет так!— с театральным пафосом воскликнул избранник.— Трепещите, чудовища нынешние и грядущие! Трепещите перед Жоаном Смельчаком, рыцарем, сражающимся только в мечтах!

Одним прыжком он оседлал ветер и крикнул другому Жоану, который глядел на него с завистливой грустью.

— Прощай, дружище! Когда-нибудь я приду навестить тебя, и мы поменяемся судьбами, ладно? И тогда отдохнем— я от приключений, ты от трески...

— И он исчез за облаками.

Тогда снова заговорил стражник:

— Хорошо. Теперь твоя очередь. Настало время возвращаться к своим слезоглотовцам.

— С удовольствием, но как это сделать?

— Проще простого. Подойди к стене и пройди сквозь нее.

— Пройти сквозь стену? Но как? В каком месте? В ней же нет дверей.

— Двери тебе и не нужны... Пройди через дверь, которой нет.

Это было наставление, типичное для учебных руководств Волшебного Мира, и каменный страж, радуясь, что он так ловко завершил свое дело, вручил Жоану паспорт со всеми необходимыми печатями.

— Теперь иди сквозь стену. Не бойся,— сказал страж, подышав на самую последнюю печать.

Отлично понимая, что во всем этом деле не обошлось без надувательства (для чего, впрочем, не требовалось особой тонкости ума), Жоан Смельчак распрощался со стражником, подошел к стене и лягнул ее. Мгновенно стена исчезла в волшебном тумане. И совсем легко, ну просто как через облако, Жоан просочился сквозь эту туманную преграду (именно так просачиваются привидения), изорвав ее в клочья сапогами, и достиг наконец обетованной слезоглотовской земли. Взволнованно ступил на нее счастливый Жоан Смельчак. Душа его радовалась, когда он вспоминал о былых скитаниях и предвкушал беседу с друзьями о своих подвигах. И вместе с тем слегка омрачало Жоанову душу неясное чувство раскаяния. Да, возвращение восвояси вызывало и это чувство...

Медленно сгущались сумерки, ветер доносил откуда-то издалека стопы и рыдания. Быть может, это плакал дождь, который словно розгами хлестал слезоглотовские деревья, а быть может, и слезоглотовцы, ведь своими слезливыми традициями они так гордились... Они любили плакать всегда, плакать с утра до вечера.

Покончить с этой слезоточивостью - такова была теперь главная цель Жоана Смельчака. Итак, вперед!

Непроезжими тропками направился он к своей деревеньке, и внезапно до него донесся жалобный птичий писк— пиу-пиу-пиу... Пищал воробей, полумертвый от голода. Жоан бережно поднял его. Несчастливая птица! Она плакала голубыми слезами.

«Как странно, неужели птицы плачут голубыми слезами! Или я просто плохо вижу в сумерках? — прошептал он.— Все здесь на земле и в небесах гибнет от голода. От жажды никто не умирает, вода из глаз сочится прямо в рот».

И ласково взъерошив бедняжке перья (ну и отощал же этот воробушек) он сказал:

— Меня удивляет, что они тебя, мой птенчик, еще не съели!

Смутно ощущая в себе какие-то перемены к худшему, чувствуя, что он уже не прежний Жоан Смельчак (как раз это-то и побуждало его высоко держать голову и принимать надменный вид), юноша бережно посадил птенца на ветку, посадил на самом виду, отдавая его во власть первого встречного слезоглотовца и зная, как голодные плаксы падки на такую добычу. А затем он вошел в деревню, где его с распростертыми объятиями встретили соседи и друзья. Свой восторг они выражали рыданиями. Мать пробилась к Жоану первая и сквозь слезы сказала:

— Мой милый Жоан! Долго ты странствовал в заморских краях, а мамочку свою все же не забыл. Правда ведь, родной мой? Ах, если бы ты знал, сколько я слез пролила, все глаза я по тебе выплакала, сыночек! Дни и ночи рыдала безутешно. Ну, а ты хоть разбогател? Привез ли деньги, чтобы справиться мне достойные похороны, когда пробьет мой час?

— Нет, мама! К чему все это? Куда важнее другое — надо решительно изменить нашу жизнь.

Жоан горел желанием вещать и проповедовать. И, вскочив на камень, он обратился ко всем плаксам с такой речью:

— Сograждане! Сомкнем ряды в борьбе с никчемными слезами! Сбреем с лица мох, сотрем зеленую плесень с губ! Да здравствует революционная радость!

— Но мало-помалу, друг за дружкой, слезоглотовцы, напуганные этими призывами, которые подрывали их кладбищенские традиции и нарушали гнилой и голодный покой, стали тайком разбегаться. Им пуще прежнего теперь хотелось рыдать, посыпая пеплом забвения крамольные речи Жоана Смельчака.

— Слушайте! Слушайте!— кричал он, тщетно пытаясь удержать это трусливое сборище.

Но кому нужны были его речи? И так ли убедительны были его слова, не холодные, но и не горячие, разве они могли совершить чудо и зажечь чьи-то сердца? И постепенно слезоглотовцы разбрелись кто куда, растворились в промозглой ночной сырости. Не покинула Жоана лишь мать, которая продолжала его донимать слезливыми уговорами:

— Оставь ты эти опасные идеи, сынок, не нарушай наш драгоценный покой, не пытайся порвать нашу связь с покойниками. И поплачь, как плачем мы все. Смирись, пусти слезу!

— Никогда, никогда я не смирюсь,— воскликнул Жоан, гордо и смело (по крайней мере, со стороны казалось, что он горд и смел). И в то же время (боже! Где теперь бродит другой Жоан Смельчак, и когда он придет сюда?!) он шепнул матери с робкой мудростью вконец истомленного человека:— Я не отступлю, мама, я не сдамся. Понимаешь, ни за что не отступлю. Но временно, только временно, и только чтобы восстановить силы... я хотел бы... Знаешь чего? Нашей любимой трески... Трески с картошкой... Но не думай, что я отказался от борьбы. Нет, никогда! Треска — это только чтобы утолить голод.

— Да, мой сын... да, мой дорогой мальчик... Только чтобы утолить голод.

И бедняжка бросилась готовить треску; готовить, поливая ее слезами.

А Жоан Смельчак все ждал и ждал, сам не зная, чего именно он ждет, то ли чуда, которое в один прекрасный день осушило бы все слезы на земле... то ли другого Жоана, который, увы, являлся к нему только по ночам, во сне...

И Жоан Смельчак временно, только временно, приняв во внимание, что кругом плачет столько людей, построил фабрику носовых платков и на этом разбогател.

(Да! Но когда-нибудь, когда-нибудь...)